W 446/9

Ш 446
9

КАВКАЗСКІЕ

ЕВРЕИ-ГОРЦЫ.

Ильи Шеребетовича

Анисимова.

Изъ «Сборника Матеріаловъ по Этнографіи»
изд. при Дашковскомъ Этнографическомъ Музеѣ.

МОСКВА.
Типографія Е. Г. Потапова, Старая Басманная, д. Мараевой.
1888.

2007237687

ПОСВЯЩАЕТСЯ

ПРОФЕССОРУ

ВСЕВОЛОДУ ѲЕДОРОВИЧУ

МИЛЛЕРУ.

КАВКАЗСКІЕ ЕВРЕИ-ГОРЦЫ.

ВВЕДЕНІЕ.

Среди многочисленныхъ народностей Кавказа, привлекавшихъ къ себѣ вниманіе изслѣдователей-этнографовъ, сохранилось одно немногочисленное племя, о бытѣ котораго до сихъ поръ извѣстно очень немногое. Это—горцы-евреи или, какъ ихъ называютъ, «Горскіе Евреи». Никто изъ нашихъ изслѣдователей Кавказа спеціально не занимался изученіемъ этого народа, и лишь немногіе путешественники говорили о немъ мимоходомъ при описаніи другихъ племенъ Кавказа. По всей вѣроятности, это объясняется тѣмъ, что этотъ небольшой народецъ не пользовался ни историческою извѣстностью, ни литературою, и по своей незначительности почти ничѣмъ не выдѣлялся изъ другихъ, окружающихъ его, племенъ, какъ внѣшностью, такъ и одеждой. Впрочемъ, въ послѣднія десять, двадцать лѣтъ появились въ печати четыре произведенія, посвященныя, евреямъ-горцамъ. Первое изъ нихъ книга г. Немировича-Данченко «Воинствующій Израиль». Она дѣйствуетъ болѣе на воображеніе читателя своими фантастическими, художественными картинами, чѣмъ на умъ. Изображеніемъ правовъ, обычаевъ и нѣкоторыхъ сторонъ быта горскихъ евреевъ, въ видѣ художественныхъ сценокъ, она пріобрѣла довольно обширный кругъ читателей, но только среди евро-

пейскихъ евреевъ, интересовавшихся свѣдѣніями о своихъ единовѣрцахъ на Кавказѣ. Вторая статья о горскихъ евреяхъ появилась 15—16 лѣтъ тому назадъ сначала въ еврейскихъ журналахъ на древне-еврейскомъ языкѣ, а потомъ въ «Сборникѣ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ» и принадлежитъ путешественнику 60-хъ годовъ по Кавказу, Іудѣ Черному *).

Этотъ путешественникъ, достойный уваженія по перенесеннымъ имъ трудностямъ и лишеніямъ въ неизвѣстномъ и еще не совсѣмъ безопасномъ краѣ, говоритъ въ началѣ своей статьи, что ему пришлось путешествовать по Прикаспійскому краю и Терской области два года, въ теченіе которыхъ онъ и изучилъ «по мѣрѣ возможности» бытъ своихъ соплеменниковъ, ихъ образъ жизни, обычаи, нравы, предразсудки и пр., и пр.

Принимая во вниманіе то время**), въ которое путешествовалъ Іуда Черный по Кавказу, тотъ низкій уровень нравственнаго состоянія горскихъ евреевъ и, наконецъ, ихъ непріязненное отношеніе къ русскимъ или европейскимъ евреямъ, о которомъ будетъ сказано ниже, можно, даже не вдаваясь въ критическій разборъ произведенія Чернаго, положительно сказать, что «возможность» сообщенія точныхъ данныхъ о бытѣ Горскихъ Евреевъ была для него весьма ограничена. Если автору и пришлось замѣтить въ ихъ жизни что нибудь, то лишь самую ничтожную долю, остальное-же онъ описываетъ или по частному быту нѣсколькихъ ауловъ, или по наслышкѣ.

Горцы-евреи отличаются крайнимъ фанатизмомъ и доходятъ иногда подъ вліяніемъ предубѣжденій до того, что бываютъ готовы изъ-за религіи и обрядовъ, установленныхъ ею, терпѣть всевозможныя страданія. Свою религію, по ихъ убѣжденію, приняли ихъ прадѣды отъ евреевъ перваго храма. Многаго,

*) См. статью „Горскіе Евреи“ въ Сборн. свѣдѣній о Кавказскихъ горцахъ. Издан. Кавказскаго Горскаго управленія, вып. III. 1870 г., Тифлисъ.

**) Дагестанская область только что была завоевона и усмирена русскими, и жители были еще разсѣяны въ горахъ, ущеліяхъ и хуторахъ.

что есть у европейскихъ евреевъ, нѣтъ въ религіи горскихъ, и мнѣ пришлось замѣтить, что и наоборотъ, многіе религіозные обряды горскихъ евреевъ неизвѣстны у европейскихъ. Большинство русскихъ или европейскихъ евреевъ, которыхъ горцы называютъ «эшгенези», будучи болѣе или менѣе образованными и болѣе развитыми, чѣмъ ихъ кавказскіе единовѣрцы, не слишкомъ придерживаются устарѣвшихъ обрядовъ Талмуда, чѣмъ не рѣдко вызываютъ противъ себя въ этихъ дикаряхъ негодованіе. «Эшгенези», по ихъ мнѣнію, то же, что и «эпикурусы» (отступники). Но есть и другая странная причина неудовольствія горскихъ евревъ противъ европейскихъ. По завоеваніи Кавказа Россіей, многіе солдаты изъ русскихъ евреевъ, поселившіеся въ городахъ, почему то дали своимъ единовѣрцамъ, горскимъ евреямъ, принимавшимъ ихъ радушно, прозвище «быкъ». Вѣроятно, этимъ они хотѣли указать на ихъ грубость. Это прозвище осталось за ними и до нашихъ дней *). По примѣру первыхъ, и послѣдующіе поселенцы на Кавказѣ изъ русскихъ евреевъ стали величать своихъ единовѣрцевъ «быками». Но горскіе евреи, отличаясь дѣтскимъ самолюбіемъ и раздражительностью, считаютъ такое прозвище для себя величайшимъ оскорбленіемъ. Не разъ я видѣлъ, что они приходили въ ужасное негодованіе отъ этой клички, доходили до драки со своими нежелапными сосѣдями единовѣрцами и, наконецъ, давали себѣ слово ничего не имѣть съ ними общаго. Вообще высокомѣріе, съ которымъ относились русскіе евреи къ горцамъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, повело къ тому, что между тѣми и другими возникло значительное препятствіе къ сближенію. Евреи-горцы стали удаляться отъ русскихъ евреевъ и перестали питать къ нимъ довѣріе. Эта вражда продолжаетъ существовать и до нашихъ дней. На сколько сильна она, можно судить изъ того, что

---

*) Нѣсколько разъ обращался я съ просьбой къ европейскпмъ евреямъ объяснить мнѣ точное пропсхожденіе и значеніе этого прозвища, но ни отъ кого не получилъ другого объясненія, кромѣ вышеприведеннаго.

у горскихъ евреевъ сложилась пословица: «Эшгенезире эзъ ховоре́ кушде́ хубъ ни́сди, эзъ песе́й кофо́ю бисдо́ге бешга́й», т. е. «не хорошо убивать европейскаго еврея чрезъ горло (рѣзать), а непремѣнно чрезъ затылокъ, чтобы мучить его». Недавно произошло въ городѣ Т. Х. Ш. между европейскими и горскими евреями слѣдующее столкновеніе. У русскихъ евреевъ былъ одинъ канторъ, который исполнялъ у нихъ вмѣстѣ съ тѣмъ роль рѣзника и мясника. Горскіе евреи, привыкшіе на зиму дѣлать запасы копченаго и сушенаго мяса, очень мало употребляли свѣжей мясной провизіи и не стали заводить своей мясной лавки, а брали свѣжее мясо, когда потребуется, у русскаго еврея мясника. Но вотъ въ городѣ годъ отъ году стало прибывать число горскихъ евреевъ холостяковъ, которыхъ привлекали сюда торговыя цѣли и заработки. Вслѣдствіе бо̀льшаго требованія мяса, явилась у горскихъ евреевъ потребность открыть *свою* мясную лавку. Этого желали они еще и потому, что, какъ носились слухи, рѣзникъ русскихъ евреевъ насчитывалъ лишнее на тѣхъ, которые брали у него мясо на книжку. Явились двое изъ горскихъ евреевъ, которые попросили бывшаго тогда главнаго рабби горскихъ евреевъ М-ва рѣзать для нихъ мясо, и открыли свою мясную лавку. Увидя хорошее мясо, и многіе изъ русскихъ евреевъ стали покупать у нихъ. Не прошло и года, какъ рѣзникъ русскихъ евреевъ почувствовалъ въ покупателяхъ большой недостатокъ, началъ возводить обвиненія на главнаго рабби горскихъ евреевъ, разсказывая въ городѣ, что онъ не умѣетъ рѣзать, не знаетъ правилъ рѣзанія скотины «Шахидо» и проч. и проч. Наконецъ, онъ увлекся до того, что въ субботній день взялъ заповѣди и сказалъ, что, присягая на нихъ, онъ подтверждаетъ негодность мяса (трефность) приготовляемаго горскимъ рабби. Слухъ этотъ дошелъ до горскихъ евреевъ и ихъ рабби; горскіе евреи страшно возмутились и потребовали у своего рабби опроверженія взведеннаго на него ложнаго обвиненія и наказанія клеветника. Въ слѣдующую субботу собрались нѣсколько горскихъ евреевъ и

отправились, кто съ дубиной, кто съ палкой и оружіемъ, (по субботамъ горскіе евреи не носятъ оружія) со своимъ рабби въ синагогу русскихъ евреевъ. Рабби началъ требовать отъ кантора объясненія, но тотъ началъ увертываться; тогда горскіе евреи начали горячиться, ругать всѣхъ русскихъ евреевъ мошенниками и грозить разбить ихъ синагогу и убить ихъ всѣхъ, въ случаѣ повторенія такихъ гнусныхъ обвиненій. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ синагоги даже началась драка и, вѣроятно, много бы пришлось потерпѣть русскимъ евреямъ, если бы не вмѣшательство самаго рабби, который убѣдилъ своихъ приверженцевъ оставить это дѣло безъ послѣдствія до слѣдующаго повторенія подобнаго случая. Такіе случаи, въ которыхъ является у горскихъ евреевъ сильное желаніе разгромить своихъ недоброжелательныхъ единовѣрцевъ, русскихъ евреевъ, бываютъ нерѣдко и не въ одномъ городѣ.

Послѣ всего сказаннаго не удивительно, если г. Черный не могъ пользоваться у своихъ единовѣрцевъ слишкомъ большимъ довѣріемъ и вывѣдать у нихъ многое. Мнѣ, знающему жизнь своихъ собратьевъ, при чтеніи статьи І. Чернаго бываетъ иногда и смѣшно, и досадно: до того въ ней въ иныхъ мѣстахъ много несоотвѣтствія съ дѣйствительностью.

Говоря, напримѣръ, о гостепріимствѣ горскихъ евреевъ, объ обмываніи ими ногъ страннику, о многоженствѣ, кровомщеніи и другихъ еврейско-горскихъ обычаяхъ, отсутствующихъ у европейскихъ евреевъ, Черный все объясняетъ сохраненіемъ ими въ первобытной чистотѣ обычаевъ ихъ предковъ-патріарховъ, изъ чего выходитъ, что и всѣ прочіе горцы, магометанскаго, христіанскаго и языческаго вѣроисповѣданій, имѣющіе тѣ же обычаи, заимствовали ихъ, конечно, отъ горцевъ-евресвъ (?!) Разсказывая о томъ, какъ, по мнѣнію г. Чернаго, горскіе евреи переселялись изъ мѣста на мѣсто, изъ аула въ аулъ, пока не дошли до сел. Тарку, дабы не платить своимъ властелинамъ болѣе трехъ рублей подати, нѣкто Г.—Б.—Г. въ своей рецензіи подъ заглавіемъ:

«Кавказскіе евреи» *) очень мѣтко и справедливо замѣчаетъ: «Оказывается, такимъ образомъ, что все ихъ прошлое почти за 2-хъ-тысячелѣтній періодъ отъ царя Навуходоносора до нашихъ дней заключается въ трехъ рубляхъ, не больше и не меньше ни на одну копѣйку, какъ будто ихъ предки дали обѣтъ еще у горы Синая — никому и ни въ какой странѣ больше трехъ рублей никогда не платить, а иначе переселиться».

Мы согласны съ тѣмъ, что горскіе евреи крайне невѣжественны въ своей исторіи и почти ничего письменнаго или достовѣрно-устнаго не соранилось у нихъ о своемъ прошломъ, но въ статьѣ І. Чернаго мы не находимъ ни одного преданія, которыми такъ богатъ Кавказъ, представляющаго для историка серьезный интересъ, какъ матеріалъ для нахожденія какой либо исторической связи горскихъ евреевъ съ другими племенами.

Говоря о языкѣ горскихъ евреевъ, І. Черный называетъ его фарсидско-татскимъ и относитъ его къ древне-персидскому, думая, что изъ этихъ двухъ языковъ, фарсидскаго и татскаго, могъ образоваться у евреевъ жаргонъ; но у него не является даже и желаніе узнать, что такое *таты* и *фарсы*, если народъ относитъ себя къ этимъ древнимъ племенамъ. Вообще свѣдѣнія, сообщаемыя І. Чернымъ о языкѣ горскихъ евреевъ, отличаются крайней неточностью. Для сравненія словъ, представленныхъ І. Чернымъ, съ дѣйствительнымъ произношеніемъ ихъ евреями горцами, напишу нѣсколько изъ нихъ рядомъ съ своими:

Переводъ:	Написано:	Слѣдуетъ:	Переводъ:	Написано:	Слѣдуетъ:
я	ма	ме	очень	амбаръ	омборъ
ты	ты	тӱ (ӱ—лат. и**)	пить	хурумъ	эри хурде
небо	ааsму	осму (э осму пред. пад.)	что онъ говоритъ?	чи у гуфтореши	чӱ гуфдире у?
шаръ	сарь	дугереге-чи	что онъ хочетъ?	чи у hиста?	чӱ войсдеуре?

*) Журналъ „Восходъ“. Дек. 1884 г.

**) ӱ—читать за франц. u.

Переводъ:	Написано:	Слѣдуетъ:
сиди	ишъ	нўшъ
сидите	ишитъ	нўшитъ
отецъ	баба	бебе
мать	дадай	деде(дедей—обращ.)
говоритъ	гуфтере	гуфдире
желаетъ, хочетъ.	иста	хосдени
дрова	hизумъ	hўзўмъ *)
вечеръ	таhайръ	шахангумъ
онъ пришелъ	у амори	у омо

Перевводъ:	Написано:	Слѣдуетъ:
что онъ принесъ?	чи у біоръ	чў овурдъ у?
баранина	гуштъ пенди	гуштъ гусменди
имя	нумо	нумъ
какъ?	кейфъ	чўтамъ? / чў теhеръ?
понимаете?	даностены?	данўстенитъ?
хорошо ли здоровье твоей жены	Кейфъ зенты хубо?	кефъ зен-тў хуби?

и т. п.

Такъ же неточно и невѣрно переданы у І. Чернаго разсказы на языкѣ горскихъ евреевъ и я, не смотря на большое желаніе, могъ понять изъ нихъ очень немного.

Но, говоря о недостаткахъ статьи І. Чернаго, нужно съ другой стороны отдать и справедливость покойному автору **) и замѣтить, что, какъ любитель путешественникъ, онъ представилъ очень много интереснаго изъ дѣйствительной жизни горскихъ евреевъ, описалъ ихъ домашнюю обстановку и собралъ статистическія свѣдѣнія объ ихъ численности и мѣстахъ поселенія. Замѣтимъ также, что тотъ же авторъ помѣстилъ въ 1869 году въ «Терскихъ Вѣдомостяхъ» краткія историческія свѣдѣнія о горскихъ евреяхъ, обнимающія періодъ ихъ жизни на Кавказѣ отъ начала XVII в. до нашихъ дней. Эти свѣдѣнія касаются главнымъ образомъ переселенія евреевъ изъ аула въ аулъ въ Дагестанѣ и основаны на мѣстныхъ преданіяхъ. Несомнѣнно, что труды покойнаго автора, все же познакомили русскихъ евреевъ съ бытомъ и нравами ихъ единовѣрцевъ, заброшенныхъ судьбою въ дикую страну между дикими племенами.

Четвертой и послѣдней статьей о горскихъ евреяхъ была моя статья подъ заглавіемъ «Кавказскіе евреи-горцы», гдѣ

*) h—читать за нѣм. ḫ.

**) Умеръ въ Одессѣ 16-го апр. 1880 года.

были помѣщены нѣкоторыя свѣдѣнія объ обычаяхъ горскихъ евреевъ при свадьбѣ, похоронахъ и при убійствѣ *); эта статья также далеко не обнимаетъ всѣхъ сторонъ быта горскихъ евреевъ.

Лѣтомъ 1886 года я былъ командированъ на Кавказъ Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ съ цѣлью собиранія археологическихъ свѣдѣній по Дагестанской области и между прочимъ отысканія преданій и памятниковъ, могущихъ служить къ разъясненію исторіи Кавказскихъ евреевъ. Еще за два года передъ тѣмъ я имѣлъ честь быть приглашеннымъ предсѣдателемъ этнографическаго отдѣла Импер. Общ. Естествознанія, проф. Вс. Өед. Миллеромъ сдѣлать въ засѣданіяхъ отдѣла сообщеніе о бытѣ кавказскихъ горскихъ евреевъ, которыхъ я въ Москвѣ былъ единственнымъ представителемъ. Знакомство мое съ глубоко-уважаемымъ предсѣдателемъ этнографическаго отдѣла, проф. Вс. Өед. Миллеромъ, обратившимся ко мнѣ за свѣдѣніями о языкѣ моего племени, вызвало во мнѣ горячее желаніе снова приняться за это дѣло и подробнѣе изучить современный бытъ и прошедшую исторію моихъ соотечественниковъ. Къ сожалѣнію, ни въ томъ, ни въ другомъ отношеніи не было болѣе или менѣе точныхъ свѣдѣній: не были извѣстны ни численность горскихъ евреевъ, ни ихъ занятія, ни исторія ихъ переселенія на Кавказъ. У меня были, впрочемъ, кое какія свѣдѣнія о численности горскихъ евреевъ, доставленныя мнѣ главными раввинами сѣверн. и Южнаго Дагестана (Рабби Яковымъ Ицхаковичемъ и Рабби Хаскель Мушаиловымъ), но они были не полны и требовали провѣрки на мѣстахъ. Въ такой же провѣркѣ и пополненіи нуждались и тѣ свѣдѣнія о бытѣ моихъ единовѣрцевъ, которыя я сохранилъ въ памяти съ дѣтства. Въ виду этого я чувствовалъ необходимость предпринять поѣздку на Кавказъ и посѣтить *всѣ мѣста*, въ которыхъ живутъ мои соотечественники. Благодаря ходатайству

*) „Разсвѣтъ“ Органъ Русскихъ евреевъ, изд. въ С-Петербургѣ, годъ 1881—№№ 18 и 24.

Вс. Θед. Миллера, я получилъ вышепомянутое порученіе отъ Московскаго Археологическаго Общества. Пользуясь этимъ благопріятнымъ обстоятельствомъ, я принялъ на себя и порученіе этнографическаго отдѣла О—ва Люб. Естествознанія изслѣдовать бытъ и собрать статистическія свѣдѣнія о моихъ соотечественникахъ и чрезъ ходатайство «Общества» предъ кавказской администраціей получилъ открытые листы, значительно содѣйствовавшіе успѣху моей поѣздки.

Обращая особенное вниманіе на точность статистическихъ данныхъ, я, пріѣзжая въ какой нибудь аулъ, обращался къ старшинѣ и спрашивалъ посемейные списки. Затѣмъ я провѣрялъ ихъ, разспрашивая мѣстное населеніе, и просилъ мѣстныхъ старшинъ скрѣплять уже провѣренные списки своими подписями.

Въ это время правительственные чиновники составляли перепись народонаселенія, которая, какъ носились слухи, должна была служить къ привлеченію горцовъ къ отбыванію войнской повинности. Поэтому сообщаемыя мною статистическія данныя могутъ считаться наиболѣе точными. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, вслѣдствіе отсутствія посемейныхъ списковъ, мнѣ приходилось самому составлять статистическія таблицы. Затѣмъ я разспрашивалъ отдѣльно горскихъ евреевъ и мусульманъ, не существуютъ ли преданія о времени ихъ поселенія въ данномъ аулѣ, гдѣ и какіе памятники находятся въ окрестностяхъ, и записывалъ всѣ сообщаемыя свѣдѣнія. Потомъ я шелъ вмѣстѣ со стариками моллами и раввинами на кладбища и списывалъ надписи на древнихъ памятникахъ для того, чтобы такимъ образомъ узнать о времени поселенія мусульманъ и главнымъ образомъ евреевъ въ той или другой мѣстности. Конечно, вездѣ я старался также собирать старые письменные документы, разспрашивалъ о бытѣ, занятіяхъ, обрядахъ, обычномъ правѣ и произведеніяхъ народнаго творчества. Вездѣ смотрѣли на меня какъ на своего, съ довѣріемъ, такъ какъ я говорилъ на мѣстныхъ языкахъ, *татскомъ* или такъ называемомъ горско-еврейскомъ и татарскомъ (адер-

бейжанскомъ), и не скрывали отъ меня никакихъ сторонъ своей жизни.

Маршрутъ моего путешествія 1886 года былъ слѣдующій:

Дагестанская область.

Темиръ-ханъ Шуринскій округъ:
1) Петровскъ (порт.гор.)
2) г. Шура (глав. гор.)
3) Капчугай
4) Кизъ-ташъ
5) Торкали
7) Параулъ
8) Карабдакентъ
9) Буйнаки
10) Губденъ
11) Тарки
12) Джунгутай
13) Дюргели
14) Чиръ-Юртъ (Уроч.)
15) гор. Дербентъ

Кайтако-Табасаранскій округъ:
16) Рукель
17) Мугатыръ
18) Гемейды
19) Нитюгъ
20) Хушни
21) Салакъ
22) Ерси
23) Маджалисъ
24) Чуфутъ-Катта
25) Кара-Курашъ
26) Купечи
27) Уркерахъ
28) Янги-Кентъ
29) Башли
30) Мама аулъ
31) Отемишъ
32) Дашлагаръ
33) Кал-Кентъ

Кюринскій округъ:
34) Рубасъ
35) Аглаби
36) Хошъ-Мамзюль
37) Мамрача
38) Касумъ-Кентъ

Дагестанская обл.

Кюринскій округъ.
39) Арагъ
40) Карчагъ
41) Джерахъ
42) Зизикъ
43) Нютюхъ
44) Янанъ-Кала
45) Кулларъ
46) Июгъ-ди-Мюшкюръ
47) гор. Баку.

Бакинская губернія.

Шемахинскій уѣздъ:
48) Ванкъ
49) Гермахани
50) Афтаранъ (Мюджю)
51) Урушанъ-Кентъ
52) Кевенди
53) Зергеранъ-Кентъ
54) Боскалъ
55) Курдеванъ
56) Ханъ-Кенди
57) Мюджи
58) гор. Шемаха

Кубинскій уѣздъ:
59) Хильмили (станица)
60) Алти-Агачъ (станица)
61) Кизилъ-Бурумъ (почт.-станц.)
62) гор. Куба.

Елизаветопольская губ.

Нухинскій уѣздъ:
63) гор. Елизаветополь
64) гор. Нуха
65) Зегзитъ (Башъ и Урта)
66) Кюнгутъ (Бидейсъ)
67) Мухасъ
68) Джалутъ
69) Варташенъ
70) Хочмазъ

Бумское приставство:
71) Ниджъ
72) Чухуръ-Кабала
73) Султанъ-Нухъ

74) Беглеръ-Кенди
75) Амиръ-Ванъ

Терск. обл. Хасавъ-Юртовск. округъ:
76) Султанъ-Янги-Юртъ
77) Слоб. Хасавъ-Юртъ
78) Андреево
79) Костекъ
80) Аксай (Ташкечи)
81) Янги-Кала (станица)

Терская обл. Грозненскій округъ:
82) Щедринская (стан.)
83) Червленная (стан.)
84) Николаевская (стан.)
85) гор. Грозное
86) Пелей-Кули-Кентъ
87) (Бураганъ-Кашъ)
88) гор. Владикавказъ.

Резюмируя по губерніямъ, областямъ и округамъ, маршрутъ мой представится въ слѣдующемъ видѣ: *въ Дагестанской области*: Петровскъ на Каспійск. морѣ, гор. Т. Х. Шура, Т. Х. Шуринскій округъ до Укр. Дашлагаръ съ одной и Чиръ-Юрта съ другой стороны, Дербентъ, Кайтако-Табасаранскій и Кюринскій округа; *въ Елизаветопольской губерніи*: Елизаветополь, Нуха, Нухинскій уѣздъ и Арашскій уѣздъ, *въ Бакинской губерніи*: Баку, Шемаха, Шемахинскій уѣздъ, Куба, Кубинскій уѣздъ и наконецъ *въ Терской области*: Хасавъ-Юртъ, Хасавъ-Юртскій округъ, Грозное и Владикавказъ. Въ общей сложности, въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ мнѣ пришлось проѣхать по горамъ верхомъ около 1200 верстъ, а всего, считая, отъ Москвы и обратно около 7000 верстъ.

Такъ какъ исторія переселенія горскихъ евреевъ на Кавказъ очень запутана и требуетъ серьёзной обработки, то я рѣшилъ заняться ею впослѣдствіи и выпустить ее въ свѣтъ отдѣльной книжкой, а пока для приданія моему труду нѣкоторой полноты, я позволю себѣ, не распространяясь, сказать нѣсколько словъ по этому вопросу.

Исторія переселенія горскихъ евреевъ на Кавказъ достовѣрно не извѣстна, и никакихъ письменныхъ указаній не сохранилось на время этого переселенія; но основываясь на народныхъ преданіяхъ, эти евреи ведутъ свое происхожденіе отъ Израильтянъ, выведенныхъ изъ Палестины и поселенныхъ въ Мидіи еще Ассирійскими и Вавилонскими царями. Такимъ образомъ, ихъ предки принадлежатъ еще ко временамъ 1-го храма и не участвовали въ убіеніи Іисуса Христа, какъ объ

этомъ заявляютъ и сами горскіе евреи, въ какой бы аулъ или городъ вы ни пріѣхали, говоря, что это преданіе перешло къ нимъ отъ ихъ дѣдовъ и отцевъ. Еще въ Персіи евреи смѣшались съ иранскимъ племенемъ татовъ, причемъ одни приняли господствующую языческую религію послѣднихъ, другіе—распространяли религію Моисея между иранцами,—вслѣдствіе чего, во первыхъ, теперешній языкъ евреевъ принадлежитъ къ группѣ иранскихъ языковъ, т. е. состоитъ въ ближайшемъ родствѣ съ языками: персидскимъ, курдскимъ, осетинскимъ, талышскимъ и др. (по изслѣдованіямъ профессора Вс. Миллера), а во вторыхъ, въ религіи горскихъ евреевъ остались и до сихъ поръ нѣкоторыя языческія вѣрованія. Затѣмъ въ средніе вѣка, по преданіямъ же, таты-евреи смѣшались съ хозарами, жившими на западномъ берегу Каспійскаго моря, такъ что хозарскихъ царей этихъ временъ они считаютъ въ то же время и своими. И наконецъ по вторженіи арабовъ на Кавказъ множество татовъ-евреевъ цѣлыми аулами приняли магометанство, а остальные остались вѣрны религіи Моисея и получили наименованіе «Дагъ-Чуфутъ», т. е. горскіе евреи. Многія мѣстности Табасаранскаго и Кюринскаго округовъ Дагестанской области, а затѣмъ Кубинскаго уѣзда Бакинской губ., гдѣ преимущественно живутъ горцы-евреи, населены и теперь татами магометанами, которые имѣютъ сходный типъ съ горскими евреями и говорятъ однимъ языкомъ съ ними. Часто приходилось мнѣ ошибаться во время путешествія по этимъ мѣстностямъ и принимать татовъ-магометанъ за моихъ единовѣрцевъ, — до того мало было отличія между ними. Иногда, впрочемъ, можно было отличить магометанъ по сбритымъ пейсамъ, такъ какъ горскіе евреи брѣютъ головы и оставляютъ коротенькіе пейсы. Многіе аулы сами говорятъ о своей недавней принадлежности Іудейской религіи и, будучи мусульманами, хранятъ, какъ святыню, еврейскія книги, перешедшія къ нимъ отъ ихъ предковъ евреевъ. Таковы, напр., аулы: Ахти, Ругжами или Араканъ въ Дагестанской области и др. Жители этихъ ауловъ до сихъ

норъ даютъ дѣтямъ своимъ имена своихъ отцевъ и матерей, взятыя изъ Ветхаго завѣта и носимыя горскими евреями.

Число горскихъ евреевъ составляетъ 4090 дворовъ или 21 тысяча душъ, живущихъ въ 38 аулахъ и городахъ Дагестанской, Терской, Кубанской областей и губб. Бакинской и Елизаветопольской губ. Во многихъ мѣстностяхъ Дагестанской и Терской обл. и Бакинской губ., гдѣ теперь нѣтъ горскихъ евреевъ, существуютъ развалины бывшихъ тамъ когда то еврейскихъ ауловъ, могилъ, ключей, каналовъ и проч. Всѣ эти мѣста указываютс туземцами мусульманами подъ названіями: Чуфутъ Тебе (еврейская гора, холмъ), Дарай-Татаулъ Канаузскій (шелковый) каналъ, Чуфутъ-Кабуръ (могилы), Гяуръ-Калэ (крѣпости) и пр. Таковы мѣстности въ сел. Карабдакентѣ, Андреевскомъ, Кара-Курашѣ, Чуфутъ-Катта, Курдеванѣ, Кулкаттѣ (близъ Кубы) и друг.

Въ селѣ Мюджи (Шемахинск. окр. Бакинс. губ.) нашелъ я заповѣди, написанныя на пергаментѣ приблизительно лѣтъ 200—300 тому назадъ и доказывающія недавнее только знакомство горскихъ евреевъ съ европейскими евреями и вообще съ законами Іудейской религіи. Онѣ написаны по незнанію талмуда на волосистой сторонѣ кожи, тогда какъ по талмуду, если заповѣди не написаны на обратной, примыкающей къ мясу, сторонѣ, то онѣ называются негодными. Недавнее знакомство горцевъ-евреевъ съ европейскими евреями доказывается кромѣ этого и множествомъ языческихъ повѣрій — о божествахъ злыхъ и добрыхъ, постоянныхъ и перемѣнныхъ, о временахъ года и ихъ празднованіи, которыя сохранились еще въ ихъ религіи, и затѣмъ своеобразными обычаями, сопровождающими свадьбу, похороны, поминки, кровомщеніе и проч., которые описаны мною подробно въ слѣдующихъ главахъ. Въ настоящее время горскіе евреи уравнены въ правахъ со всѣми туземцами Кавказа и имѣютъ документы, обезпечивающіе ихъ права въ торговомъ, военномъ и гражданскомъ отношеніяхъ. Приведу ихъ содержаніе: 1) Копія предписанія Ставропольской Казенной Палаты Хасовъ - Юртовскому Слободскому Общественному Управленію отъ 12-го августа 1883 года за

№ 27597-мъ. «По поводу возбужденнаго вопроса рапортомъ отъ 13-го іюня сего годн за № 1205-мъ Ставропольская Казенная Палата дастъ знать Слободскому Обществу Правленію, что относительно Горскихъ евреевъ не слѣдуетъ требовать удостовѣреній полиціи въ виду того, что ограниченіе правъ по торговлѣ евреевъ (ст. 128, 130, 131, тома XI, части II Уст. торг. по продолж. 1876 года) не относятся до Горскихъ евреевъ, какъ коренныхъ жителей Кавказа, которые по торговлѣ пользуются всѣми правами ипреимуществами наравнѣ съ горскими племенами Кавказа и вообще коренными Русскими». Подлинный за надлежащей подписью.

2) Копія съ отзыва Канцеляріи Терскаго Областного по воинской повинности присутствія Хасавъ-Юртовскому Окружному Начальнику отъ 28-го октября 1887 года за № 7573-мъ.

Довѣренные обществъ: Аксаевскихъ, Костековскихъ, Андреевскихъ и Хасавъ-Юртовскихъ горскихъ евреевъ—Иргана Измайловъ, Анохъ Мелиховъ, Алхасъ Алхасовъ и Юнунъ Амиржуевъ—обратились къ г. главноначальствующему гражданскою частью на Кавказѣ съ прошеніемъ, въ которомъ они ходатайствуютъ о предоставленіи горскимъ евреямъ, служащимъ въ военной службѣ, тѣхъ правъ и преимуществъ по службѣ, какими въ оной пользуются всѣ туземцы. Вслѣдствіе передачи означеннаго прошенія Господину Начальнику Области, Его Превосходительство, имѣя въ виду, что Горскіе евреи, согласно Устава о воинской повинности 28 мая 1886 года, отбываютъ воинскую повинность натурою и что поступившіе изъ нихъ въ военную службу будутъ пользоваться всѣми служебными правами наравнѣ съ лицами другихъ исповѣданій, приказать изволилъ объявить объ этомъ просителямъ.

Послѣ этихъ предварительныхъ свѣдѣній, перехожу къ описанію быта моихъ единовѣрцевъ.

ГЛАВА I.

Объ осѣдлости горскихъ евреевъ.—Отношеніе другихъ горцевъ къ нимъ.—Статистическія свѣдѣнія объ евреяхъ-горцахъ.—Занятія горскихъ евреевъ.—Религія и вѣрованія.—Праздники народные и религіозные.—Образованіе.—Училища.—Раввины.—Синагоги.—Религіозныя обязанности женщинъ и ихъ омовенія.

Прежде, чѣмъ описать домашній бытъ, нравы и обычаи горскихъ евреевъ, я представлю собранныя мною во время путешествія по Кавказу статистическія свѣдѣнія о мѣстѣ жительства ихъ на Кавказѣ, о количествѣ людей, способныхъ къ труду, о различныхъ отрасляхъ ихъ труда и занятій, о движимыхъ и недвижимыхъ ихъ имуществахъ и хозяйствѣ, о религіи, образованіи и о другихъ сторонахъ, по которымъ можно судить о физическомъ, экономическомъ и нравственномъ состояніи этого народа.

Горскіе евреи, послѣ персидскихъ религіозныхъ гоненій, разсѣялись по нынѣшнимъ Дагестанской и Терской областямъ и поселились, соотвѣтственно роду занятій, на равнинахъ, въ ущельяхъ горъ или на косогорьяхъ. Аулы ихъ расположены или рядомъ съ аулами другихъ племенъ, или въ сторонѣ отъ нихъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они живутъ вмѣстѣ съ туземцами. Горскіе евреи живутъ съ другими туземцами вообще очень дружно, за исключеніемъ немногихъ мѣстъ, гдѣ евреи поставили себя плохо и перестали пользоваться уваженіемъ ихъ окружающихъ, но, все таки, и тамъ далеко не такъ презираются горцами, какъ европейскіе евреи—европейцами. Нерѣдко горскій еврей вступаетъ съ мусульманиномъ въ дружбу и, горячо поцѣловавшись съ нимъ, дѣляется на всю жизнь его «курдашемъ». При этомъ они обмѣниваются оружіемъ и даютъ другъ другу «священный обѣтъ» не пожалѣть и головы въ случаѣ надобности для спасенія друга. Но если иногда горцы магометане высказываютъ свое неудовольствіе противъ

горцевъ евреевъ и называютъ ихъ «кипты» (заблуждающіеся) *) или «жуһутъ» или Чуфутъ, то единственно потому, что не уважаютъ, кромѣ своей религіи, никакой и желали бы, чтобы всѣ исповѣдовали магометанскую религію. Это видно изъ того, что по настоящее время они борьбу съ «гяуромъ» (иновѣрцемъ) изъ за религіи считаютъ священною, и каждый правовѣрный, павшій въ этой борьбѣ, получитъ, по ихъ убѣжденію, царство небесное. Тѣмъ болѣе мусульманинъ не уважаетъ іудейской религіи, ибо она воспрещаетъ евреямъ употреблять въ пищу мясо, приготовленное другими и тѣмъ ставитъ мусульманина въ неловкое положеніе, когда еврей-горецъ пріѣзжаетъ къ нему въ гости, и онъ не можетъ принять его какъ слѣдуетъ. Въ этомъ случаѣ раздраженіе мусульманина доходитъ до такой степени, что онъ готовъ бы разорвать, кажется, всѣхъ евреевъ, чтобы они поскорѣе бросили эту гадкую религію, заставляющую ихъ такъ далеко держаться отъ мусульманъ и мѣшающую еврею привязаться иногда къ человѣку, котораго онъ сильно уважаетъ. За то какъ полюбитъ мусульманинъ и почитаетъ еврея-горца, если тотъ приметъ магометанскую религію! Тутъ не только онъ, его бывшій другъ, но и все общество правовѣрныхъ къ услугамъ бывшаго еврея-горца. Сейчасъ ему отводятъ лучшее помѣщеніе, дарятъ его подарками—тотъ лошадью, тотъ землей, тотъ хлѣбомъ, стадомъ—и сватаютъ ему самую лучшую дѣвушку въ аулѣ. Еврей-горецъ, принявшій магометанскую религію, принимаетъ торжественно титулъ «шейхъ» (святой) и становится выше всѣхъ въ обществѣ. Когда онъ подходитъ или проходитъ мимо, то всѣ считаютъ своею обязанностью вставать и оказать ему должное почтеніе словами привѣтствія «саламъ-алайкумъ» (да будетъ тебѣ привѣтъ), на что и онъ отвѣчаетъ: «Во-алайкумъ во-саламъ». Во время моего послѣдняго путешествія мнѣ случи-

*) Мусульмане убѣждены, что одно племя, родственное горскимъ евреямъ и называемое ими „Бани Израилъ“, слѣдуетъ исламу еще со временъ вторженія арабовъ на Кавказъ; потому не принявшіе ислама горскіе евреи величаются „заблуждающимися“.

лось столкнуться со слѣдующимъ обстоятельствомъ. Одинъ изъ моихъ соотечественниковъ въ моемъ родномъ аулѣ Тарки принялъ магометанство и поселился въ другомъ аулѣ Канчугай, въ 30-ти верстахъ отъ нашего, гдѣ онъ впослѣдствіи разбогатѣлъ, женился и имѣлъ дѣтей. Шейхъ этотъ, какъ оказалось, еще будучи горцемъ-евреемъ, подрался съ однимъ изъ своихъ соотечественниковъ въ моемъ же аулѣ и сохранялъ все время свою злобу на него, ожидая благопріятнаго случая отмстить. Нѣсколько разъ встрѣчался онъ со своимъ врагомъ въ дорогѣ, придирался къ нему, билъ его палкой, а тотъ пропускалъ его, боясь, въ случаѣ несчастія, мести всѣхъ татаръ, у которыхъ заступничество за шейха считается религіознымъ требованіемъ. Наконецъ дѣло дошло до того, что молодой горецъ еврей сталъ выходить изъ дому не иначе, какъ вооруженный съ ногъ до головы. И вотъ однажды, по дорогѣ въ городъ Петровскъ, встрѣчаются враги и шейхъ опять бросается на еврея. Выведенный изъ терпѣнія молодой еврей вынимаетъ кинжалъ и, не давъ противнику опомниться, наноситъ ему ударъ въ животъ, послѣ чего тотъ моментально падаетъ. Сдѣлавъ это, отправляясь въ городъ, онъ встрѣчается съ нѣкоторыми изъ своего аула, открываетъ имъ совершенное преступленіе, проситъ передать братьямъ и родственникамъ совѣтъ остерегаться мести мусульманъ и идетъ отдаться въ руки русскаго правосудія. Узнавъ о случившемся, весь аулъ пришелъ въ волненіе и принялъ грозный воинственный видъ. Родственники убійцы скрылись въ одномъ крѣпкомъ домѣ и окружили себя наемнымъ карауломъ, а родственники убитаго стали искать случая взять кровь за кровь, какъ принято обычаемъ у всѣхъ туземцевъ. Татары же еще дальше пошли въ своемъ мщеніи. Они собрались надъ еврейскимъ ауломъ и начали бросать на него съ горы громадные каменья. Они разбили много оконъ, дверей, многихъ ранили, а евреи, признавъ свою вину предъ многочисленнымъ народомъ, скрылись въ своихъ домахъ. Наконецъ вмѣшательство аульныхъ властей взяло верхъ надъ расходившимися страстями и между род-

ственниками убійцы и убитаго заключенъ миръ. Съ убійцы взяли въ пользу семейства убитаго 200 р. и отправили его, какъ это требуется по обычаю, въ другой аулъ на 2 года, чтобы тѣмъ временемъ успокоились родственники убитаго.

Года четыре тому назадъ я былъ свидѣтелемъ еще одного происшествія, которое дастъ читателю еще лучшее понятіе объ отношеніяхъ горцевъ-магометанъ къ горцамъ евреямъ. Будучи еще ученикомъ гимназіи, послѣ каникулъ, ѣхалъ я съ родины на лошадяхъ и, по случаю большаго разгона, мнѣ пришлось оставаться дня два въ городѣ Гр. Тамъ жилъ нѣкто Ж. изъ моихъ дальнихъ родственниковъ, котораго, по просьбѣ отца, я долженъ былъ непремѣнно провѣдать. Сидимъ мы въ богато убранной по-азіатски купацкой компатѣ (на коврахъ, поджавши подъ себя ноги) и пьемъ вечерній чай, который принесъ мальчикъ на подносѣ изъ другой компаты. Вдругъ слышу вопли и рыданія и обращаюсь къ хозяину за объясненіемъ. Услыша мою просьбу, старикъ вынулъ изъ кармана платокъ, поднесъ его къ глазамъ и тоже сталъ плакать. Я посмотрѣлъ на него въ недоумѣніи, пожалъ плечами и опустилъ голову, сочувствуя какому-то постигшему его горю и не желая мѣшать старику выплакаться. Это продолжалось около 10 минутъ, послѣ чего старикъ спокойно разсказалъ мнѣ о несчастіи, посланномъ имъ Богомъ «за ихъ грѣхи». Дѣло въ томъ, что сынъ его и любимецъ (самый младшій изъ троихъ) былъ обвѣнчанъ по желанію родителей, мѣсяца три тому назадъ, съ одной горской дѣвушкой, хорошей фамиліи, но, кажется, не любилъ ея и не хотѣлъ сказать этого родителямъ, не желая огорчить ихъ. Родители же, ничего не вѣдая объ отношеніяхъ новобрачныхъ, были спокойны, потому что «искони ведется, чтобы молодые соединялись не по своему желанію, а по желанію родителей». Но не прошло и двухъ мѣсяцевъ послѣ свадьбы, какъ молодой мужъ оставилъ свою жену и убѣжалъ въ чеченскій аулъ, гдѣ онъ принялъ магометанскую вѣру и женился на дѣвушкѣ, любимой имъ прежде, какъ оказалось по собраннымъ свѣдѣніямъ. Старики считали

своего любимца погибшимъ для себя и оплакивали его. Дѣйствительно, послѣ такихъ случаевъ между родителями и дѣтьми прерываются всякія сношенія, и они не посѣщаютъ и никогда не видятъ другъ друга. «Какъ будто мнѣ легче отъ этого», началъ старикъ, глубоко вздохнувъ послѣ своего печальнаго разсказа. «Какъ будто они исцѣлятъ мои раны тѣмъ, что отмстили татарамъ!» Опять я ничего не понялъ и посмотрѣлъ на него вопросительно. Старикъ не заставилъ себя долго ждать и разсказалъ мнѣ слѣдующее: «Одинъ молодой человѣкъ изъ евреевъ-горцевъ полюбилъ чеченскую дѣвушку магометанку въ томъ же аулѣ, гдѣ сынъ его принялъ магометанство, и укралъ ее оттуда, такъ какъ и она изъ любви къ нему пожертвовала своей религіей и согласилась бѣжать съ нимъ. Въ увозѣ дѣвушки ему помогала горско-еврейская молодежь, которая настаивала во чтобы-то нистало на томъ, чтобы взять за своего соотечественника одну изъ дѣвушекъ того же аула. Родители дѣвушки и родственники пустились въ погоню за ней, пытались отнять ее, но имъ это не удалось, и молодежь, которая охраняла ложе новобрачныхъ, отстояла ихъ, несмотря на то, что между защитниками было нѣсколько тяжело раненыхъ. Наконецъ между чеченцами и евреями былъ заключенъ миръ, и молодой человѣкъ и дѣвушка сохранили принятую ими религію. Надо замѣтить, что обычай «воровать дѣвушку» существующій у евревъ-горцевъ, наравнѣ со всѣми племенами Кавказа, не всегда кончается подобными трагическими сценами, а большею частью мирно. Если молодой человѣкъ, укравшій невѣсту, успѣлъ до погони родственниковъ, или пока они не отняли ея у него, фактически стать ея мужемъ, то она дѣлается его женою. А это, конечно, возможно только съ согласія дѣвушки, которая бѣжитъ съ нимъ по желанію и вопреки волѣ родителей; иначе немыслимо, чтобы она сдѣлалась его женою, такъ какъ дѣвушка защищается геройски противъ похитителя (а на это способны горскія дѣвушки!), пока не подоспѣетъ къ ней помощь отъ родныхъ. Такихъ случаевъ очень много, особенно въ аулахъ. Выйдя отъ старика и направля-

ясь къ станціи, мнѣ пришлось пройти мимо того двора, гдѣ праздновали свадьбу влюбленной пары, которая, не смотря на громадную пропасть, созданную религіей между ними, соединилась такъ счастливо. Свадьба была оживлена еще тѣмъ, что начальникъ округа также разрѣшилъ молодымъ вступить въ бракъ. Невѣста приняли іудейскую религію и сдѣлалась женой горца-еврея.

Статистическія свѣдѣнія о горскихъ евреяхъ, живущихъ между другими племенами Кавказа и занимающихся почти одинаковымъ трудомъ съ ними, до сихъ поръ были далеко не точны, да и невозможно было требовать точности въ виду того, что, во первыхъ, русское правительство не очень давно стало вести перепись народонаселенія и то не по числу душъ, а по семействамъ или «дымамъ», какъ выражаются на Кавказѣ, говоря о числѣ жителей, а во вторыхъ, евреи разсѣяны всюду и часто переселяются съ мѣста на мѣсто, ища той или другой дѣятельности. Но во время своего путешествія и благодаря содѣйствію административныхъ властей я постарался собрать всевозможныя свѣдѣнія объ евреяхъ, какія только могутъ заинтересовать образованнаго человѣка. Нѣтъ сомнѣнія, что еще много, много осталось въ ихъ жизни темнаго и неизслѣдованнаго, но это предоставимъ будущимъ путешественникамъ по Кавказу и будемъ надѣяться, что они не будутъ такъ поверхостно относиться къ этому вопросу, какъ наши предшественники — авторъ «Воинствующаго израиля» и Іуда Черный *).

Слова Іуды Чернаго «горскіе евреи преимущественно занимаются торговлею» совершенно не вѣрны. Эти слова доказываютъ, что покойный авторъ не зналъ дѣйствительной жизни горскихъ евреевъ и вывелъ свое заключеніе, судя по городскимъ жителямъ и не принимая въ расчетъ, во 1-хъ, занимающихся различными отраслями земледѣлія и затѣмъ бѣднаго рабочаго класса. Ни статистика, составленная имъ вѣро-

*) Статистическія свѣдѣнія помѣщены на отдѣльномъ листѣ.

Области и губерніи.		Города и аулы.	Число дымовъ.	Число душъ. муж. полъ.	Число душъ. женск. полъ.	Число садовъ.	Чис. лавокъ. мануфак.	Чис. лавокъ. бакал. и мелоч.	Число разносчиковъ.	1 дес.=4 кап. Число капаловъ земли. пахотной.	1 дес.=4 кап. Число капаловъ земли. покосн. и лѣсъ.	Число жѣзбощиковъ.	Число домашнихъ животныхъ. рогат. скота.	Число домашнихъ животныхъ. лошад. и ослов.	Число рабочихъ семействъ.	Число рабочихъ душъ.	Число кожевниковъ.	Число табаководовъ.	Число шелководовъ.	Число ремесленниковъ.	Число имѣющихъ собственный домъ, самано.	Число молитвенныхъ домовъ.	Число грамотныхъ.	Число Раби.	Число училищъ (свѣд.).	Число учениковъ.
ДАГЕСТАНСКАЯ ОБЛАСТЬ.	1	Темиръ-Ханъ Шура.....	64	164	170	1	18	2	2	—	—	—	10	6	27	30	12	—	—	—	55	1	27	2	1	15
	2	Тарки.....	56	155	145	1	1	2	3	28	5	1	42	6	2	4	43	7	1	—	48	1	15	1	1	20
	3	Г. Петровскъ	15	57	66	—	7	—	—	—	40	—	6	2	4	6	2	—	—	—	11	1	10	2	1	5
	4 5	Чиръ-Юртъ и Султанъ-Янги-Юртъ.	11 7	46 22	55 18	—	5	2	—	—	—	—	27	4	8	7	3	—	—	—	11	1	10	1	1	7
	6 7	Буйнакъ и Гувденъ.....	15	38	52	—	1	—	1	—	—	—	16	1	9	9	3	—	—	—	2	1	9	1	—	4
	8	Дюргели	29	52	68	—	1	2	4	—	—	—	10	1	3	8	4	14	—	—	7	1	8	1	—	5
	9	Карабдакентъ.....	16	32	39	—	—	1	2	—	—	—	2	—	1	2	12	12	—	—	—	1	2	1	—	—
	10	Дашлагаръ.....	41	150	159	2	6	3	—	—	—	—	70	3	19	20	10	—	—	—	40	1	12	1	—	—
	11	Г. Дербентъ	220	900	771	160	2	17	5	20	1000	1	25	30	21	193	—	—	4	4	220	4	120	6	8	95
		Кайтако-Табасаранскій округъ.																								
	12	Маджалисъ.....	121	301	228	3	5	4	8	46	37	2—3	30	25	37	37	25	33	—	—	70	1	15	2	1	15
	13	Рукель.....	26	59	67	5	—	—	2	30	13	1—4	8	2	13	20	—	—	—	—	11	1	9	1	1	3
	14	Мугатыръ.....	45	114	118	—	—	—	15	74	—	1—2	56	14	2	11	—	29	—	—	34	1	10	2	2	14
	15	Гемейда.....	19	56	46	1	—	—	—	33	7	4—2	48	2	1	4	—	17	—	—	15	1	15	1	1	10
	16	Янги-Кентъ.....	103	360	324	1	2	4	25	167	30	10—8	35	3	11	13	10	30	—	—	85	2	40	2	2	16
	17	Нютугъ.....	26	83	69	—	—	—	6	60	—	2—8	5	2	2	10	—	20	—	—	22	1	12	1	1	6
		Кюринскій округъ.																								
	18	Нугъ-Да-Мюшкюръ.....	114	380	398	52	—	1	4	800	40	3—52	105	15	8	30	—	6	3	—	100	1	40	2	2	35
	19	Хошъ-Мемзюль....	35	85	82	10	—	—	2	40	—	2—30	10	1	2	10	—	12	—	—	48	1	15	1	1	7
	20	Аглаби.....	27	19	14	—	—	—	—	100	—	8—11	6	—	3	20	—	5	—	—	17	1	5	1	—	—
	21	Ханчелъ Кала.....	50	126	117	27	—	—	—	70	196	3—10	65	2	9	10	—	—	—	—	44	1	15	1	1	12
	22	Мамрача.....	100	318	350	3	—	—	—	200	50	18—5	85	6	13	15	—	60	—	—	78	1	50	1	1	15
	23	Арагъ.....	110	353	352	3	5	3	16	179	—	2—25	70	65	40	20	—	4	—	—	82	1	55	2	2	30
	24	Карчагъ.....	46	132	123	30	—	—	22	187	—	1—11	108	35	4	10	—	27	—	—	44	1	12	1	—	10
	25	Джерахъ.....	49	137	139	4	—	—	—	300	100	21—3	153	14	2	6	—	41	—	—	45	1	10	1	—	14
БАКИНСКАЯ ГУБЕРНІЯ.	26	Г. Куба	822	3230	3052	8	7	13	28	85	208	25—10	300	270	300	1500	—	300	—	8	669	7	468	8	15	325
	27	Мюджи.....	112	506	451	3	2	42	30	—	—	—	70	85	5	30	—	—	5	2	105	1	70	2	2	45
	28	Аштаранъ-Мюджи..	88	366	326	—	—	15	29	320	100	30—5	200	60	4	20	—	—	6	—	85	1	20	1	1	30
Елизав. губ.	29	Варташенъ	213	744	652	—	—	40	40	6	—	2—3	70	86	38	53	—	80	8	—	200	2	70	5	2	40
ТЕРСКАЯ ОБЛАСТЬ.	30	Ташкеча	74	364	326	3	9	10	3	1400	2144	—3	21	3	7	25	25	—	—	1	10	1	15	2	1	27
	31	Хасавъ-Юртъ.....	55	207	141	12	8	9	6	5200	2260	1—4	32	8	13	22	4	—	—	2	35	2	15	2	1	25
	32	Андреевское.....	17	86	71	1	3	2	1	—	126	—2	26	2	3	6	3	—	—	1	2	1	10	1	1	10
	33	Кустекъ.....	37	160	133	1	6	1	2	100	285	3—2	42	27	9	10	2	—	—	—	6	1	15	1	1	15
		Чеченскій округъ.																								
	34	Г. Грозное.....	199	824	770	4	20	7	1	16	—	1—2	195	46	65	12	23	—	—	6	155	2	70	2	2	45
		Кабардинскій округъ.																								
	35	Г. Нальчикъ.....	76	150	185	4	5	20	3	12	—	1—3	70	20	5	15	35	—	—	2	65	2	35	3	1	30
Кубанск. область.	36	Джегонскій поселокъ.....	52	116	160	1	2	12	2	—	—	—	30	5	2	4	31	—	—	1	35	1	20	2	1	20
	(a)	Въ аулахъ.....	2587	5164	4868	149	16	139	217	4140 кап. 1034,9 д.	3133 кап. 783,3 д.	122—189	1313	462	232	387	158	397	23	5	1195	27	557	36	25	403
	(b)	Въ городахъ.....	1503	5728	5369	191	99	73	45	5333 кап. 1333,3 д.	3608 кап. 877 дес.	21—19	735	389	463	1805	89	300	4	22	1261	21	767	27	30	547
	(c)	Всѣхъ.....	4090	10892	10237	340	115	212	262	9473 кап. 2368,2 д.	6641 кап. 1660,3 д.	143—208	2048	851	702	2192	247	697	27	27	2456	48	1324	63	55	950

ятно со словъ покровительствовавшихъ ему административныхъ лицъ, ни образцы татско-еврейскаго языка, ни изслѣдованія быта, нравовъ, обычаевъ—ничто въ его запискахъ не отличается тою точностію и вѣрностью, которыя необходимы при изученіи быта цѣлаго народа. Іуда Черный однако самъ рисуетъ намъ нѣсколько мрачныхъ картинъ быта одной деревни, Рукель въ Дербентскомъ округѣ, всѣ жители которой заняты исключительно полевыми работами, плоды которыхъ доставляются ими ненасытному ихъ беку (князю). Какъ увидимъ ниже изъ статистическихъ данныхъ, къ городскимъ жителямъ можно отнести почти половину всѣхъ горскихъ евреевъ, изъ которыхъ, если исключить приходящихъ изъ ауловъ искать работы, занимающихся выдѣлкой кожъ и сафьяна изъ сырой шкуры, разведеніемъ садовъ, огородовъ и вообще обработкой земли, останется (изъ 4090 дымовъ) не больше $^1/_8$, занимающихся торговлею и преимущественно красными мануфактурными и галантерейными товарами. Изъ этихъ послѣднихъ около $^2/_3$ приходится на мелкихъ торговцевъ и на разнощиковъ, носящихъ въ большемъ узлѣ на спинѣ свои товары и продающихъ ихъ по ауламъ.

Занятія горскихъ евресвъ распредѣляются слѣдующимъ образомъ. Если принять во вниманіе, что почти вездѣ и у всѣхъ народовъ городскіе жители занимаются преимущественно торговлей, и этихъ городскихъ горскихъ евреевъ исключить изъ общаго числа всѣхъ вообще горскихъ евреевъ, то достовѣрно можно оказать, что горскіе евреи народъ земледѣльческій. Въ этомъ легко убѣдиться, обративъ вниманіе на статистику. Подъ рубриками «число лавокъ мануфактурныхъ и бакалейныхъ» и затѣмъ «число разносчиковъ», находимъ:

	Число лавокъ.		
	мануф.	бакал.	разн.
въ городахъ.	99	73	45
въ аулахъ. .	16	139	217
Итого . .	115	212	262

	Подъ рубрикой „число дымовъ“ и „душъ“ написано:	
	чис. дым.	чис. душъ
въ городахъ.	1503	11097
въ аулахъ. .	2587	10032
Итого. . .	4090	21129

Изъ этихъ чиселъ видно, что городскія семейства горскихъ евреевъ заключаютъ вдвое больше душъ, чѣмъ аульныя; и вообще приходится по числу душъ на семейство: въ городахъ—7,35, аулахъ—3,87 и среднее—5,61. Это объясняется тѣмъ, что города вообще, какъ извѣстно, привлекаютъ массу рабочаго люда, отыскивающаго себѣ различнаго рода заработки. Эти рабочіе иногда поселяются у родственниковъ по нѣсколько человѣкъ и, составляя съ ними одно семейство, трудятся для общаго хозяйства. Исключивъ изъ 11,097 душъ, числящихся въ городахъ, число рабочихъ семействъ съ десяткими душъ въ каждомъ, мы приходимъ къ заключенію, что только $^1/_3$ горскихъ евреевъ населяетъ города Кавказа, а $^2/_3$ живутъ въ аулахъ. Теперь же, приводя вышеупомянутыя числа торгующихъ мануфактурными, бакалейными и мелочными товарами къ процентному отношенію, мы находимъ:

	Мануфактурными.		Бакал. и мелоч.		Разносчиковъ.	
	по дым.;	по душ.;	по дым.;	по душ.;	по дым.;	по душ.;
въ городахъ .	6.56%;	0.89%	4,88%;	0,65%	2,32%;	0,40%
въ аулахъ. . .	0,61%;	0,15%	5,37%;	1,38%	8,38%;	2,16%
въ среднемъ .	3,58%;	0,52%	5,12%;	1,01%	5,35%;	1,28%

Такимъ образомъ, изъ всѣхъ этихъ 3-хъ параграфовъ, относящихся къ различнымъ отраслямъ торговли, мы замѣчаемъ, что торговлей занимаются исключительно въ городахъ и изъ нихъ:

по жителямъ: крупной торг. 6,56%, бакал. и мелочной 4,88%
по душамъ: „ „ 0,89%, „ „ 0,65%

и наконецъ занимающихся всѣми родами торговли:

по жителямъ . . . 11,44%
по душамъ 1,54%

Изъ тѣхъ же соображеній получимъ для ауловъ, исключая разносчиковъ и коробейниковъ: по жителямъ—5,98% по душамъ—1,53%. Сравнивая числа 11,44% и 5,98%, видимъ, что въ городахъ почти вдвое болѣе развита торговля между горскими евреями, чѣмъ въ аулахъ. Наконецъ, собственно говоря, и число 5,98% не можетъ вполнѣ относиться къ занимающимся торговлей, такъ какъ почти всѣ изъ нихъ, именно

5,37%, дѣлая маленькіе обороты, продаютъ бакалейные и мелочные товары, и лишь 0,61%—мануфактурные товары. Что же касается разносчиковъ, которые держатъ въ своихъ узлахъ или коробахъ на 30—40 руб. мелочнаго или мануфактурнаго товара и вѣчно промышляютъ пѣшкомъ по ауламъ, нося эти товары на спинѣ при 40°—48° градусахъ жара, то ихъ, кажется, и нельзя отнести къ торговцамъ. Они вѣчно остаются тѣми же бѣдняками, какими были и при началѣ своего предпріятія, и едва успѣваютъ прокормить себя и семейство, обыкновенно обремененное множествомъ дѣтей. Изъ выведенныхъ выше чиселъ замѣчаемъ, что особенно много этихъ разносчиковъ въ аулахъ. Мнѣ удалось собрать о нихъ точныя свѣдѣнія, и оказалось, что большинство ихъ ненавидятъ это занятіе; но тѣмъ не менѣе занимаются имъ, не имѣя ничего другого для прокормленія семей; такихъ то бѣдняковъ весьма внушительная цифра, именно—въ аулахъ 8,38% и въ среднемъ—5,35%. Мы все таки причислимъ ихъ къ числу занимающихся торговлей; тогда общее количество торговцевъ выразится среднимъ отношеніемъ въ городахъ и аулахъ 14,05%, или, по числу семействъ,—изъ 4090 семействъ 574,64 занимается торговлей. Изъ этого числа на настоящихъ купцовъ-капиталистовъ приходится лишь приблизительно 5%. Но, говоря о капиталистахъ, опять таки не слѣдуетъ думать, что у нихъ крупныя состоянія: самые богатые изъ нихъ имѣютъ лишь отъ 25—30 тысячъ. Что же касается аульныхъ горскихъ евреевъ, то, какъ я справлялся, изъ нихъ тѣ считаются богачами, которые владѣютъ землей, имѣніемъ, мельницей и пр. недвижимымъ имуществомъ, стоящимъ отъ 1000 до 2000 руб., и имѣютъ тысячи двѣ въ оборотѣ. Но такихъ богачей очень немного среди евреевъ. Большею же частью бывали извѣстны своимъ богатствомъ 2—3 семейства, владѣвшія имуществомъ на 1000—1500 руб. Такимъ образомъ мы убѣдились, что слова покойнаго путешественника Чернаго лишены всякаго основанія, и горскіе евреи, занимаясь лишь въ числѣ 14,05% торговлей, не могутъ называться торго-

вымъ народомъ. Бывая большею частью въ городахъ, видя по дорогамъ большое количество евреевъ разносчиковъ и не углубляясь въ самую жизнь горскихъ евреевъ, путешественники выводили заключеніе, что они занимаются преимущественно торговлей. Однако не трудно замѣтить, что главныя занятія горскихъ евреевъ заключаются: a) въ обработкѣ земли, въ воздѣлываніи полей, на которыхъ сѣютъ пшеницу, ячмень, маисъ, рисъ, въ разведеніи виноградныхъ и фруктовыхъ садовъ, въ культивированіи марены и овощныхъ растеній; b) по обрабатывающему производству: въ выдѣлкѣ сафьяна, кожъ изъ сырыхъ шкуръ, которыя получаютъ они или отъ своихъ домашнихъ животныхъ, или у туземцевъ за деньги, или у своихъ собратьевъ, владѣющихъ стадомъ коровъ, барановъ, козъ, лошадей, и, наконецъ, въ шелководствѣ и въ приготовленіи сыра, масла изъ буйволинаго и овечьяго молока. Сѣяніемъ хлѣба занимаются горскіе евреи исключительно въ Кюринскомъ и Кайтако-Табасаранскомъ округахъ Дагестанской области и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Бакинской губ. Мнѣ, напримѣръ, пришлось въ этихъ мѣстахъ видѣть аулы горцевъ-евреевъ, которые исключительно заняты земледѣліемъ и не имѣютъ ни одной лавченки или торговца; къ нимъ могу отнести: Джерахъ, Нюгъ-ди-Мюшкюръ, Мамрача и др. (Кюринскаго округа), Афтаранъ (Бакинской губ.). Въ этихъ мѣстахъ встрѣчаются троякаго рода хлѣбопашцы: a) тѣ, которые имѣютъ земли, земледѣльческія орудія, сѣютъ и пашутъ землю, b)тѣ, которые, не имѣя земледѣльческхъ орудій или достаточнаго количества людей для обрабатыванія полей, отдаютъ другимъ туземцамъ свои земли на доли и потомъ сами жнутъ и снимаютъ хлѣбъ и c) наконецъ, которые, не имѣя ни земли, ни орудій, занимаются пахать землю, сѣять и снимать съ полей хлѣбъ за извѣстное вознагражденіе. Этихъ послѣднихъ очень много въ аулахъ, и они обозначены у меня подъ рубрикой «рабочихъ семействъ». Второй родъ хлѣбопашцевъ въ видѣ платы обрабатывающимъ ихъ поля и сѣющимъ ихъ хлѣбъ даютъ въ иныхъ мѣстахъ $^1/_2$ всего сбора, въ иныхъ одинъ «сабъ» (около чет-

верти) за «капанъ» (десятина=4 капанамъ, 1 капанъ=3 сабъ). Въ статистической таблицѣ выведено, что число всѣхъ хлѣбопашцевъ 1-го рода равно 143 семействамъ, а второго — 208 и отдѣльно:

въ городахъ	1-го рода	21,	втораго	19
въ аулахъ	—	122	—	189.

Изъ послѣднихъ чиселъ замѣчаемъ, что въ городахъ очень немногіе занимаются хлѣбопашествомъ. Приводя эти числа на 100, находимъ подымное отношеніе ихъ:

въ городахъ:	1,39%—1,25%
въ аулахъ:	4,71%—7,30%
и въ среднемъ:	3,05%—4,27%

Числа 3,05% — 4,27% въ среднемъ, или еще лучше 4,71%—7,30% въ аулахъ—показываютъ, что хлѣбопашцевъ втораго рода гораздо больше, почти вдвое, чѣмъ перваго. Это объясняется тѣмъ, что у горскихъ евреевъ, во 1-хъ—почти совсѣмъ нѣтъ земельныхъ владѣній для посѣва хлѣба, и во 2-хъ—нѣтъ у нихъ домашнихъ животныхъ, которыя облегчали бы имъ трудъ воздѣлыванія полей. На вопросъ мой имѣющимъ землю, помнятъ ли они, какъ, когда и отъ кого изъ предковъ остались имъ такія то земли, которыя въ данное время обработываются ими, они, бывало, отвѣчаютъ, что онѣ куплены ими, ихъ отцами и не далѣе какъ дѣдами. Но у нихъ во многихъ мѣстахъ есть другія земли, которыя числятся за ними, но которыми фактически они не могутъ владѣть. На такія земли указали мнѣ въ городахъ Дербентѣ и Кубѣ и во многихъ другихъ аулахъ недалеко отъ ущелья Малаго Кавказскаго Прохода (Дербентскаго). Близъ Дербента есть мѣстечко горскихъ евреевъ, носившее наименованіе «Аба-Сава». Оно было разрушено въ 1800 году (5557-мъ отъ сотворенія міра) Кумыкскимъ Шамхаломъ Сурхалъ-хапомъ, и евреи поселились въ Дербентѣ, купивъ каждый себѣ землю подъ сады и дома. Все время земля эта въ количествѣ 1000 кап. или 250 десят. считалась собственностью горскихъ евреевъ, пока

у нихъ не отняли ея во времена мюридизма. Но такъ какъ бумаги о принадлежности этой земли горскимъ евреямъ сохранились *), да и многіе изъ татаръ не отрицали ихъ право на нее, то, послѣ замиренія Кавказа, горскими евреями гор. Дербента было подано правительству прошеніе объ утвержденіи за ними земли, оставшейся имъ отъ ихъ предковъ. Между тѣмъ на эту землю стало изъявлять свои притязанія Дербентское населеніе туземцевъ. Эта тяжба, благодаря массѣ доказательствъ, была рѣшена правительствомъ въ пользу горскихъ евреевъ. Но не смотря на это, горскіе евреи и теперь не могутъ вступить во владѣніе этою землею, такъ какъ мусульманскій наслѣдный ханъ грозитъ убійствомъ всѣхъ евреевъ, если только они раздѣлятъ ее между собою и станутъ воздѣлывать. Нѣсколько разъ, говорятъ, были столкновенія, кончавшіяся страшными драками, но администрація бездѣйствуетъ, и мусульмане препятствуютъ фактическому владѣнію этой землей горскими евреями. Поэтому никто изъ нихъ не осмѣливается приступить къ ней, и эта земля или остается необработанной, или отдается въ аренду за ничтожную сумму.

Но эта земля все таки считается святынею у горскихъ евреевъ, и они разъ въ годъ **) идутъ поклониться туда могилямъ своихъ отцевъ. (Тамъ находятся еврейскія кладбища съ сохранившимися еще еврейскими памятниками на могилахъ ***) Они, повидимому, ничуть не жалѣютъ о томъ, что сила не даетъ имъ владѣть ихъ собственностью, говоря, что «видно это есть воля Господня». А между тѣмъ—сколько безземельныхъ несчастныхъ горскихъ евреевъ г. Дербента, которые все время проводятъ въ заработкахъ въ чужихъ аулахъ, или нищенствуютъ въ Дербентѣ!—Тоже самое можно сказать о Кулкатѣ, близъ Г. Кубы, Чуһутъ-Тебе, близъ Кара Кураша (Кайт.

*) Бумаги эти находятся у главнаго Дербентскаго раввина Якова Ицхаковича.

**) Въ день разрушенія Іерусалима.

***) См. путешествіе Іуды Чернаго по Кавказу подъ заглавіемъ: „Кавказскіе евреи“.

окр.), Дарай Татаулъ, близъ сел. Карабдакента, о землѣ, принадлежащей жителямъ нашего аула Тарки, и о множествѣ другихъ. Многія изъ этихъ земель даже сами туземцы называютъ «чуһутъ» т. е. еврейскими, а между тѣмъ, не имѣя никакого права и документовъ, владѣютъ ими сами, или, хотя и считаютъ земли собственностью горскихъ евреевъ, но не позволяютъ имъ обрабатывать ихъ и вообще пользоваться ими.

Всѣмъ, изучившимъ хорошо Кавказъ,—но не такъ, какъ авторы «Воинствующаго Израиля» и «Кавказскихъ евреевъ», извѣстенъ фактъ, что первые горскіе евреи начали обрабатывать недоступные клочки Кавказа, сѣять на нихъ рисъ, маисъ, пшеницу, разводить виноградные и фруктовые сады, культивировать марену, шелковичныя деревья, овощныя растенія, заниматься различными обработывающими производствами вродѣ выдѣлки сафьяна, кожъ, тканья, вязанія и вышиванія различныхъ матерій и пр. Для доказательства я приведу нѣсколько мѣстъ изъ одной статейки подъ заглавіемъ «Дагъ-Чуфутъ», помѣщенной въ газетѣ «Кавказъ» № 77 за 1885 г. Авторъ, нѣкто Б. Ф., говоритъ въ ней слѣдующее: «Мѣстные евреи Сѣвернаго Кавказа извѣстны подъ наименованіемъ «Дагъ-Чуфутъ». Они живутъ небольшими обществами въ Дагестанской, Терской и Кубанской областяхъ, ведутъ свое происхожденіе отъ персидскихъ евреевъ, зашедшихъ въ Дагестанъ въ глубокой древности и оттуда уже, вслѣдствіе разныхъ невзгодъ, искавшихъ пріюта между Кумыками, князья которыхъ цѣнили высоко ихъ способности въ торговомъ отношеніи и воспользовались ихъ искусствомъ въ разведеніи марены, виноградныхъ и тутовыхъ садовъ и сарачинскаго пшена (рисъ). Евреи эти, еще до владычества русскихъ на Кавказѣ, основали свой поселокъ въ Адреевскомъ аулѣ на Кумыкской плоскости, а потомъ во времена генерала Ермолова имъ для жительства и пользованія землею была указана мѣстность «Портычъ» на Терекѣ—между нынѣшними станицами Шелководской и Щедринскою; но вслѣдствіе нападенія горцевъ, они разселились въ аулы: Андреевскій, Ташкечи, Кази-Юртъ,

Хасавъ-Юртъ, Костекъ, Грозный, Нальчикъ, гдѣ и живутъ теперь; съ русскими евреями ничего общаго они не имѣютъ, кромѣ религіи, но и въ сей послѣдней есть не мало уклоненій и своеобразныхъ особенностей.

За заслуги свои и усердіе многіе изъ горскихъ евреевъ были награждены золотыми и серебряными медалями и цѣнными подарками отъ генераловъ: Ермолова, Вельяминова, графа Паскевича и фельдмаршаловъ князей Воронцова и Барятинскаго. Не смотря на тревожную жизнь, въ которой жили предки и отцы нынѣшнихъ евреевъ, они не оставляли своихъ мирныхъ занятій, вели торговлю въ мирныхъ и непріязненныхъ аулыхъ, сѣяли марену, гнали изъ винограда и фруктовъ водку и спиртъ, разводили шелковицу и первые изъ горцевъ стали посѣщать отдаленныя мѣста Россіи и ярмарки, а своею дѣятельностью и личнымъ примѣромъ не мало способствовали развитію разныхъ промысловъ въ кругу горцевъ. Въ настоящее время горскіе евреи, какъ отнесенные русскимъ правительствомъ къ числу покорепныхъ Кавказскихъ горскихъ жителей, пользуются всѣми правами горцевъ, избавлены отъ воинской повинности, надѣляются землею наравнѣ съ тѣми жителями, гдѣ живутъ, платятъ подати и несутъ одинаково съ горцами повинности натурой. Вслѣдствіе возбужденнаго акцизнымъ вѣдомствомъ вопроса о правѣ торговли горскими евреями разными напитками въ прошломъ году послѣдовало правительственное распоряженіе о предоставленіи имъ этого права, не смѣшивая ихъ съ русскими евреями, съ которыми они общаго ничего не имѣютъ». Вотъ слова, которыя говоритъ человѣкъ, знающій хорошо судьбу, положеніе и занятія горскихъ евреевъ, хотя, говоря о надѣленіи ихъ землею наравнѣ съ другими, ихъ окружающими туземцами, и онъ ошибается. Правда, нѣкоторые аулы или города надѣлены достаточнымъ количествомъ земли, но и безземельныхъ ауловъ горскихъ евреевъ очень много. Особенно счастливо надѣлены горскіе евреи въ г. Дербентѣ, гдѣ почти на всѣхъ земляхъ разведены богатые виноградники, и затѣмъ города Хасавъ-

Юртъ и Грозное, сел. Карчагъ, Джерахъ, Нугъ-ди-Мюшкуръ, Ханчалъ-Кала, Хошмензюлъ, Мамрача, Афтаранъ и нѣсколько другихъ. Благодаря этому мы и не находимъ въ этихъ аулахъ той крайней нищеты, которая господствуетъ въ другихъ, не имѣющихъ земли, аулахъ. Въ статистической таблицѣ находимъ мы относительно земли слѣдующія данныя:

въ городахъ . .	8841 капанъ	=2210,25 десятинъ.
въ аулахъ . . .	7273 капанъ	=1818,25 десятинъ.
итого	16,114 капанъ	=4028,5 десятинъ.

Раскладывая эту землю между всѣми жителями, мы замѣчаемъ, что на каждый дымъ приходится только:

	въ аулахъ. . .	2,81 кап.	=0,70 десят.
	въ городахъ. .	5,86 кап.	=1,46 десят.
	въ среднемъ .	4,38 кап.	=1,03 десят.
а на душу	въ аулахъ. . .	0,72 кап.	=0,18 десят.
	въ городахъ. .	0,74 кап.	=0,19 десят.
	и въ среднемъ.	0,73 кап.	=0,18 десят.

При этомъ не слѣдуетъ думать, что эти земли всѣ годныя для посѣва; онѣ обнимаютъ и посѣвныя поля, и покосы, и лѣсъ. Число же 0,74 въ городахъ и 0,72 въ аулахъ показываютъ, что городскіе жители владѣютъ гораздо большимъ количествомъ земли, чѣмъ аульные. На самомъ же дѣлѣ на одинъ Дербентъ и Кубу приходится около 1500 капановъ или 375 дес. земли, непригодной къ дѣлу или приносящей обществу ничтожный доходъ. Если исключимъ эти 375 дес., приходящихся на долю 2-хъ только городовъ, то замѣтимъ, во первыхъ, что городскіе евреи, за исключеніемъ владѣльцевъ садовъ, вовсе не надѣлены землею подъ посѣвъ хлѣба или подъ покосъ. На самомъ дѣлѣ это такъ, и городскіе жители изъ горскихъ евреевъ никогда не надѣлялись землею. Если кто изъ нихъ и имѣетъ землю, то она предназначалась для посѣва марены, которая имѣла въ промышленности большое значеніе лѣтъ 10—12 тому назадъ. Главную причину теперешняго бѣдствія жителей Кавказа, не только горскихъ евре-

евъ, но и другихъ туземцевъ, объясняютъ паденіемъ цѣны на марену, разведеніемъ которой занимались повсемѣстно. Въ настоящее время она до того потеряла значеніе, что ее и не выпахиваютъ изъ земли. Снять марену было выгодное предпріятіе для каждаго. Каждый, имѣвшій нѣсколько сотъ руб. спѣшилъ тогда купить участокъ земли и посѣять сѣмена марены. Черезъ три года она давала уже достаточной толщины корни, которые и пускались въ продажу. Корни эти выкапывались не до основанія, а около аршина. Затѣмъ они присыпались землей и оставлялись до будущаго года, когда вновь выкапывались и засыпались землею. Это былъ вѣчный кусокъ хлѣба, такъ какъ за корнями марены не было никакого особеннаго ухода, и она сѣялась разъ на 15 и даже 20 лѣтъ. При цѣнѣ въ 15, 10, 8 руб. хозяинъ нанималъ нѣсколько десятковъ рабочихъ и получалъ хорошій барышъ. Но вдругъ вышла французская краска *ализаринъ*, которая могла съ большей выгодой и удобствомъ замѣнять марену, и послѣдняя упала въ цѣнѣ и въ продолженіе 5 лѣтъ съ десяти рублей спала до двухъ руб. Тутъ почувствовалась невыгодность копать ее, и въ настоящее время не мало полей Кавказа хранятъ въ своихъ нѣдрахъ стволы марены, достигающіе все большихъ и большихъ размѣровъ въ толщину. Съ паденіемъ марены обѣднѣло множество собственниковъ, затратившихъ послѣднюю копѣйку на нее, и масса работниковъ осталась безъ средствъ къ жизни. Далѣе слѣдуетъ отмѣтить, что исключивъ 1500 кап. или 375 дес. изъ общаго числа 16114 кап. (4028 дес.) и распредѣливъ остающееся число 14,614 кап. между 4090 дымами, мы найдемъ, что на дымъ приходится только 3,56 кап. или 0,89 дес. годной и негодной земли.

Приводя количество домашнихъ животныхъ у горскихъ евресвъ, мы должны также къ сожалѣнію сказать, что и въ нихъ чувствуется большой недостатокъ. Изъ домашнихъ животныхъ болѣе распространены у горскихъ евреевъ: лошади, коровы, буйволы, ослы, овцы и козы. Рѣдко кто изъ горскихъ евресвъ владѣетъ большими стадами и табунами, и

большею частью скотъ встрѣчается въ очень ограниченномъ числѣ. Изъ домашняго скота насчитываютъ:

	рогатаго скота.	лошадей и ословъ.
въ городахъ	735	389
въ аулахъ	1313	462
и въ среднемъ:	2048	851

Относя ихъ къ дымамъ находимъ, что на каждый дымъ приходится:

	рогатаго скота.	лошадей и ословъ.
въ городахъ	0,48	0,25
въ аулахъ	0,50	0,14
и въ среднемъ:	0,49	0,19

или же всѣхъ домашнихъ животныхъ и въ среднемъ отношеніи приходится:

на каждый дымъ	0,68
на душу	0,13

Самыми полезными животными для горца являются буйволъ и оселъ.

Буйволы даютъ имъ прекрасное густое молоко, а оселъ замѣчателенъ по выносливости. Въ Бакинской губ. кромѣ нихъ между домашними животными находится и верблюдъ.

Говоря о рабочихъ, мы нашли причину ихъ стѣсненнаго положенія, во 1-хъ, въ неимѣніи земли, земледѣльческихъ орудій и домашнихъ животныхъ, во 2-хъ, въ паденіи марены. Особенно много рабочихъ въ городахъ, гдѣ они часто, не находя никакой работы, остаются безъ всякаго средства къ существованію и увеличиваютъ собою классъ нищенствующихъ. По моимъ изслѣдованіямъ, ихъ оказывается:

въ городахъ. . . .	463 семейства съ	1805	рабочихъ душъ
въ аулахъ.	239	387	
и всѣхъ. . .	702 семейства съ	2192	рабочихъ.

или, вычисливъ число рабочихъ въ каждомъ рабочемъ семействѣ, находимъ:

въ городахъ	3,9
въ аулахъ	1,6
и въ среднемъ	2,7.

Большинство этихъ рабочихъ лишены даже убогой сакли въ родномъ аулѣ и должны жить за плату у другихъ. Въ моей статистической таблицѣ подъ рубрикой «число имѣющихъ домъ или саклю» означено:

въ городахъ.	1261
въ аулахъ.	1195
и всѣхъ	2456,

и слѣдовательно, вычтя изъ всего числа дымовъ горскихъ евреевъ (именно 4090) эту цифру, находимъ, почти $^2/_3$ всѣхъ горскихъ евреевъ живутъ за плату въ чужихъ домахъ или сакляхъ, и это приблизительно:

въ городахъ.	0,27%
въ аулахъ.	0,54%
и въ среднемъ. . . .	0,36%.

Изъ всѣхъ этихъ данныхъ невольно приходится заключить, что экономическое положеніе горскихъ евреевъ довольно печально, и можетъ подняться только тогда на сколько-нибудь, когда горскіе евреи будутъ надѣлены землею. Недостающій хлѣбъ и крупный рогатый скотъ покупается ими за деньги у туземцевъ или христіанъ, занимающихся вблизи хлѣбопашествомъ, или доставляется мѣновой торговлей на фрукты, сафьянъ, табакъ и пр.

Какъ сказано выше, садоводство занимаетъ видное мѣсто въ занятіяхъ горскихъ евреевъ. Сады сосредоточены главнымъ образомъ въ аулахъ, но большее число ихъ въ 2-хъ, 3-хъ городахъ, именно Дербентѣ (160), Хасавъ-Юртѣ (12) и Кубѣ (8) поднимаетъ общее процентное отношеніе садовъ въ городахъ противъ ауловъ. Такъ въ нашей таблицѣ показано:

	число садовъ.
въ городахъ	191
въ аулахъ	149
всѣхъ	340

Взявъ ихъ по отношенію къ дымамъ и душамъ находимъ:

	по дымамъ.	по душамъ.
въ городахъ.	12,66% . . .	1,72%
въ аулахъ	5,75% . . .	1,48%
въ среднемъ	9, 4% . . .	1,60%

Табаководствомъ занимаются горскіе евреи тоже въ большомъ количествѣ, даже бо̀льшемъ, чѣмъ садоводствомъ, особенно въ аулахъ; затѣмъ слѣдуетъ кожевничество; эти два промысла проникли особенно въ низшіе слои горско-еврейскихъ общинъ. Вмѣстѣ составляютъ занимающихся ими около 24% всего народонаселенія, отчего въ иныхъ мѣстахъ между туземцами эти занятія и служатъ нарицательнымъ прозвищемъ горскихъ евреевъ, такъ что нерѣдко слышишь, какъ татары зовутъ ихъ «тамаку» (табакъ), «сактіянъ» (кожа) и «тавукъ пукъ» (птичій пометъ). Дѣло въ томъ, что при выдѣлкѣ сафьяна и кожъ употребляется птичій пометъ, который горскіе евреи-кожевники собираютъ по ауламъ; но такимъ грязнымъ и нечистымъ дѣломъ, какъ говорятъ татары, могутъ заниматься одни евреи, а никакъ не правовѣрные мусульмане; откуда и назвали «тавукъ-пукъ». Подъ табачныя плантаціи отводятся земли, изобилующія водой. У однихъ онѣ собственныя, у другихъ — арендованныя на извѣстное число лѣтъ и за извѣстное вознагражденіе. Тутъ обыкновенно поступаютъ также, какъ при отдачѣ земли подъ посѣвъ хлѣба; именно на $^1/_3$ всего сбора, или на половину, смотря потому — близко ли вода отъ плантацій, или нѣтъ. Вода требуется ростущимъ табакомъ въ громадномъ количествѣ. День—два безъ воды и онъ вянетъ и начинаетъ сохнуть; точно также относится къ водѣ рисъ, сѣяніемъ котораго особенно много занимаются горскіе евреи въ Кюринскомъ и Кубинскомъ округахъ. Поль-

зованіе сельской водой производится также по обычнымъ правиламъ. Во 1-хъ, она проводится изъ рѣки или источниковъ каналами черезъ весь аулъ, гдѣ на всемъ пути построены небольшія мельницы, и она служитъ для всѣхъ двигателемъ мельничныхъ колесъ. Во 2-хъ, каждый околотокъ или сосѣдство имѣетъ свою канаву, идущую отъ главнаго канала, и по которой могутъ только въ извѣстные, назначенные поочередно, дни пускать воду въ свои сады, огороды и плантаціи. Когда одно «сосѣдство» (часть аула) принимаетъ воду и раздаетъ по частямъ всѣмъ своимъ членамъ, всѣ другія сосѣдства, или кто-либо изъ его членовъ, не должны открывать своей канавы, въ противномъ случаѣ отъ нарушителя порядка, какъ отъ вора, взымается извѣстная штрафная сумма; иногда, если воды много, берутъ ее сразу 2– 3 сосѣда. Раздача воды поочереди происходитъ 6 дней, а въ 7-ой, именно въ пятницу, она поступаетъ въ пользу общества. Въ этотъ день продаютъ съ аукціона пользованіе всею отпускаемою водою. Тогда никто изъ аульныхъ не имѣетъ права брать и капли воды. Пользованіе въ этотъ день водою обходится отъ 2-хъ до 5-ти, 6-ти руб., смотря по времени года. Незаконное пользованіе водою бываетъ часто причиной ссоръ, дракъ и даже убійствъ между различными членами сосѣдствъ или покупателями воды въ этотъ день. Ипой, положимъ, пропустилъ свою очередь по какому-нибудь случаю и вотъ видитъ, что ждать слѣдующей очереди—значитъ подвергнуть засухѣ все, что у него въ саду, въ огородѣ или плантаціи; на аукціонѣ же страшно набиваютъ цѣну, когда чувствуется общій недостатокъ въ водѣ. Вслѣдствіе этого, не долго думая, открываетъ онъ свою канаву и пускаетъ къ себѣ небольшую струю воды, расширивъ или съузивъ въ канавѣ ходъ. Между тѣмъ, на мѣстахъ полученія воды чувствуется недостатокъ, и къ каналу посылаются работники съ желѣзными лопатами. Они находятъ нарушеніе порядка, и предположивъ, что, можетъ быть, оно случайное, запираютъ входъ и уходятъ. Опять чувствуется умньшеніе воды, опять находятъ нарушеніе порядка—воръ вызы-

вается, и происходятъ споры, драки, доходящія и до кинжаловъ. Иной же, пожелавъ разомъ пустить къ себѣ порядочное количество воды, останавливаетъ и мельницы, отчего происходитъ цѣлая свалка. Табакъ горскихъ евреевъ, хотя низшаго сорта по сѣмени, выходитъ очень крѣпкимъ и недурнаго качества, такъ что русскій табакъ, если и бываетъ въ этихъ мѣстахъ, почти не употребляется. — Тоже можно сказать и относительно кожевничества. Спеціалисты по обработкѣ сырыхъ шкуръ находятъ кожи и сафьянъ, изготовленные горскими евреями, очень порядочными и крѣпкими. Кожевенные заводы ихъ въ аулахъ бываютъ тутъ же рядомъ съ ихъ саклями, а въ городахъ—за чертой города. По этому при входѣ почти въ каждый аулъ горскихъ евреевъ, занимающихся кожевничествомъ, слышенъ особый запахъ отъ гніенія различныхъ веществъ, а за ауломъ—вѣчный дымъ, вѣчная копоть. Послѣднее происходитъ отъ того, что зажигаютъ цѣлыя горки навоза, и не въ однихъ только аулахъ горскихъ евреевъ, но и у всѣхъ туземцевъ Кавказа. По статистикѣ число кожевниковъ и табаководовъ выражается въ слѣдующихъ цифрахъ:

	кожевники.	табаководы.
въ городахъ.	89	300
въ аулахъ	158	397
всѣхъ	247	697

или же въ процентномъ отношеніи по жителямъ:

	кожевники.	табаководы.
въ городахъ.	5,90% . . .	19,89%
въ аулахъ	6,10% . . .	15,34%
въ среднемъ	6,00% . . .	17,61%.

Отсюда видимъ, что кожевничествомъ занимаются больше въ аулахъ, а табаководствомъ—въ городахъ. Но послѣднее нѣсколько невѣрно, такъ какъ вышесказанное процентное от-

ношеніе зависитъ отъ большаго числа табаководовъ въ одномъ только г. Кубѣ, гдѣ именно ихъ 300 семействъ. Наконецъ, на что можно обратить вниманіе въ статистическихъ данныхъ— это число шелководовъ и ремесленниковъ. Оба промысла находятся въ жалкомъ состояніи у горскихъ евреевъ: не смотря на то, что предки нынѣшнихъ горскихъ евреевъ были первыми шелководами на Кавказѣ, не смотря на прививающіяся тамъ съ успѣхомъ шелковыя деревья, сами горскіе евреи до того позабыли переданное имъ отцами искусство, что въ настоящее время они совсѣмъ уже не занимаются имъ. Оказывается, что на всѣ 4090 дымовъ народонаселенія и на 38 мѣстахъ ихъ жительствъ между горскими евреями шелководовъ и ремесленниковъ считается только 27 семействъ. Такъ или иначе приходится замѣтить къ сожалѣнію, что у горскихъ евреевъ нѣтъ никакого желанія заниматься какимъ бы то ни было ремесломъ. Ихъ не привлекаютъ даже и обще-кавказскія, туземныя ремесла. Сколько ни приходилось мнѣ слышать о кавказскомъ оружіи, но однакожъ не пришлось видѣть ни одного горскаго еврея не только оружейнаго мастера, но и простаго слесаря.

Изслѣдовать причину этого не совсѣмъ симпатичнаго отношенія горскихъ евреевъ къ шелководству и ремесламъ, мнѣ кажется, трудно, но однакожъ все таки можно полагать, что во-первыхъ—ремесленники, за исключеніемъ немногихъ, почти не требуются въ жизни туземцевъ, а во-вторыхъ, что искусства эти не находятъ ни поощренія, ни вознагражденія за труды.

Представивъ отдѣльно данныя числа и вычисливъ по нимъ процентное отношеніе шелководовъ и ремесленниковъ, мы замѣтимъ, что:

Шелководовъ.			Ремесленниковъ.		
въ городахъ	4	или 0,12%	въ городахъ	22	или 1,45%
въ аулахъ .	23	» 0,74%	въ аулахъ .	5	» 0,19%
всѣхъ . . .	27	» 0,43%	всѣхъ . . .	27	» 0,82%

Резюмируя все сказанное, занятія горскихъ евреевъ распредѣляются по жителямъ слѣдующимъ образомъ:

	въ городахъ.	въ аулахъ.	въ среднемъ.
садовъ	12,66% . .	5,75% . .	9,20%
лавокъ мануфакт. . .	6,56% . .	0,61% . .	3,58%
лавокъ бакалейныхъ .	4,88% . .	5,37% . .	5,12%
разносчиковъ.	2,32% . .	8,38% . .	5,35%
хлѣбопашцевъ 1-го рода	1,39% . .	4,71% . .	3,05%
» 2-го »	1,25% . .	7,30% . .	4,27%
рабочихъ семействъ . .	30,80% . .	9,23% . .	20,01%
кожевниковъ	5,90% . .	6,10% . .	6,00%
табаководовъ	19,89% . .	15,34% . .	17,61%
шелководовъ	0,12% . .	0,74% . .	0,43%
ремесленниковъ. . . .	1,45% . .	0,19% . .	0,82%
Итого:	87,22% . .	63,72% . .	75,47%

Наконецъ, ради бо́льшей полноты статистическихъ свѣдѣній *о горскихъ евреяхъ*, я представлю нѣкоторыя данныя за 4 года о движеніи населенія горскихъ евреевъ въ городѣ Дербентѣ. Эти свѣдѣнія даны мнѣ уважаемымъ дербентскимъ Раббн, Яковомъ Пцхаковичемъ, и могутъ считаться достовѣрными.

ГОДА.	Число душъ.		Число умершихъ.		Число родившихся.		Ч. брак.	Ч. развод.	Число умершихъ по возрастамъ.																Незаконно-рожденныхъ.
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.			Отъ 1—10 лѣтъ.		Отъ 10—20 лѣтъ.		Отъ 20—30 лѣтъ.		Отъ 30—40 лѣтъ.		Отъ 40—50 лѣтъ.		Отъ 50—60 лѣтъ.		Отъ 60—70 лѣтъ.		Отъ 70—80 лѣтъ.		Отъ 80—90 лѣтъ.		Отъ 90—100 лѣтъ.		
									Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	
въ 1882 году.	826	781	17	12	57	42	44	1	5	9	—	—	—	—	3	—	1	—	2	—	1	1	4	1	1	1	—	—	Нѣтъ.
въ 1883 году.	856	814	22	13	52	46	30	1	10	4	2	5	2	—	1	1	2	1	1	—	3	1	1	1	—	—	—	—	Нѣтъ.
въ 1884 году.	864	836	35	22	43	43	17	2	22	16	1	—	1	—	7	1	1	—	1	—	—	1	1	3	1	1	—	—	Нѣтъ.
въ 1885 году.	888	858	29	19	53	41	25	4	18	9	—	3	3	—	3	—	1	1	1	1	2	3	1	3	—	—	—	—	

Говоря о непріязненныхъ отношеніяхъ горцевъ-евреевъ къ европейскимъ евреямъ и о причинахъ этихъ отношеній, я коснулся между прочимъ, и религіи и сказалъ, что многое, чего нѣтъ у вторыхъ, есть въ религіи первыхъ и наоборотъ. Это различіе мы видимъ въ нѣкоторыхъ религіозныхъ обрядахъ и обычаяхъ, сохранившихся въ религіи горскихъ евреевъ и прямо противорѣчащихъ духу и требованіямъ іудейской религіи, такъ какъ нѣкоторые обычаи горскихъ евреевъ носятъ языческій характеръ. Къ нимъ относятся празднества въ честь нѣкоторыхъ древнихъ боговъ, много народныхъ вѣрованій, обычай кровавой мести и пр. Горскіе евреи, хотя и увѣрены въ существованіи единаго Бога, но предполагаютъ, что кромѣ Него есть и другія необыкновенныя существа, божественнаго происхожденія, которыя пользуются покровительствомъ Бога во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ и имѣютъ обширную власть надъ природой и человѣкомъ. Нѣкоторыя изъ этихъ божествъ видимы и являются человѣку въ образѣ какого либо животнаго, чтобы наказать его за тотъ или другой проступокъ, или наградить за доброе дѣло. Къ видимымъ божествамъ относятъ: «Нумъ-Негиръ», «Ождеhóе-маръ», «Илсhъ-Новй», «Шеhаду», «Серъ-Овй» или «Дедей-Олъ» и др. *). Большею-же частью божества невидимы и, повелѣвая природой, производятъ различныя явленія, заставляющія человѣка или радоваться, или приходить въ ужасъ, чѣмъ они обнаруживаютъ людямъ свою благосклонность или напротивъ свой гнѣвъ. Изъ невидимыхъ божествъ особенно почитаются горскими евреями: «Идоръ», «Земирей», «Гудуръ-Бой», «Кесенъ-Бой». Правда, въ послѣднее время горскіе евреи, знакомясь съ европейскими или русскими евреями, у которыхъ вполнѣ установлены законы Моисея, начинаютъ постепенно очищать свою вѣру отъ прежнихъ языческихъ вѣрованій и забываютъ своихъ второстепенныхъ боговъ, но къ такимъ пуристамъ относятся только городскіе

*) Буквой h мы передаемъ звукъ тождественный съ нѣмецкимъ h и латинскимъ h.

евреи, или тѣ, которые имѣютъ раввина, получившаго іудейское образованіе между русскими евреями или у какого-либо своего святаго рабби. Но жители ауловъ, которые продолжаютъ жить въ первобытномъ состояніи, чтутъ этихъ духовъ и теперь и справляютъ въ извѣстные дни и времена года различныя церемоніи. Родившись въ аулѣ и выросши въ немъ, я сохранилъ въ памяти множество сценъ изъ быта нашего народа, которыя даютъ мнѣ теперь нѣкоторое понятіе о его вѣрованіяхъ. Основываясь на этомъ, я опишу эти божества горскихъ евреевъ и народные праздники, устраиваемые въ честь ихъ. По своимъ свойствамъ, какъ сказалъ выше, духи дѣлятся на видимыхъ и невидимыхъ, а по качествамъ—на добрыхъ и злыхъ. Одни изъ нихъ постоянны въ своихъ свойствахъ, а другіе измѣняются, сообразно съ поступками людей, которымъ они покровительствуютъ, т. е. иногда дѣлаются для нихъ добрыми, иногда—злыми. Къ послѣднимъ относятся: «Нумъ-Негиръ, Земирей, Гудуръ-Бой, Кесепъ-Бой и Серъ-Ови», а къ первымъ—«Илеhъ-Нови, Ождоhоje-маръ и Шаhаду», изъ которыхъ два первые духа добрые, а послѣдній—злой. Божество «Нумъ-Негиръ», принадлежащее къ перемѣнно добрымъ и злымъ, смотря по заслугамъ человѣка, считается покровителемъ путниковъ и семейнаго плодородія. Чтобы пріобрѣсти его расположеніе, нужно уважать ближнихъ и ихъ дѣтей, какъ своихъ собственныхъ, и быть ласковымъ къ странникамъ. Въ этомъ случаѣ оно является человѣку въ видѣ бѣлой каменной куницы, которая проносится мимо съ быстротою молніи и исчезаетъ моментально изъ вида, не давъ ему опомниться. Тогда человѣкъ вполнѣ можетъ надѣяться на счастливый исходъ своего предпріятія и на благополучное возвращеніе изъ путешествія. Если же это загадочное животное прошло между ногами человѣка, то непремѣнно быть бѣдѣ, и человѣка будетъ вѣчно преслѣдовать горе. Тогда всѣ семейныя несчастія взваливаютъ на «Нумъ-негира», и болѣзни новорожденныхъ дѣтей объясняются тѣмъ, что дѣтей «держитъ» (душитъ) Нумъ-Негиръ за

грѣхи родителей. Вообще-же «Нумъ-Негиръ» совсѣмъ не почитается горскими евреями, потому что очень мало счастливцевъ, которыхъ встрѣчало бы оно привѣтливо и не проходило имъ между ногами. Одно имя его *) приводитъ бѣдныхъ родителей въ паническій страхъ за жизнь своихъ новорожденныхъ. Какъ только началась дѣтская болѣзнь, состоящая обыкновенно изъ частыхъ вздрагиваній малютки и пенстоваго плача, при которомъ является на губахъ его красноватая пѣна и на лицѣ особенная блѣдность, знахарками произносится надъ нимъ смертный приговоръ, что̀, дѣйствительно, и сбывается чрезъ два, три дня по рожденіи. Бѣдные родители, жаждущіе хоть одного живаго ребенка, никакъ не могутъ умилостивить грознаго божества и заслужить у него прощенія за свои грѣхи. Они перемѣняютъ мѣсто жительства, продаютъ новорожденнаго тотчасъ послѣ появленія его на свѣтъ старухамъ-знахаркамъ, чтобы выкупить его послѣ,—все тщетно! они принуждены до поры до времени, или всю жизнь свою, покориться злому существу и не имѣть дѣтей. Бѣдная мать! она каждый годъ рожаетъ дѣтей, каждый годъ съ трепетомъ ждетъ появленія роковой болѣзни, которая ей причиняетъ столько горя и несчастія! По мнѣ кажется, что здѣсь главнымъ образомъ виноваты наши «момои» (бабки) и знахарки, которыя, какъ замѣтятъ что-нибудь въ ребенкѣ, сейчасъ начинаютъ давать ему лѣкарства (травы) и употреблять надъ нимъ различныя колдовства и «бабьи средства». При этомъ ребенка пропускаютъ чрезъ желѣзный треножникъ (на которомъ ставится котелъ на очагѣ), проводятъ сквозь окна, двери, заключаютъ его въ сундукъ и предаютъ различнымъ подобнаго рода истязаніямъ. Если, по какому нибудь чуду, спасается ребенокъ, то это, конечно, приписывается знахаркамъ. Отсюда понятно, какое онѣ имѣютъ значеніе въ народѣ. Какъ только случилось что нибудь, сейчасъ прибѣгаютъ за

*) „Нумъ-Негиръ“ происходитъ отъ „Нумъ“ (имя) и „не гюрде“ (не держать, не произносить). По повѣрію, нельзя произнести настоящаго имени Бога, и оно никому не извѣстно,—также и имя „Нумъ-Негира?“

помощью къ «момоямъ» или «полчи» (колдуньямъ). Онѣ приглашаются не только для лѣченія маленькихъ, но также и къ взрослымъ. Кромѣ травъ для лѣченія употребляются ими еще различныя масла, соли и мясо животныхъ, какъ напр. летучихъ мышей, ежа, крысъ, кровь черныхъ или бѣлыхъ птицъ съ молокомъ и пр. Раны-же лѣчатъ большею частію печенью, курдючьимъ саломъ и тѣстомъ, которое смѣшивается съ сахаромъ или медомъ. Самое-же главное, безъ чего не обходится никакой опасный больной, есть «hейкель» (талисманъ), который имѣетъ видъ равностороннаго треугольника изъ сукна или кожи, украшеннаго галунами. Онъ пришивается или подъ мышкой, или на спинѣ на верхнемъ платьѣ, а иногда виситъ на шеѣ на снуркѣ. Этотъ талисманъ заключаетъ въ себѣ, смотря по роду болѣзни, разныя травы и камни, которые обматываются нѣсколько разъ шелковыми или шерстяными нитками, имѣющими также различное значеніе; надъ ними нашептываютъ и производятъ различныя реакціи надъ парами воды, спирта и пр.

«Ождеhоје-маръ» *) и «Серъ-Ови» имѣютъ такое-же значеніе, какъ *домовые* и *водяные*. Домовой изображается въ видѣ семи-главой змѣи, обитающей или подъ поломъ и въ фундаментѣ, или въ потолкѣ, около верхней полки (въ стѣнѣ), этой змѣи никто не видитъ, потому что она не выходитъ изъ своего гнѣзда; но она посылаетъ своихъ дѣтей, которыя не причиняютъ хозяевамъ дома никакого вреда, лишь бы они не убивали ихъ и не трогали. Сильно вѣрующіе въ это ставятъ на полку чашку меда и думаютъ, что сама «Ождоhос-маръ» выходитъ изъ гнѣзда, чтобы попробовать и оцѣнить достоинство жертвы. Это божество относится къ добрымъ и заботится о благосостояніи семьи.

«Серъ-Ови»**) водяной—имѣетъ образъ воздушной дѣвы, бѣлой какъ снѣгъ. Въ лунную ночь она сидитъ надъ фонта-

*) Ождеhоје-маръ—происходитъ отъ слова ождоhо—чудовище, исполинъ и маръ-змѣя.

**) Серъ-ови—происходитъ отъ „сер“—глава и „ови“—вода.

номъ и охраняетъ воды, чтобы люди не бросали въ нихъ нечистотъ. Иногда-же «Серъ-ови» манитъ молодыхъ людей къ себѣ и топитъ ихъ въ водѣ, а стариковъ не трогаетъ. Но Серъ-ови, по повѣрію народа, ужасно боится булата и убѣгаетъ при видѣ его. Поэтому, когда идутъ ночью за водой, то берутъ какую либо стальную вещь, которой все время размахиваютъ въ воздухѣ и надъ фонтаномъ. Въ виду этого большинство мущинъ и женщинъ носятъ на большомъ пальцѣ булатныя кольца. Въ темную ночь «Серъ-ови» преобразовывается и разстилается надъ водой въ видѣ чернаго тумана.

Относительно Серъ-Ови или, какъ ее иначе называютъ, «Дедей-олъ» (или овъ—вода, т. е. «Мать воды») разсказываютъ еще слѣдующее интересное преданіе.

Дедей-олъ особенно старается обмануть или ввести въ заблужденіе берсменныхъ женщинъ или роженицъ. Поэтому у горскихъ евреевъ никогда нельзя оставить рожепицу одну въ комнатѣ. Въ послѣднемъ случаѣ Дедей-олъ приходитъ къ ней въ образѣ какой нибудь ея родственницы, обманываетъ ее, приближается къ ней, незамѣтно снимаетъ съ нея одѣяло и затѣмъ вынимаетъ нѣкоторыя ея внутренности, какъ то: сердце, печень и легкія. Разсказываютъ, что одна момой (бабка) принимала у одной женщины ребенка и вышла куда то на минутку, оставивъ роженицу. Пришедши къ роженицѣ, она видитъ большое кровавое пятно въ видѣ ладони и пальцевъ какъ разъ надъ дверью и затѣмъ страшно блѣдную, почти полумертвую, больную. На ея вопросъ, что все это значитъ, больная говоритъ, что къ ней приходила сейчасъ такая то ея родственница, приблизилась къ ней, превратилась въ страшную женщину и вынула ея внутренности. Въ то же время шелъ мимо рѣки, жившій въ этомъ же аулѣ, одинъ благочестивый человѣкъ и увидѣлъ женщину во всемъ бѣломъ съ длинными волосами, стоящую съ засученными рукавами у берега и полоскающую человѣческія внутренности. Тутъ же онъ вынимаетъ кинжалъ, бѣжитъ за ней и кричитъ, чтобы она положила ихъ обратно, откуда взяла. Она дѣйствительно

возвращаетъ ихъ и исчезаетъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ проклинаетъ того человѣка, чтобы отъ него не осталось и сѣмени, что дѣйствительно и случилось: у него умерли всѣ дѣти и родные. Разсказываютъ, что старикъ, догоняя Дедей-олъ, отрѣзалъ даже у нея одну косу, которую держалъ у себя и которую видѣли еще не такъ давно очень многіе.

«Илѣнъ-Нови» составляетъ соединеніе личности Ильи пророка съ богомъ богатства. Онъ исключительно является въ ночь съ субботы на воскресенье, почему эта ночь носитъ имя «Шевъ Илѣнъ-Нови» (Ночь Ильи пророка). Онъ показывается людямъ въ двухъ видахъ: или въ видѣ гостя, одѣтаго бѣдно, или въ видѣ бѣлаго духа съ огромной бородой. Въ первомъ случаѣ онъ приходитъ въ домъ и проситъ «принять гостя». Поэтому въ ночь Илѣнъ-нови всякій изъ мужей приказываетъ своимъ женамъ варить «хинкалъ», не смотря на то, что онѣ упорствуютъ, такъ какъ возня за этимъ кушаньемъ продолжается глубоко за полночь и за приготовленіе нужно приняться по закону Моисея послѣ 8-ми часовъ вечера (субботы). Рѣдко это приказаніе мужей не приводится въ исполненіе, ибо въ противномъ случаѣ они наносятъ бѣднымъ женамъ страшные побои. Бить жену въ эту ночь, если она не соглашается сварить *хинкалъ*, считается даже за подвигъ благочестія, потому что это дѣлается единственно въ честь великаго гостя, который можетъ вздумать завернуть къ хозяину, чтобы испытать его. Конечно, тотъ, кто удостоился имѣть Илѣнъ-нови гостемъ въ эту ночь и накормилъ его хинкаломъ и виномъ, вскорѣ послѣ этого посѣщенія, окружается всѣми родами богатства. А тотъ, который былъ богатъ и не принялъ его въ рубищахъ, постепенно начинаетъ бѣднѣть и наконецъ впадаетъ въ нищету. Въ видѣ-же бѣлаго духа Илѣнъ-нови является также въ эту ночь (только въ лунную) и бываетъ главнымъ образомъ въ нечистыхъ уголкахъ и на навозѣ. Увидя его въ подобныхъ мѣстахъ, человѣкъ не долженъ пугаться и бѣжать или произнести слово «вой!» (горе!) Въ первомъ случаѣ онъ будетъ несчастенъ и дойдетъ до нищеты, а во вто-

ромъ заболѣетъ и умретъ. Если-же онъ встрѣтитъ Илеһъ-нови съ поклономъ или скажетъ слово привѣтствія «шолумъ-алихимъ» (да будетъ тебѣ привѣтъ) или-же одно слово «бой» (богатый), то ему быть счастливымъ и богатымъ. По народному повѣрью, Илеһъ-нови посѣщаетъ также въ видѣ бѣдняка свадебный пиръ, и если его пригласятъ и посадятъ между почетными гостями, то жизнь новобрачныхъ будетъ счастлива, если-же не обратятъ на него вниманія и не пригласятъ его, то одинъ изъ новобрачныхъ умретъ, можетъ быть, уже въ первую ночь. Поэтому горскіе евреи приглашаютъ всѣхъ въ аулѣ или городѣ на свадебное торжество и бѣдняковъ сажаютъ между самыми богатыми.

Объ Илеһъ-Нови разсказываютъ еще слѣдующій случай. Въ Маджалисѣ былъ одинъ богачъ по имени Курахъ, который имѣлъ большія стада овецъ и коровъ. Однажды пришелъ къ нему Илеһъ-Нови и попросился къ нему въ гости. Такъ какъ не принимать гостей, по обычаю, было нельзя, но въ тоже время хозяинъ былъ очень жадный скряга, то и велѣлъ зарѣзать для гостя кошку вмѣсто барана. Гость, не подавая вида, что знаетъ обманъ, съѣлъ кошку и проклялъ хозяина. Тогда всѣ стада Кураха вмѣстѣ съ пастухами превратились въ камни. Горскіе евреи и теперь указываютъ на множество камней, разбросанныхъ недалеко отъ Маджалиса и напоминающихъ формами нѣкоторыхъ домашнихъ животныхъ, и называютъ ихъ «Гелей-Курахъ», т. е. стадо Кураха. Разсказываютъ, будто явственно видны пастухъ, облокотившійся на посохъ, пирогъ лежащій на сковородѣ, котелъ и прочая пастушья утварь.

«Шеһаду» есть нечистый духъ, принимающій всевозможные образы, чтобы свести человѣка съ пути истины. Въ его вѣдѣніи находится множество другихъ духовъ, которые по приказанію Шеһаду вселяются въ душу человѣка и управляютъ имъ произвольно. Дѣти этихъ духовъ обитаютъ въ нѣдрахъ земли, гдѣ находятся и палаты ихъ, и жены. Когда нечистый духъ входитъ въ душу человѣка за какую-либо вину

сго, то человѣкъ дѣлается сумасшедшимъ, т. е., по горски «шеһадуни» — водящимся съ нечистымъ духомъ. «Шеһаду» ужасно не любитъ, чтобы горячую воду лили на землю, потому что она, всасываясь, начинаетъ жечь дѣтей нечистыхъ духовъ, которыя стоятъ часто почти у поверхности земли и любуются дѣлами отцовъ. За подобное ослушаніе Шеһаду посылаетъ одного изъ своихъ подданныхъ къ человѣку, котораго тотъ схватываетъ за сердце и горло и хочетъ душить. Въ это время изо рта и носа идетъ у человѣка кровь, обильная пѣна, и онъ начинаетъ сильно хрипѣть отъ удушенія. Такимъ образомъ дѣлаются съ человѣкомъ припадки. Полное сумасшествіе объясняется тѣмъ, что у Шеһаду очень мало подчиненныхъ какъ мужскаго пола, такъ и женскаго. Особенно не хватаетъ у него для своихъ духовъ женщинъ, почему онъ и старается заманить ихъ къ себѣ. Для этого онъ посылаетъ по разнымъ мѣстамъ, въ темныя ночи, духовъ, которые принимаютъ образы людей, близкихъ тѣмъ, которыхъ они хотятъ взять. Пришедши къ дому, они начинаютъ стучаться и кричать голосами знакомыхъ, чтобы отворили дверь или ворота. Хозяева, не замѣчая обмана, выходятъ и видятъ предъ собою своихъ знакомыхъ, которые зовутъ ихъ на улицу или за городъ, говоря, что пріѣхалъ такой-то, или уѣзжаетъ и желаетъ видѣть ихъ. Люди идутъ за ними, но духи, вышедши изъ аула, схватываютъ ихъ и влекутъ въ пропасть, къ своимъ жилищамъ. Тамъ они кормятъ своихъ плѣнныхъ различными кушаньями и напитками, послѣ чего люди сходятъ съ ума и поступаютъ къ нимъ на службу, Женщины-же выходятъ замужъ за духовъ и остаются на вѣки въ подземномъ царствѣ. Разсказываютъ, что нѣкоторые мужчины возвращались изъ этого царства, но опять были уводимы. Многіе-же изъ нихъ, услыша зовъ духовъ, опоясывались кинжаломъ и выходили. Замѣтивъ обманъ, они вынимали кинжалы изъ ноженъ и водили ими вокругъ себя, послѣ чего духи разсѣивались и исчезали. Но разсудокъ этихъ людей все-таки омрачался, и они дѣлались сумасшедшими. Чаще-же всего случается то, что духи при-

ходятъ поздно, когда всѣ покоятся сномъ, и теряютъ много времени на вызовъ, на просьбы идти туда-то и туда-то. Между тѣмъ по наступленіи утра духи ничего уже не могутъ сдѣлать и оставляютъ своихъ плѣнныхъ среди дороги, откуда они возвращаются домой сумасшедшими. Я видѣлъ многихъ, которые вылѣчились отъ сумасшествія и увѣряли, что видѣли духовъ, были въ ихъ домахъ, встрѣтили женщину и пр. и пр. Постоянный образъ этихъ нечистыхъ духовъ, по увѣреніямъ бывшихъ у нихъ, представляетъ существо, похожее на человѣка и отличающееся отъ него тѣмъ, что оно имѣетъ рожки и хвостъ, затѣмъ широкія ноги и руки съ сильными пальцами, которые расположены, числомъ шесть, вѣерообразно другъ надъ другомъ, и наконецъ—кривой ротъ съ выдающимися по бокамъ кривыми клыками. На пальцахъ страшные длинные когти.

Относительно козней шаһаду еще разсказываютъ слѣдующее: въ селеніи Нуге диһ-ѣ жила одна бабка, Гегей-аа́. Однажды позднею ночью пришелъ къ ней одинъ изъ ея близкихъ родственниковъ и началъ стучаться, прося ее къ рождающей своей женѣ. Та одѣлась и пошла съ нимъ. Ночь была очень темная и она не могла сообразить, какой дорогой они шли. Наконецъ видя, что дорога затягивается, она спрашиваетъ своего проводника, куда они идутъ.

— «Къ *намъ*», говоритъ онъ: «только мы идемъ другой дорогой». Шли, шли они и наконецъ вошли въ маленькую саклю. При входѣ бабки всѣ встали съ мѣстъ и стали кругомъ около двери. Она присѣла къ лежавшей тутъ же на полу больной и начала ее осматривать. Больная начала кричать, чувствуя родильныя схватки, а всѣ, стоявшіе кругомъ, услыша это, стали бить въ ладоши и заорали пѣсню:

«Кукле сохди, мумуни, момой! Сына дашь (сдѣлаешь), будешь жить, бабка! Духделе сохдиге, мимири, момой! Дочь дашь, умрешь, бабка»! При этихъ словахъ, бабка подняла голову, посмотрѣла на окружавшихъ ее и замерла отъ страха. Всѣ были съ переставленными пальцами на рукахъ и рогами

на лбу. Тутъ она поняла, что попала къ чертямъ и начала думать о своемъ спасеніи, въ случаѣ рожденія дѣвочки. Она пошарила въ карманѣ и нашла кусокъ воска. Чрезъ нѣсколько времени больная родила дочь и бабка, сдѣлавъ при помощи воска изъ нея мальчика и показавъ имъ его, начала проситься домой. Черти упрашивали ее оставаться еще на нѣсколько дней, но бабка не согласилась. Тогда черти принесли ей цѣлый подолъ золотыхъ денегъ и провели ее до самаго ея аула. Тутъ начало разсвѣтать. Черти разсѣялись и она увидѣла въ подолѣ вмѣсто денегъ шелуху лука и чеснока. Она бросила ее и побѣжала; черти же, узнавъ, что она ихъ обманула, выдавъ дѣвочку за мальчика, во всѣ слѣдующія ночи приходили къ ней и вызывали ее. Она догадывалась объ обманѣ и не выходила. Но когда черти начали ее безпокоить каждую ночь, она положила на порогѣ двери кусокъ желѣза и прочла главную молитву евреевъ: «Внемли Израиль!...» Черти исчезли и больше не показывались. Относительно же шелухи лука, брошенной ею, разсказываютъ, что на томъ мѣстѣ дѣйствительно была кѣмъ то послѣ этого найдена золотая монета. Вотъ почему и въ настоящее время горскіе евреи не бросаютъ прямо шелухи лука и чеснока ни въ огонь, ни на улицу, боясь этимъ разгнѣвать чертей, такъ какъ это ихъ деньги, а аккуратно собираютъ ее и, поплевавъ на нее, сожигаютъ ее въ огнѣ.

«Идоръ» относится къ невидимымъ духамъ и считается властителемъ растительнаго царства. Въ честь его существуетъ праздникъ, который бываетъ предъ началомъ весны и называется «Шевъ-Идоръ», т. е. ночь Идора. Празднество состоитъ въ томъ, что каждая хозяйка собираетъ впродолженіе года всевозможные плоды и ягоды. Нѣкоторые изъ фруктовъ заботливо солятся хозяйками, другіе сушатся. Во время вечерней трапезы, когда всѣ члены семейства сидятъ кругомъ на полу, гдѣ на разостланномъ холстѣ разставлены тарелки съ кушаньями, хозяйка собственноручно приноситъ на подносѣ эти плоды и ягоды и привѣтствуетъ присутствующихъ словами пожe-

лапія здоровья и всѣхъ благъ. Самый младшій изъ сидящихъ поспѣшно встаетъ и принимаетъ со словами благодарности изъ рукъ хозяйки подносъ, который ставится торжественно между кушаньями. Хозяинъ беретъ одинъ изъ главныхъ плодовъ и произноситъ молитву, приглашая другихъ послѣдовать его примѣру. Всѣ съ усердіемъ принимаются уничтожать плоды, и хозяйка уходитъ на свою половину. Чрезъ нѣсколько минутъ подносъ пустѣетъ и присутствующіе начинаютъ просить Бога, поднявъ руки къ небу, чтобы Онъ ниспослалъ хорошій годъ и обильное плодородіе. Въ эту ночь, по повѣрію горскихъ евреевъ, всѣ деревья и травы устраиваютъ великій пиръ, на которомъ первенствующее мѣсто занимаютъ деревья, которыхъ плоды употребляются человѣкомъ въ пищу. Между деревьями дубъ считается царемъ, а виноградъ и кизилъ святыми, ибо первый живетъ дольше всѣхъ, а вторые, будучи райскими, неприкосновенны для червей. Говоря же о неприкосновенности, не надо имѣть въ виду самыя лозы винограда или кизиловыя деревья, у которыхъ, конечно, гніютъ корни, сохнутъ вѣтки, а это говорится объ ихъ плодахъ. Во время пира всѣ деревья и травы, раздѣляясь на группы по виду и роду своему, пляшутъ и поютъ на разные голоса. Къ утру, окончивъ пиръ, всѣ они съ музыкой и пѣснями отправляются къ богу плодородія, который произноситъ каждому изъ нихъ свой приговоръ, или опредѣляетъ кому сколько жить. Между ними самое печальное мѣсто занимаютъ тополи и другія неплодоносныя деревья и травы, которыя, съ тополями во главѣ, тянутся съ плачемъ и воемъ за плодносными деревьями и травами также къ богу и начинаютъ упрашивать его сдѣлать ихъ плодоносными. Богъ не соглашается, не смотря на то, что они просятъ за это укоротить даже ихъ жизнь, и всѣ отправляются обратно съ печально поникшими вершинами. Между тѣмъ остальная растительность хлопаетъ листьями, шумитъ, поетъ пѣсни и восхваляетъ бога, который идетъ впереди нихъ, чтобы дать влагу землѣ. Человѣкъ не видитъ всего этого торжества, но слышитъ особенный шумъ, всюду раздающійся въ эту ночь, къ утру.

Въ родствѣ съ «Идоромъ» находится «Земирей» *), богъ дождя, грома и молніи. Какъ только начинается дождь, дѣти надѣваютъ на изнанку верхнія платья и папаху (шапку), надѣваютъ на голову мѣшекъ, глухимъ концомъ его; и выходятъ на улицу, гдѣ они, взявшись за руки и кружась то направо, то налѣво, поютъ громко пѣсню, призывая имя «Земирея». Эта пѣснь выражаетъ молитву, въ которой дѣти обращаются къ Земирею съ просьбой послать побольше дождя и цѣлыми «батманами» (ведрами), чтобы растительность могла напиться вдоволь. Во время же засухи горскіе евреи поголовно собираются на кладбища, постятся цѣлый день и молятся Богу Отцу о ниспосланіи дождя, а дѣти, подобно предыдущему, обходятъ нѣсколько разъ кладбища и призываютъ опять Земирея. Въ это время нѣкоторыя изъ женщинъ запяты одѣваніемъ лягушекъ въ одежды изъ шелковыхъ матерій. Какъ говорятъ онѣ, Богу пріятна такая благосклонность человѣка къ низшему водяному животному, которое тоже начинаетъ просить Его о ниспосланіи дождя, такъ какъ вода необходима и этому животному. По всей вѣроятности, эти церемоніи, которыя уже постепенно выходятъ изъ обычаевъ, представляютъ остатки прежняго почитанія бога Земирея.

Въ нѣкоторыхъ мѣстечкахъ горскихъ евреевъ, какъ напр. Маджалисѣ, Нуге диһс (Янги-Кентъ) и др., молодые люди и дѣвушки въ день открытія весны идутъ въ лѣсъ искать «Шамъ-агажи» (дерево-свѣчи или ёлку) и затѣмъ ночью изъ нѣсколькихъ штукъ этихъ молодыхъ деревъ разводятъ костеръ и прыгаютъ чрезъ огонь, распѣвая слѣдующую пѣсню:

„Шамъ-агажи, бульбуль-агажи,
Имишевъ шевъ һеміяссали.
Иври кокилъ, пасулъ мото!“

„Дерево-свѣчи, дерево пѣвчихъ птичекъ,
Эта ночь—весны ночь.
Да будутъ на высотѣ евреи,
Да умрутъ враги ихъ!“

*) Слово Земирей, вѣроятно, происходитъ отъ слова зими—земля, т. е. означаетъ существо, заботящееся о плодородіи земли ниспосланіемъ дождя.

Дѣвушки же чествуютъ весну обыкновенно предъ праздникомъ Пятидесятницы и почти вездѣ одинаково слѣдующимъ образомъ: онѣ берутъ большой деревянный уполовникъ или шумовку, надѣваютъ на нихъ платье маленькой дѣвочки, завѣшиваютъ этой куклѣ, какъ невѣстѣ, лицо платкомъ, и ходятъ группами съ этими чучелами по домамъ своихъ односельцевъ собирать подарки. Тутъ хозяева дома окачиваютъ водой какъ чучело, такъ и дѣвушекъ, сопровождающихъ его, а тѣ бѣгутъ, хохочутъ и распѣваютъ хоромъ татарскую *) пѣсню:

„Гогиль-Гогиль, гунъ герекъ,
Гогиль, Гогиль (имя обращенія) намъ солнце нужно;

Тапгала бизге унъ герекъ.
Завтра намъ мука (хлѣбъ) нужна;

Турсене, гелинъ, турсене,
Встань, невѣстка, (хозяйка) встань,

Сени кардашъ боши учунъ
Ради братьевъ своихъ

Гогиль пойну берсене!“
Отдай намъ долю Гогиля!“

Отсюда и самый этотъ праздникъ называется горскими евреями «Гогиль». Вѣроятно это тоже самое божество весны, какъ и Земирей, и перешло къ евреямъ отъ татаръ, почитающихъ его.

Гудуръ-Бой и Кесенъ-Бой относятся къ божествамъ осени и зимы. Въ настоящее время почитаніе ихъ тоже почти оставлено. Но лѣтъ 10-ть тому назадъ я участвовалъ въ праздпествахъ, устраеваимыхъ юношами въ честь этихъ боговъ. Въ ноябрѣ, начиная отъ новолунія и до полнолунія, мы вставали въ часъ ночи и обходили весь аулъ до утра съ пѣснями. Насъ бывало человѣкъ двадцать въ каждой группѣ, которыя ходили по порядку чрезъ двѣ ночи. Подходя къ саклѣ горскаго еврея, одинъ изъ насъ стучался и произносилъ слово «Гудуръ-Бой». Хозяинъ или хозяйка немедленно вставали и впускали насъ всѣхъ въ саклю. Здѣсь одинъ, знающій на-

*) Такъ какъ кумыкскій языкъ или, какъ его называютъ, татарскій считается между племенами Кавказа однимъ изъ господствующихъ и популярнѣйшихъ языковъ, то и горскіе евреи стараются при торжественныхъ случаяхъ сочинять пѣсни не на своемъ родномъ, татскомъ языкѣ, а на татарскомъ. На своемъ же языкѣ у нихъ очень мало существуетъ пѣсенъ, да и тѣ всѣ выражаютъ однѣ грустныя стороны жизни.

изусть пѣсню про «Гудуръ-Бой», входилъ въ середину круга, составленнаго другими, и произносилъ громко слова: «Гудуръ,— Гудуръ,—Гудуръ-Бой», которыми начиналась пѣсня, на что другіе отвѣчали: «hоссой, Кесенъ-Бой». Такимъ образомъ продолжалось нѣніе, пока не кончатся всѣ слова пѣсни. Послѣ этого хозяйка давала намъ денегъ, мѣрку муки и кусокъ мяса, колбасы изъ баранины или курдючьяго сала. Припасы клали мы въ мѣшки, которые носили по порядку. Съ такимъ пѣніемъ ходили мы къ каждому еврею-горцу, будили его и собирали подарки: никто намъ не отказывалъ. Къ концу новолунія мы прекращали свои ночныя прогулки въ честь Гудуръ-Боя и устраивали праздникъ, на который рѣдко не приходили большіе. На деньги, собранныя отъ продажи лишнихъ припасовъ, мы покупали свѣжаго мяса, фруктовъ, вина, крупы для плова (каши), а кушанье варили намъ двѣ женщины, выбираемыя каждый годъ нами по очереди изъ своихъ матерей. Деньги же, полученныя отъ хозяевъ во время нашихъ посѣщеній, мы раздавали бѣднымъ. Обычай этотъ продолжался, какъ узналъ я, почти до послѣднихъ годовъ. Смыслъ пѣсни представляетъ очень мало интереснаго, такъ какъ почти во всѣхъ мѣстахъ восхваляются не сами Гудуръ-Бой и Кесенъ-Бой, которые шли однажды во время выюги другъ противъ друга и привѣтствовали другъ друга, а хозяинъ, отъ котораго ждутъ полученія подарка. Запѣваломъ нѣсколько разъ произносится имя хозяина, послѣ чего другіе по прежнему поютъ: «hоссой, Кесенъ-Бой!»

Не менѣе интереса представляетъ, какъ остатокъ язычества, также и другое справленіе праздника весны нѣкоторыми горскими евреями. Въ городѣ Кубѣ и теперь предъ наступленіемъ весны собираются всѣ дѣвушки и отправляются въ лѣсъ. Тутъ онѣ гадаютъ, собирая извѣстные цвѣты: подснѣжники, фіалки и другіе, и дѣлая изъ нихъ себѣ вѣнки. Затѣмъ предъ возвращеніемъ домой опѣ собираютъ цѣлую кучу хворосту, щепокъ и тащатъ се въ городъ сообща съ парнями, являющимися къ нимъ вечеромъ. Это сопровождается всевозможными

увеселительными пѣснями и плясками. Принесенная ими куча сучьевъ зажигается вечеромъ, и парни прыгаютъ чрезъ высоко пылающій костеръ. Въ другихъ мѣстахъ то же самое дѣлаютъ подъ русскую Пасху; тутъ ужъ повѣріе имѣетъ чисто характеръ іудейства, именно полагаютъ, что духъ Іисуса Христа витаетъ въ эту ночь надъ всѣмъ міромъ и грозитъ евреямъ бѣдой и несчастіемъ. Костеръ разводится съ цѣлью отдалить его отъ еврейскихъ жилищъ. Потому въ рѣдкомъ изъ ауловъ горскихъ евреевъ нельзя видѣть, въ ночь подъ Свѣтлое Воскресенье, разведенныхъ повсюду костровъ. Городскіе горскіе евреи совсѣмъ не знаютъ этихъ обычаевъ.

При справленіи горскими евреями нѣкоторыхъ праздниковъ, установленныхъ іудейской религіей, также видимъ остатки прежняго язычества. Въ ночь подъ 7-й день праздника «Кущей», называемую «Араво» и проводимую горскими евреями въ синагогахъ и молитвенныхъ домахъ за чтеніемъ псалмовъ Давида, дѣвушки собираются и, сдѣлавъ межъ собой складчину, проводятъ время до утра съ пляской и пѣснями. При этомъ онѣ нѣсколько разъ садятся ужинать, смѣются и предаются разнымъ дѣвичьимъ играмъ и гаданіямъ о суженыхъ. Для довершенія веселья къ нимъ являются юноши и начинаютъ состязаться съ ними въ искусствѣ находить отвѣты на пѣсни, заключающія въ себѣ вопросы. По мнѣнію горскихъ евреевъ, въ эту ночь рѣшается судьба человѣка и опредѣляется свыше, быть ли ему бѣднымъ или богатымъ, жить или умереть до будущаго года и какою смертью. Но особенность этого праздника состоитъ въ томъ, что, по мнѣнію горскихъ евреевъ, воды рѣкъ къ двѣнадцати часамъ ночи перестаютъ на одно мгновеніе течь и потомъ начинаютъ шумѣть и пѣниться. Кто чего ни попроситъ въ этотъ моментъ у Бога, все сбывается. Разсказываютъ, что одна женщина жила въ высокомъ домѣ, изъ котораго на рѣку выходило окно. Въ ночь «Араво» она высунула голову изъ окна и смотрѣла на рѣку, которая должна была перестать течь около 12 часовъ. Вдругъ остановилось теченіе, рѣка запѣнилась, зашумѣла и изъ устъ женщины

вышли невольно слова: «Господи! сдѣлай голову мою великой!» — Что же? Голова ея сдѣлалась до того большою, что она не могла вынуть ея изъ окна и начала звать на помощь. Только что прибѣжали домашніе, какъ голова перевѣсила туловище, и женщина упала въ рѣку, гдѣ ея уже не нашли.

Остальные праздники справляются горскими евреями такъ же, какъ и русскими евреями, но съ нѣкоторыми особенностями, свойственными образу ихъ жизни. Главные праздники— Пасха и праздникъ Мардохея и Эсѳири. Къ этимъ праздникамъ готовятся евреи два, три мѣсяца. Особенно много хлопотъ причиняютъ праздники женщинамъ, которыя сперва, сидя днемъ и ночью, не заботясь о снѣ, шьютъ всѣмъ домашнимъ и себѣ новыя платья, а затѣмъ принимаются за смазку и чистку комнатъ и дворовъ. Недѣли за три до праздника, куда ни идешь, вездѣ видишь женщинъ и дѣвушекъ, которыя то мажутъ полы, стѣны глиной, то бѣлятъ ихъ, то чистятъ посуду: словомъ, всюду кипитъ работа! Только что насталъ праздникъ, какъ уже всѣ, — начиная съ мужчинъ и мальчиковъ, которые спѣшатъ въ синагогу, и кончая женщинами и дѣвушками, которыя приготовляютъ столъ до прихода мужчинъ, — нарядились или въ новыя, или въ чистыя платья. Препровожденіе праздниковъ состоитъ исключительно въ молитвѣ и ѣдѣ. Съ наступленіемъ праздника для каждаго члена семьи наступаетъ особенная жизнь, особенное препровожденіе времени, въ которомъ никто изъ нихъ не долженъ мѣшать другимъ, но однакожъ съ соблюденіемъ возложенной на каждаго изъ нихъ обязанности. Утромъ мужчины идутъ въ синагогу, а женщины остаются дома, чтобъ убрать комнаты и приготовить обѣдъ, состоящій изъ нѣсколькихъ (отъ 5 до 6, 7) блюдъ. Мужчины, старше 15 лѣтъ, по выходѣ изъ синагоги прямо отправляются или къ своимъ старшимъ родственникамъ поздравить съ праздникомъ, причемъ имъ подается рюмка водки или стаканъ вина съ маленькой закуской, или къ носящимъ трауръ, чтобы утѣшить ихъ и высказать пожеланіе, чтобы они болѣе не видали такихъ несчастій. Приходя

въ гости, они садятся по старшинству и занимаются разговорами, а молодые, не женатые, стоятъ у двери и слушаютъ. Чрезъ каждые полчаса одна группа выходитъ отъ хозяевъ, а другая приходитъ. И это продолжается часа два, три у каждаго горца-еврея, лишившагося не задолго предъ тѣмъ одного изъ близкихъ, хотя бы тотъ не имѣлъ въ аулѣ или городѣ ни одного родственника и даже знакомаго. Отдавъ этотъ долгъ, мужчины отправляются въ семейства другъ друга, гдѣ ихъ встрѣчаютъ одинъ изъ младшихъ членовъ семьи и приводитъ въ кунацкую комнату къ столу, на которомъ разставлены закуски и напитки доброй и акуратной хозяйкой дома. Если пришедшіе близкіе пріятели мужа ихъ родственники, то хозяйка выходитъ изъ своей половины, подходитъ къ нимъ и, взявъ за протянутыя руки, поздравляетъ ихъ, высказываетъ свои пожеланія и благодарность за посѣщеніе. Дѣвушки гостямъ вовсе не показываются. Тоже самое происходитъ въ этотъ день и во всѣхъ еврейскихъ домахъ. Наконецъ, около 2—3 часовъ по полудни, мужья возвращаются домой обѣдать, или посылаютъ кого-либо сказать, что остались обѣдать тамъ-то, послѣ чего жена отправляетъ мужу кушанья въ тарелкахъ, покрытыхъ платками, или несетъ сама, если одна дома. Этимъ кончается обязанность жены и она, пообѣдавъ съ дѣтьми, бѣжитъ дѣлать свои визиты; точно также дѣти и дѣвушки. Женщины собираются у носящихъ трауръ и проводятъ тамъ время до вечера. Дѣвушки собираются также у одной изъ подругъ и проводятъ праздничный день въ танцахъ, въ веселыхъ бесѣдахъ и пѣсняхъ. Два раза въ году, на праздники «Пасхи и Мардохея и Эсѳири Пуримъ», которые называются у насъ «Писону и Ѣому», дѣти встаютъ рано утромъ и ходятъ поздравлять съ «новымъ годомъ» по домамъ, гдѣ имъ даютъ по состоянію орѣховъ, яблоковъ или по одному яйцу, а невѣсты или невѣстки ихъ братьетъ и родственниковъ—по красному яйцу и по пятаку денегъ. День предъ праздникомъ «Ѣому» называется постомъ Эсѳири, и горскіе евреи постятся до 9, 10 часовъ ночи, пока не придутъ изъ синагоги.

Въ эту ночь женщины заботятся о приготовленіи «альвы» изъ муки или орѣховъ, перемѣшанныхъ съ масломъ и медомъ. Въ это время юноши взбираются на плоскія крыши домовъ и смотрятъвъ трубы, чтобы узнать, находится-ли сковорода или котелъ на трепожкѣ. Какъ только хозяйка сняла котелъ, одинъ изъ нихъ кричитъ «Гоя́» и опускаетъ въ трубу на веревкѣ деревянную чашку съ двумя ушками. Сигналъ «Гоя» дается для того, чтобы предупредить хозяйку и чтобы сажа не упала въ котелъ. Опустивъ чашку, куда юноша кладетъ яйцо, и притягивая ее кверху другимъ концемъ веревки, который находится въ его рукѣ, онъ измѣняетъ голосъ и начинаетъ безпрестанно кричать: «Гоя́, Гоя́», что означаетъ: «яйца́, яйца́». Хозяйка пытается вытащить находящееся въ чашкѣ, чтобы пошутить надъ юношей, а опытный юноша не поддается ея уловкамъ и все кричитъ «Гоя́-гоя́», то опуская совсѣмъ чашку, то сразу поднимая ее. Послѣ долгой возни, хозяйка кладетъ въ чашку яйцо и юноша, крикнувъ уже своимъ голосомъ и сказавъ фамилію, идетъ къ слѣдующей трубѣ. Нѣкоторые же изъ неопытныхъ юношей поддаются хитростямъ хозяекъ, которыя желаютъ узнать, кто онъ, и поднявъ свою отяжелѣвшую чашку, находятъ въ ней, вмѣсто своего яйца, тяжелый камень или золу съ огня. Юноша вторично опускаетъ, опять такая же шутка; въ третій тоже. Онъ выходитъ изъ себя и начинаетъ кричать поддѣльнымъ, а потомъ своимъ голосомъ и требовать хоть своего яйца. Его узнаютъ и, если къ комнатѣ были дѣвушки, то до его ушей доходятъ разныя остроты и «смѣхъ рѣзвыхъ плутовокъ», какъ говорятъ о своей неудачѣ юноши. Приготовленная «альва» кладется хозяйкой кругами на нѣсколько хлѣбовъ, которые на слѣдующій день отправляютъ съ дѣтьми къ знакомымъ «въ знакъ памяти». Каждая хозяйка дѣлаетъ такимъ образомъ и взамѣнъ своихъ получаетъ отъ другихъ сосѣдокъ и подругъ также по хлѣбу, смазанному альвой. Такъ проводятъ горскіе евреи первые дни своихъ праздниковъ. Самое же веселье начинается для нихъ въ слѣдующіе дня. Тутъ каждый, по возрасту, присоединя-

ется къ особой группѣ и занимается приглашеніемъ къ себѣ въ гости. Гуляпья эти называются «гезме» (обходъ). Когда отецъ пируетъ со своими пріятелями и товарищами у себя дома, сыновья и дочери его гуляютъ со своими сверстниками въ другихъ домахъ. Когда же отецъ гуляетъ у своихъ друзей, то дѣти, по старшинству, занимаются угощеніемъ каждый своей партіи. Освободившись отъ мужа и дѣтей и отпустивъ ихъ по другимъ, жена въ свою очередь также пристаетъ къ какой нибудь группѣ и проводитъ съ нею время. Такимъ образомъ, каждое семейство впродолженіе праздника принимаетъ радушно почти весь аулъ, угощаетъ его и отпускаетъ съ пожеланіемъ «встрѣтить и будущій годъ съ такимъ же весельемъ и радостью». Гулянья старшихъ не отличаются никакими особенностями, кромѣ того, что они ѣдятъ и пьютъ до тѣхъ поръ, что не могутъ встать съ мѣста, и на мѣстѣ же пиршества валятся и спятъ блаженнымъ сномъ. Женщины также очень мало въ этомъ уступаютъ мужчинамъ. Но молодежь предается не пьянству, а танцамъ и пѣснямъ, между которыми бываютъ большіе перерывы, назначенные для закусыванія. Необходимою принадлежностью каждой группы считаются «Накире-Зурпай» (національный музыкальный инструментъ, состоящій изъ зурны и барабана) и «Мàаничи» (пѣвецъ). Сопровождаемая музыкой, играющей «ёрденъ-куи» (плясовую), молодежь, имѣя во главѣ своихъ шаховъ, визирей и хаджи (сенаторы и судьи), переходитъ изъ дома въ домъ, собирая дань, состоящую изъ десятка, пятка яицъ, мѣрки крупы и куска мяса, и наконецъ вся партія останавливается у одного изъ гуляющихъ. Тутъ моментально являются дѣвушки, которыя по очереди выходятъ танцовать съ молодыми людьми лезгинку. Если же нѣтъ дѣвушекъ и онѣ на своихъ гуляньяхъ, то дѣвушку замѣняетъ одинъ кавалеръ, взявъ въ руки большіе платки, означающіе длинные и широкіе рукава женской одежды. Во время антрактовъ пѣвцы подъ звуки своей балалайки поютъ заунывнымъ голосомъ какую нибудь горскую поэму на лезгинскомъ языкѣ. Дѣвушки веселятся точно также, но только

безъ музыки и пѣвцовъ и въ тѣсныхъ предѣлахъ приличія, соблюденіе котораго требуется подъ страхомъ наказанія отъ каждой горской дѣвушки. Наказать же ее можетъ не только отецъ, но и братья. Послѣдніе играютъ главную роль при выдаваніи дѣвушки замужъ. Они, противъ воли всѣхъ, могутъ выдать или нѣтъ свою сестру за сватающаго ее жениха, даже не спрашивая позволенія ни у отца, ни у матери, ни у сестры.

Не говоря уже о европейскомъ образованіи, на которое горскіе евреи смотрятъ крайне непріязненно, даже и іудейское проникло въ общество въ самыхъ ничтожныхъ размѣрахъ. Причиной непріязненнаго взгляда горскихъ евреевъ на европейское образованіе является фанатизмъ, доведшій ихъ до крайняго невѣжества, и опасеніе, чтобы дѣти ихъ не дѣлались «машумадами» или отступниками, какими они считаютъ русскихъ евреевъ. Нѣкоторые аулы имѣютъ только двухъ, трехъ грамотныхъ, на обязанности которыхъ лежатъ всѣ письменныя дѣла цѣлаго аула. Большинство евреевъ не умѣетъ не только написать, но даже и прочесть двухъ словъ священнаго писанія и молитвъ. Лѣтъ десять, пятнадцать тому назадъ грамотныхъ совсѣмъ не было между горскими евреями, и рѣдко кто изъ нихъ зналъ или имѣлъ понятіе объ обрядахъ своей религіи. Только съ покореніемъ Россіею Кавказа горскіе евреи, по примѣру русскихъ евреевъ, начали отдавать своихъ дѣтей въ ученье, и число грамотныхъ немного повысилось. Подъ рубрикой «грамотныхъ» въ моихъ статистическихъ свѣдѣніяхъ сказано: въ аулахъ 557, въ городахъ 767 и всѣхъ 1324. Изъ этихъ данныхъ видимъ, что на 4090 дымовъ или на 21,129 душъ приходится только 1324 грамотныхъ, что составляетъ 6,26% т. е., почти на 16 человѣкъ 1 грамотный. Относительныя же числа грамотныхъ выражаются слѣдующимъ образомъ: 1 грамотный приходится въ аулахъ, по дымамъ на 21,53 дыма, въ городахъ на 5,08 дыма и вообще на 13,30 дыма. По душамъ: въ аулахъ—5,55% гор.—6,91% и вообще 6,23%; изъ этихъ чиселъ мы видимъ, что число гра-

мотныхъ въ городахъ гораздо больше, чѣмъ въ аулахъ, даже и противъ общаго числа. Число учащихся грамотѣ въ настоящее время доходитъ (въ низшихъ училищахъ) до 950 и составляетъ приблизительно 0,05% или одинъ ученикъ на 3,25 дыма или 22,24 душъ. Число же учащихся въ высшихъ заведеніяхъ для полученія диплома рабби (раввина) составляетъ меньше 1% по отношенію къ мужчинамъ и дѣтямъ мужскаго пола; но бо̀льшаго требовать, судя по матеріальному положенію горскихъ евреевъ, и невозможно. Большинство ихъ, не имѣя ни собственной земли, ни домашняго скота, ни даже убогой сакли, принуждены наниматься на разныя работы, которыя далеко не вознаграждаютъ потраченныхъ трудовъ ихъ, и въ тоже время заботиться о воспитаніи дѣтей и о школахъ. Мало того, сажая ребятъ за книги, они лишаются помощниковъ, необходимыхъ рабочихъ рукъ въ семействѣ. Не меньшей помѣхой для полученія дѣтьми образованія служатъ и самыя школы съ ихъ обстановкой. Притомъ и сами учителя, подъ руководствомъ которыхъ дѣти должны обучаться грамотѣ, совсѣмъ не подготовлены къ своей обязанности и не менѣе учениковъ нуждаются въ образованіи. Научившись маломальски переводить Талмудъ на свой Татскій языкъ подъ руководствомъ своихъ рабби, ученики эти изучаютъ обряды обрѣзанія и богослуженія, чѣмъ и обусловливается полученіе свидѣтельства на званіе раввина, рѣзника и учителя. Вотъ эти то ученые, которые,—какъ я сказалъ,—едва, едва объясняются по древне-еврейски и съ трудомъ понимаютъ Библію, берутся за просвѣщеніе молодыхъ умовъ и воображаютъ, что они открываютъ имъ Богъ знаетъ какую премудрость. Училища дѣлятся на два разряда—высшія и низшія. Какъ тѣ, такъ и другія содержатся раввинами и не зависятъ отъ обществъ. Но преподаваніемъ въ высшихъ училищахъ занимаются тѣ, которые получили нѣкоторое солидное образованіе или на родинѣ, или въ Россіи и извѣстны всѣмъ своею ученостью. Такихъ раввиновъ считается на всемъ Кавказѣ только пять-шесть, и двое изъ нихъ называются главными раввинами.

Они поставлены правительствомъ, и въ вѣдѣніи одного находится Сѣверный Дагестанъ, Бакинская губ. и Закавказье, а другаго—Южный Дагестанъ и Терская область. Кромѣ обязанностей, возложенныхъ на *рабби* правительствомъ и состоящихъ въ переписи народонаселенія и въ выдачѣ метрическихъ свидѣтельствъ, они исполняютъ роль духовныхъ судей, т. е., рѣшаютъ семейныя тяжбы, выдаютъ разводы, говорятъ проповѣди на большихъ праздникахъ въ синагогѣ. Они же открываютъ высшія училища. Высшихъ училищъ насчитывается на всемъ Кавказѣ пять съ 50-ю учащимися во всѣхъ, и два изъ нихъ содержатся главными раввинами, людьми считающимися довольно образованными, знающими хорошо ученіе талмуда, законы и обряды іудейской религіи, и знакомыми даже съ еврейской литературой. Одинъ изъ нихъ Яковъ Ицхаковичъ Дербентскій, считающійся горскими евреями за благочестивѣйшаго, получилъ образованіе подъ руководствомъ своего отца и сдѣлался вскорѣ послѣ его смерти пастыремъ своего народа. Другой, Хазкель Абрамовичъ Мушаиловъ, занявшій мѣсто моего отца года четыре пять тому назадъ, воспитывался въ Россіи, у русскихъ евреевъ, и также знаетъ порядочно русскую грамоту. Остальные-же раввины или очень плохо знаютъ еврейскія науки, или ничего въ нихъ не смыслятъ, заботясь только объ искусствѣ рѣзать скотину такъ, чтобы она не сдѣлалась «трефной», и тѣмъ пріобрѣсти уваженіе и расположеніе своихъ односельцевъ. Если къ этому прибавить богослуженіе, которое совершаетъ тотъ-же рѣзникъ своимъ, пріятнымъ для слуха горскихъ евреевъ, монотоннымъ голосомъ, распѣвая каждую молитву на особые лады, то онъ царь въ селѣ своемъ, и положеніе его вполнѣ обезпечено: всѣ довольны имъ и считаютъ его за ученаго. Подобные субъекты занимаются преподаваніемъ въ низшихъ училищахъ, которыя они также открываютъ на свой счетъ. Какъ низшія, такъ и высшія училища помѣщаются обыкновенно или при синагогахъ, или въ домахъ раввиновъ. Для того, чтобы дать нѣкоторое понятіе объ училищахъ горскихъ евреевъ, я опи-

шу обстановку и методу преподаванія въ одномъ училищѣ, гдѣ я провелъ свое дѣтство, и которое считалось высшимъ учебнымъ заведеніемъ. Въ это училище пріѣзжали со всѣхъ концевъ Кавказа, чтобы получить раввинское свидѣтельство, которое выдавалось ученикамъ по истеченіи четырехъ лѣтъ. Училище состояло изъ одной большой комнаты, довольно свѣтлой и съ окнами въ европейскомъ вкусѣ. Возлѣ четырехъ стѣнъ стояли длинные, въ родѣ скамеекъ, низенькіе столы, за которыми на полу, поджавъ ноги подъ себя, сидѣли ученики; на первомъ мѣстѣ «кунъ-зеверъ» (высшій уголъ), т. е. у противоположной отъ двери стѣны, стоялъ четырехъ-угольный столикъ, за которымъ на пуховой подушкѣ сидѣлъ раббн; на правой стѣнѣ помѣщались полки, на которыхъ красовались въ кожаныхъ переплетахъ священныя книги громадныхъ размѣровъ; полки эти, окруженныя карнизомъ и закрытыя спереди стеклянными дверьми, представляли родъ шкафа и считались священнымъ мѣстомъ, назначеннымъ только для книгъ духовнаго содержанія, такъ какъ для свѣтскихъ книгъ былъ рядомъ маленькій шкафчикъ. Книгами духовными считались: Пятикнижіе Моисея, писанія пророковъ, талмудъ и другія, а свѣтскими—книги общеобразовательнаго содержанія, какъ напр.: физика, химія, космографія, романы, повѣсти, рѣчи и пр., переведенныя на древнееврейскій языкъ. Весь полъ былъ устланъ персидскими коврами. Всѣхъ учениковъ было въ училищѣ около 45, изъ которыхъ человѣкъ десять были маленькіе-азбучники, а остальные—большіе съ бородой—библейцы и талмудисты, т. е., тѣ которые изучали библію и талмудъ. Они дѣлились на нѣсколько группъ, человѣкъ по восьми, десяти въ каждой, которыя учились по отдѣльнымъ книгамъ, различающимся по степени ихъ трудности; курсъ начинался, не считая азбуки, складовъ и чтенія, переводомъ первой книги Моисея, «Бытія», затѣмъ проходили «Исходъ» и еще остальныя три книги. Это былъ первый курсъ и назывался «Мугра» (простое чтеніе и переводъ). Послѣ книгъ Моисея начиналось «Писаніе пророковъ» или,

какъ оно называлось «Бистъ-чоръ» (24) и «Мишне», которыя составляли второй курсъ. Наконецъ, проходилось нѣсколько книгъ «талмуда» и двѣ-три книги свѣтскаго содержанія, что составляло 3-й курсъ. Тѣ, которые имѣли желаніе получить раввинскій дипломъ, учились еще одинъ годъ и проходили за это время законы рѣзанія скотины, анатомированіе животныхъ и обряды богослуженія. По окончаніи каждаго курса упомянутыя группы приглашали въ гости своего учителя съ нѣсколькими стариками и давали обѣдъ. Тутъ родители учениковъ благодарили рабби за труды и дарили его деньгами или новымъ платьемъ. По окончаніи же полнаго курса учениками, рабби приглашалъ изъ другихъ мѣстъ ученыхъ и назначалъ экзамены, которые назывались «досдуръ». Экзамены производились слѣдующимъ образомъ. Въ училищѣ, откуда убирали скамейки, сидѣли старики-ученые на подушкахъ, начиная съ раввина отъ перваго мѣста, кругомъ около стѣнъ и нѣкоторые изъ мірянъ, пришедшихъ слушать, а кончающіе курсъ располагались по обѣимъ сторонамъ двери. Предъ рабби стоялъ его столъ, на которомъ была навалена груда книгъ. Ученики вызывались по очереди и садились около рабби, лицомъ къ ученымъ экзаминаторамъ, рабби открывалъ какое либо толкованіе изъ Талмуда и другихъ книгъ и заставлялъ переводить и разъяснять смыслъ каждаго толкованія. При этомъ каждый изъ присутствующихъ экзаминаторовъ предлагалъ вопросы и спрашивалъ, на основаніи какого текста изъ Библіи составлено такое-то толкованіе, кѣмъ и какъ, и гдѣ найти тексты. Ученикъ долженъ былъ сказать эти тексты по древне-еврейски и сразу указать ихъ мѣсто въ книгахъ; затѣмъ спрашивали его о правилахъ точить, править ножи, которыми должно рѣзать различныхъ животныхъ и какого они должны быть размѣра въ вершкахъ по роду употребленія и, наконецъ, какъ рѣзать и какія молитвы произносить при этомъ. Послѣ того спрашивали анатомію животныхъ, какіе жилы и нервы въ какихъ органахъ, гдѣ ихъ искать и какъ вынуть изъ годнаго мяса

и при какихъ поврежденіяхъ легкихъ и костей мясо считается («holol») «коширнымъ» (годнымъ) или (harüm) «трефъ» (негоднымъ). Эти два отдѣла—правила ножей и законы о годности и негодности мяса—составляютъ самую трудную и серьезную часть экзамена. На слѣдующій день производилась повѣрка на практикѣ. Ученики точили ножи и рѣзали каждый по курицѣ, по барану и по одной коровѣ. Тѣ изъ нихъ, которые нехорошо владѣли ножами, оставались безусловно еще на годъ. Изъ самаго требованія на экзаменахъ видно, что будущіе пастыри выходили не болѣе, какъ ремесленниками и полными невѣждами. Послѣ экзаменовъ приглашались раввиномъ всѣ мужчины, и давался торжественный ужинъ въ честь кончившихъ курсъ.

Не менѣе интересно самое ученіе въ училищахъ и обхожденіе раввина со своими учениками. Для этого опять представлю училище того же рабби, которое оставило во мнѣ самое тягостное воспоминаніе. Ученики должны были быть въ сборѣ около 8 часовъ, а въ 9, совершивъ свою утренную молитву и завтракъ, являлся рабби. Забота объ уборкѣ училища или содержаніи его въ чистотѣ лежала или на женѣ и дочеряхъ рабби, или на маленькихъ ученикахъ; прислуги небыло вовсе, потому что содержаніе училища, какъ говорилъ рабби, стоило ему очень дорого, и грошовая плата за учениковъ едва покрывала расходы. Ужасно бывало жалко смотрѣть на жену рабби и дочь, которыя, вставая ежедневно рано утромъ, выносили ковры, подметали полъ, топили печь и носили на спинѣ изъ далекаго фонтана воду, дѣлая каждая по пяти, шести разъ въ день это путешествіе и не смотря ни на какую погоду. Подметать училище и убирать его лежало на обязанности учениковъ, какъ условливался рабби при поступленіи ихъ въ школу, но ученики приходили нарочно поздно, и училище часто оставалось не убраннымъ. Рабби горячился, выходилъ изъ себя и бросался съ кнутомъ попеременно то на младшихъ учениковъ, то на жену свою съ дочерьми, нерѣдко послѣднихъ избивалъ до

того, что онѣ по цѣлымъ недѣлямъ не могли показываться отъ синяковъ. Замѣтьте—такія варварскія наказанія претерпѣвали жена и дочь главнаго раввина, человѣка ученаго и почти единственнаго по своему завидному положенію между евреями горцами! Но иногда бывало жалко и самого рабби, который съ утра до поздней ночи бѣгалъ по служебнымъ дѣламъ общества, принималъ того, другого, третьяго по разнымъ семейнымъ неурядицамъ, выдавалъ разводы, бѣгалъ къ умирающимъ и наконецъ занимался съ 45-ю учениками. Часто ему приходилось не обѣдать и не почевать дома. Помощника не было, и онъ одинъ тянулъ лямку и выбивался изъ силъ. Помимо всего этого, его страшно огорчали ученики невзносомъ платы за ученіе. Расходы шли ежедневно, а прихода не было. Отъ общества-же получалъ онъ 600 руб. въ годъ, которые тоже едва хватали на содержаніе семьи и училища. Придя въ училище, ученики садились по мѣстамъ, начиная отъ рабби старшими и кончая около двери младшими, такъ что середина комнаты оставалась пустою. Занятія начинались такъ: по приглашенію рабби, группа старшихъ садилась кругомъ стола, а остальные начинали повторять громко свои уроки. Въ рукѣ рабби находился постоянно на готовѣ длинный прутъ, которымъ угощалъ онъ, не вставая съ мѣста и протягивая только руку, младшихъ учениковъ, перестающихъ читать громко уроки. Почувствовавъ боль на спинѣ, они поднимали отчаянные вопли и крики, между которыми иногда неясно слышалось чтеніе какого либо мѣста изъ ихъ урока, начинали изо всей силы качать головами, сгибая и разгибая все туловище, чтобы показать свое усердіе. Крики ихъ бывали до того громки, что за двѣ, за три улицы можно было ихъ слышать. Изъ сидящихъ вокругъ стола рабби—одинъ начиналъ кивать головой и читать урокъ по книгѣ, а другіе слушать. Послѣ этого начиналъ второй и тоже переводилъ съ древне-еврейскаго на горскій языкъ. Иногда рабби останавливалъ ихъ и растолковывалъ непонятныя мѣста. Если-же ученикъ плохо зналъ урокъ, то борода

ученика тоже не спасала его отъ наказанія: съ быстротой молніи ему наносилась пощечина, а иногда и удары нагайки. Послѣ этого начиналось задаваніе урока. Ученики слушали со вниманіемъ, а рабби читалъ, переводилъ и объяснялъ толкованія. Окончивъ урокъ, онъ заставлялъ повторить одного способнѣйшаго, и потомъ по очереди другихъ. Затѣмъ приходила другая группа, третья и занятія продолжались до обѣда. Обѣдать отпускалъ онъ на два часа и какъ разъ въ 12 часовъ. Въ два часа опять всѣ должны были быть въ сборѣ. Но ходили обѣдать большею частью только старшіе ученики, а младшіе ѣли кусокъ хлѣба съ говядиной или сыромъ, и плоды, принесенные ими утромъ. Зимою, въ дурную погоду, рабби вовсе не выпускалъ учениковъ изъ училища, чтобы они не приходили съ грязными ногами. Понятно, такой непосильный трудъ и сидѣніе въ теченіе всего дня на одномъ мѣстѣ выводили изъ себя маленькихъ дѣтей, которымъ училище не представляло ничего кромѣ скуки и истязанія. Тѣ, которые готовились къ званію раввина или рѣзника, спокойно переносили трудности школьной жизни, но мальчики, которыхъ не занимала никакая будущность, тяготились этими порядками и побоями и, разъ убѣжавши изъ школы, ни зачто не хотѣли вернуться въ нее вторично. Подобная жизнь, если не хуже, ждала учениковъ и въ низшихъ училищахъ. Тамъ они исполняли обязанности и школьной прислуги, и учениковъ. Въ отсутствіи рабби, что̀ бывало очень часто, на его мѣсто садился одинъ изъ старшихъ учениковъ и исполнялъ роль учителя. За незнаніе урока или за̀ какую нибудь шалость онъ наказывалъ маленькихъ еще хуже, чѣмъ рабби; поэтому въ отсутствіе рабби въ классѣ не бывало ни одного маленькаго, за что имъ, конечно, очень строго доставалось какъ отъ рабби, такъ и отъ ихъ родителей. Однажды жена рабби заболѣла, и дочь гостила у дяди, въ другомъ аулѣ; вмѣстѣ съ этимъ начались въ училищѣ различныя безпорядки; оно оставалось по три дня не подметеннымъ, не топленнымъ, и ученики терпѣли отъ жажды. Дня два, три рабби

заставлялъ насъ, маленькихъ, слѣдить за нуждами училища и исполнять ихъ, но чрезъ нѣсколько дней мы вовсе перестали ходить, говоря, что насъ заставляютъ работать для старшихъ. Послѣ этого рабби прочиталъ нотацію старшимъ и, когда одинъ изъ нихъ отвѣтилъ довольно дерзко, то рабби далъ ему пощечину; ученикъ, долго не думая, отвѣтилъ ему тѣмъ же, и началась драка между учителемъ и ученикомъ... Это было причиной закрытія училища. Другого исхода не было. Получая отъ маленькихъ по 2 руб. 40 коп. въ годъ, а отъ большихъ по 8, 10 руб., рабби собиралъ всего около 200 руб., на которые долженъ былъ покупать скамейки, напимать училище, топить его, доставлять воду для 45 человѣкъ, напимать еженедѣльно женщину для мытья половъ и пр. и пр. Согласитесь, что не мыслимо сдѣлать все это на 200 р., не считая тутъ и труда надъ учениками. Отъ этого рѣдко какое училище держится болѣе 5, 6 лѣтъ и наконецъ закрывается. Это относится къ высшимъ, а о низшихъ нечего и говорить, потому что они открываются рѣзниками, большею частью не имѣющими совѣсти и угнетающими дѣтей, а такіе учителя мѣняются ежегодно и кочуютъ изъ аулы въ аулъ. Не смотря на печальное положеніе училищъ, общества не принимаютъ въ нихъ никакого участія. Можетъ быть, они были бы готовы содержать училища, но видно не хватаетъ на это средствъ. Вотъ главныя причины жалкаго состоянія образованія между горскими евреями и упадка духовнаго развитія народа. Между тѣмъ, мы видимъ въ этомъ народѣ истинное желаніе получить образованіе, и каждый отецъ дастъ послѣднюю трудовую копѣйку, чтобы сынъ его сдѣлался грамотнымъ. Это мы видимъ, во 1-хъ, изъ сравненія статистическихъ данныхъ о числѣ грамотныхъ у путешественника по Кавказу Іуды Чернаго за 12, 15 лѣтъ тому назадъ, съ числомъ грамотныхъ между горскими евреями въ настоящее время. У Чернаго говорится, что въ Дербентѣ найдется около 20 человѣкъ, знающихъ немного еврейскую грамоту, а теперь находимъ ихъ около 120 человѣкъ; въ Арагѣ 8 — теперь при-

близительно 55,—въ Кубѣ 30—теперь 460, такъ что среднимъ числомъ выходитъ въ каждомъ мѣстѣ почти въ 10 разъ болѣе прежняго. Во вторыхъ, сравнивая стремленіе къ грамотности у горцевъ евреевъ и горцевъ мусульманъ, мы замѣтимъ, что оно у первыхъ почти въ 3 раза больше, пропорціонально дымамъ и душамъ въ аулахъ. Такъ напримѣръ, въ Кюринскомъ и Кайтако-Табасаранскомъ округахъ мы находимъ у мусульманъ:

	дымовъ	душъ	молла	училищъ	учениковъ
Въ Маджалисѣ.	177	786	1	1	5
Въ Рукелѣ.	211	1014	1	1	10
Въ Мугатырѣ	125	681	2	1	9
Въ Гемейдѣ	122	691	2	2	12
Янги-Кентѣ	144	721	2	1	5
Въ Нитюгѣ.	25	140	1	—	—
Въ Аглаби.	9	30	1	—	—
Въ Хапгалъ Кала . . .	18	79	1	—	5
Въ Арагѣ	83	395	1	—	10
Въ Карчагѣ	79	493	1	—	20
Въ Мюджи (Бак. губ.). .	45	439	1	—	—
Въ Варташенѣ (Елиз.г.).	42	233	1	1	10
Итого. . . .	1080	5702	15	7	86

Тѣ же аулы даютъ для горскихъ евреевъ:

дымовъ	душъ	молла	училищъ	учениковъ
898	5414	20	15	201

Изъ этихъ чиселъ мы видимъ, что, составляя въ тѣхъ же аулахъ гораздо больше количество населенія, татары имѣютъ меньше на 5 учителей, на 8 училищъ и на 115 учениковъ; или иначе:

1 училище приходится { у татаръ—на 154,3 дыма / у горскихъ евреевъ на 59,86 дыма

1 ученикъ { у татаръ на 12,55 дыма / у горскихъ евреевъ—4,46

1 ученикъ по числу душъ { у татаръ на 100—1,5 / у горскихъ евреевъ на 100—3,72

Говоря о грамотности, слѣдуетъ замѣтить, что подъ грамотностью разумѣется у евресвъ только умѣнье читать молитвы и писать письма. Читаютъ горскіе евреи тоже не такъ, какъ русскіе или европейскіе, отчего послѣдніе очень мало понимаютъ, присутствуя на ихъ богослуженіи. Это происходитъ отъ того, что въ языкѣ европейскихъ евреевъ, составляющемъ жаргонъ языка того народа, среди котораго они живутъ, нѣтъ звуковъ, свойственныхъ восточнымъ языкамъ и кромѣ того горскіе евреи сохранили нѣкоторыя архаическія черты въ произношеніи отдѣльныхъ еврейскихъ буквъ.

Въ самыхъ обрядахъ богослуженія и въ содержаніи молитвъ находимъ также значительное различіе между горскими и европейскими евреями, особенно въ праздничныхъ дняхъ. Синагога или молитвенный домъ бываетъ построенъ почти вездѣ по одному типу и представляетъ собою большую комнату, освѣщенную большими окнами, продѣланными въ трехъ стѣнахъ, кромѣ западной. Полъ устилается коврами, на которые садятся, поджавъ подъ себя ноги, горскіе евреи кругомъ около стѣнъ и нѣсколькими рядами по срединѣ. Въ западной стѣнѣ находится шкафъ съ золотыми въ иныхъ городахъ галунами на верху и львами по бокамъ—кивотъ завѣта. Въ немъ помѣщаются свитки изъ пергамента, на которыхъ написаны заповѣди Моисея и серебряныя короны съ колокольчиками, которыя надѣваются на верхнія рукоятки свитковъ во время поднесенія ихъ къ молящимся для прикладыванія. Сбоку Кивота стоитъ каѳедра, въ ростъ человѣка, составляющая престолъ, гдѣ рабби совершаетъ богослуженіе. Надъ престоломъ и по бокамъ его находятся изображенія нѣкоторыхъ святыхъ мѣстъ въ золоченыхъ рамахъ. Посреди синагоги находится другая большая каѳедра, на которой, обращаясь къ западу, рабби читаетъ три раза въ недѣлю—по субботамъ, понедѣльникамъ и четвергамъ—заповѣди и говоритъ проповѣди. Предъ чтеніемъ каждой главы заповѣди, рабби приглашаетъ одного изъ молящихся и благословляетъ его, за что тотъ по состоянію жертвуетъ деньги или свѣчи въ пользу синагоги. По боль-

шимъ праздникамъ эти благословенія продаются съ аукціона (отъ 1 р. до 3-хъ, 4-хъ), и деньги опять идутъ въ пользу синагоги. Эти сборы составляютъ капиталъ, который исключительно идетъ на ремонтъ синагоги, на общественныя купальни и воспитаніе сиротъ. Богослуженіе совершается слѣдующимъ образомъ: у престола стоитъ рабби и читаетъ извѣстныя молитвы на древне-евр. языкѣ, а за нимъ по молитвенникамъ читаютъ тихо и грамотные. Остальные же, не понимающіе по древне-еврейски и называющіе себя «амъ-hоорицъ» (что означаетъ по древне-еврейски «инородецъ или неграмотный») слушаютъ, сидя или стоя при различныхъ моментахъ богослуженія, и произносятъ «Борухо-борухъ-шемӯ»— «да будетъ благословлено Его имя», и послѣ каждой молитвы, произнесенной рабби, слова: «благословленъ Ты, Предвѣчный Боже нашъ». Въ тѣхъ же мѣстахъ молитвъ, при которыхъ должно стоять и, читая про себя, дѣлать нѣсколько поклоновъ, они также стоятъ и слѣдятъ въ упоръ за каждымъ движеніемъ рабби. Сдѣлаетъ онъ поклонъ,—они тоже, скажетъ онъ «аминь»—они также, не давая себѣ отчета, за что поклонъ и послѣ чего «аминь». Многіе, даже большинство евреевъ, вовсе не знаютъ даже о существованіи главныхъ молитвъ евреевъ. Каѳедра, престолъ и Кивотъ завѣта находятся у западной стѣны, куда и обращаются горцы евреи со своей молитвой къ Богу, что составляетъ противоположность направленію, къ которому обращаются европейскіе евреи, т. е., тѣ молятся на востокъ, а горскіе евреи на западъ. Женщины не допускаются въ синагогу, и ни одна изъ нихъ не умѣетъ читать молитвъ. Нѣкоторыя изъ богобоязливыхъ старухъ приходятъ въ переднюю синагоги по субботамъ и большимъ праздникамъ и стоятъ у окна или двери синагоги, чтобы видѣть заповѣди и послушать богослуженіе. Женщины вообще очень мало заботятся о молитвахъ, предполагая, что отъ нихъ, обиженныхъ природой и не совершенныхъ людей, не требуется многаго. На нихъ возложены религіей три обязанности: первая состоитъ въ томъ, чтобы каждая хозяйка привѣтствовала

субботу въ пятницу вечеромъ зажженіемъ двухъ маленькихъ восковыхъ свѣчей и чтеніемъ при этомъ молитвы; вторая—соблюденіе тѣлесной чистоты (наз. «Нидо») впродолженіе 15 дней послѣ мѣсячныхъ очищеній; третья обязанность въ томъ, чтобы женщина при печеніи хлѣба отрѣзала кусокъ тѣста съ произнесеніемъ при томъ установленной молитвы и бросила его въ огонь. Кусокъ этотъ, изображающій собою жертву, носитъ названіе «hало». При мѣсячномъ очищеніи, прежде чѣмъ женщина совершитъ первое омовеніе, ей воспрещается закономъ зажигать субботнія свѣчи и отрѣзать «hало», такъ какъ при нихъ нужно произнесть молитвы, а она въ это время считается нечистой. На 15-й день она отправляется на рѣку, взявъ съ собою мальчика и женщину подругу, или въ общественную купальню, гдѣ совершаетъ «второе омовеніе» и становится чистой. Мальчика беретъ она для того, чтобы онъ стоялъ поодаль и шелъ ей на встрѣчу послѣ омовенія. Горскія еврейки думаютъ, что у нихъ непремѣнно родится дитя, которое будетъ имѣть видъ того человѣка или животнаго, котораго встрѣтили онѣ сейчасъ послѣ «омовенія». Разсказываютъ, что многія женщины встрѣчали змѣю, корову и рождали дѣтей, имѣющихъ подобіе этихъ животныхъ; по этому, выбирая кого-либо изъ своихъ или чужихъ дѣтей для встрѣчи, еврейка заботится, во-первыхъ, чтобы онъ былъ мальчикъ, такъ какъ дѣвочки неособенно цѣнятся и считаются чужимъ добромъ, и во вторыхъ,—чтобы онъ былъ красивый. Это относится, конечно, только къ женщинамъ, потому что дѣвушки, идя «на омовеніе» не берутъ никого кромѣ подруги—дѣвушки-же. Соблюдая эти обязанности и не измѣняя мужу, горскія еврейки вполнѣ надѣются попасть въ рай, хотя бы даже не обращались ни разу къ Богу съ молитвой.

ГЛАВА II.

Типъ и характеръ.—Праздность и любознательность горскихъ евреевъ,—Женщина-труженица семьи.—Склонности женщинъ къ сплетнямъ и дракамъ.—Многоженство.—Жилища и гостепріимство.—Пища и напитки.—Одежда.—Домашній бытъ горскихъ евреевъ.—Булка. Сугумъ.—Обряды при рожденіи и обрѣзаніи.

Переходя къ характеристикѣ типа горскихъ евреевъ съ внѣшней и внутренней стороны, мы должны замѣтить, что черты семитскаго типа въ нихъ значительно видоизмѣнены путемъ смѣшенія съ туземными племенами Кавказа. Характеристическія черты внѣшности еврея-горца составляютъ: смуглый цвѣтъ кожи, средній и часто высокій ростъ, стройное тѣлосложеніе, тонкое въ поясницѣ и широкое въ плечахъ, вдавшіеся черные быстрые глаза часто съ желтоватымъ бѣлкомъ, черныя брови и борода, большой орлиный носъ и слегка выдавшіяся скулы—черты, которыми горскій еврей очень много походитъ на лезгина, чеченца, черкеса, а иногда и на армянина и очень мало на европейскаго еврея. Въ красотѣ мужчины много уступаютъ женщинамъ, которыя имѣютъ круглое или продолговатое, бѣлое лицо, часто очень блѣдное, черные большіе глаза съ длинными рѣсницами, длинные, черные волоса на головѣ, доходящіе у иныхъ до колѣнъ, тонкія блѣдныя губы, прямой, заостренный немного въ концѣ носъ съ маленькимъ возвышеніемъ у переносья, удлиненный подбородокъ, высокую, грудь, узкія плечи, тонкую талію и средній ростъ. Несомнѣнно, что блѣдность лица горскихъ женщинъ, какъ и всѣхъ женщинъ востока, зависитъ главнымъ образомъ отъ затворнической жизни и отъ того жалкаго и рабскаго положенія, которое онѣ занимаютъ въ семьѣ.

Природа имѣла громадное вліяніе на развитіе характера горскаго еврея, слѣдовательно — и на его занятія. Вотъ проскакалъ онъ мимо васъ вооруженный съ головы до ногъ, на бодрой лошади; тамъ въ изодранномъ костюмѣ своемъ лѣзетъ онъ по горамъ, карабкается между скалами,

рубитъ дрова или выкапываетъ пни и корни кустарниковъ, которые несетъ на согнутой и избитой спинѣ своей; тамъ копаетъ онъ въ полѣ землю, пашетъ, выдѣлываетъ вина, срываетъ плоды съ деревьевъ; тамъ опустился въ глубокое корыто съ водой около бассейна, засучивъ штаны выше колѣнъ, и топчетъ изо всей силы сырыя кожи и, наконецъ, вотъ онъ свободенъ. Тутъ забываетъ онъ не только о прошедшемъ, о вчерашнемъ трудѣ своемъ, но перестаетъ думать вовсе о будущемъ, о завтрашнемъ кускѣ насущнаго хлѣба. И это праздное препровожденіе времени и безпечность, этотъ праздный разгулъ за ведрами вина или штофами водки съ шашлыкомъ, это расхаживаніе изъ дома въ домъ и по всему аулу съ шапкой на бекрень и черкеской или шубкой въ накидку, эти бесѣды и всевозможныя мечты возлѣ лавокъ или на лавкахъ около домовъ, на «овчерѣ» (сельская площадь, гдѣ бываютъ народныя собранія), передъ синагогой или рѣзницей и вообще это переливаніе изъ пустаго въ порожнее продолжается не день, не два и не недѣли, а иногда цѣлые мѣсяцы. Даже становится досадно, когда постоянно встрѣчаешь одного и того же субъекта занятаго или игрой въ шахматы, или перерубаніемъ на пари острымъ кинжаломъ нѣсколькихъ арбузовъ поставленныхъ въ рядъ. Такія забавы въ большомъ ходу въ аулахъ и производятся на площади. Кромѣ того они держатъ пари съѣсть столько то фунтовъ винограда или тутовника (ягоды шелковичнаго дерева), столько то арбузовъ, дынь, яицъ, мѣрокъ грушъ, сливъ и пр., которые продаются мальчиками тутъ же на площади. Завидя какого либо пріѣзжаго, эти праздно-шатающіеся собираются вокругъ него, спрашиваютъ, откуда онъ ѣдетъ и куда, къ кому, за чѣмъ и какія у нихъ слышны новости. Горцы вообще очень любятъ слушать пріѣзжаго, чтобы тотъ ни говорилъ, вѣрятъ словамъ его и передаютъ новости другъ другу и всему аулу, сдѣлавъ по обыкновенію изъ мухи слона. Нерѣдко они приглашаютъ съ площади же къ себѣ гостей, если тѣ не имѣютъ еще кунаковъ въ аулѣ, и завидуютъ тому, кто имѣетъ пріѣз-

жаго гостя съ массой новостей. Они любятъ также разсуждать о политикѣ и часто, сидя на лавкахъ или камняхъ на площади, толкуютъ о военныхъ дѣйствіяхъ того или другого государства.

Въ горской женщинѣ мы видимъ постоянную труженицу семьи. Всѣ трудныя работы въ хозяйствѣ возлагаются на женщинъ, и онѣ не имѣютъ свободной минуты на то праздное созерцаніе природы и пустыя мечты, которыми такъ часто бываютъ заняты мужчины. Вотъ онѣ идутъ чуть свѣтъ, когда мужчины еще наслаждаются утреннимъ сномъ, цѣлою гурьбой, согнувшись подъ тяжестью мѣднаго или глинянаго кувшина съ водой; вотъ онѣ тащатъ навозъ въ носилкахъ къ мельницѣ, гдѣ бросаютъ его въ рѣку, или несутъ его въ поле, для сожженія; вотъ онѣ доятъ буйволицъ, даютъ имъ кормъ, очищаютъ конюшни, дѣлаютъ изъ навоза и самана (соломы) тѣстообразную массу, изъ которой образуется впослѣдствіи кизякъ, колютъ дрова, идутъ печь хлѣбъ въ чужихъ печкахъ, если не имѣютъ своихъ, мажутъ крыши, бѣлятъ стѣны, ходятъ на полевыя работы (у бѣдныхъ)... словомъ—нѣтъ конца ихъ ежедневнымъ трудамъ. Кромѣ того, шитье платья на все семейство и стряпня лежитъ на ихъ обязанности. Вообще же, говоря о трудѣ, онѣ ни чуть не выставляютъ себя передъ мужчинами, и каждая жена, дочь, мать считается тѣмъ лучшей хозяйкой и мастерицей, чѣмъ больше и неутомимѣе она работаетъ. При этихъ прекрасныхъ качествахъ горскія еврейки имѣютъ однако одну нехорошую наклонность, которая ставитъ ихъ въ глазахъ мужей и родственниковъ очень низко и часто служитъ причиной семейныхъ раздоровъ и многоженства. Это—склонность къ спорамъ, постояннымъ сплетнямъ и дракамъ, которыя очень часто заводятся между женщинами изъ за какихъ нибудь пустяковъ. Чуть произошло въ аулѣ что нибудь, сейчасъ соберутся женщины, пустятся въ разсужденія, поспорятъ, поругаются и въ концѣ концовъ подерутся. Эти споры въ связи со слухами передаются другимъ, тѣ третьимъ, четвертымъ,—пока дойдетъ до мужа, отца, брата,

которые, не откладывая дѣла въ дальній ящикъ, производятъ сейчасъ свой судъ и жестоко наказываютъ виновницу молвы. Помимо того, что женщина должна ходить предъ мужемъ, какъ говорится, по стрункѣ, угождать всѣмъ его желаніямъ, прихотямъ и капризамъ,—также и подобныя сцены бываютъ причиной семейнаго разлада. Строгій мужъ, въ наказанье женѣ, женится на другой и оставляетъ первую безъ всякаго вниманія, предоставляя ей, однакожъ, все то, чѣмъ она пользовалась прежде, какъ одинъ изъ членовъ семьи, т. е. пищу, одежду и особое помѣщеніе; подобное наказанье продолжается иногда нѣсколько лѣтъ, иногда даже всю послѣдующую ихъ брачную жизнь. Считая ее своей женой, такъ какъ онъ одѣваетъ ее, обуваетъ и защищаетъ отъ голода, холода и обиды и не имѣя съ нею супружескихъ отношеній, строгій мужъ требуетъ отъ нея прежнихъ трудовъ, услугъ и рабскаго подчиненія: она безропотно должна переносить все это, тѣмъ болѣе, если имѣетъ дѣтей. Но не однѣ подобныя сцены и дурной нравъ жены служатъ причиной двоеженства: многіе женятся на другой просто изъ за чувственныхъ побужденій, проживъ съ первой женой лѣтъ десять и наживъ съ ней кучу дѣтей. Конечно, женщина, будучи удручена постоянными трудами и заботами о мужѣ, дѣтяхъ и жертвуя для ихъ блага своимъ спокойствіемъ, здоровьемъ, скоро начинаетъ старѣть и на лицѣ ея начинаютъ показываться морщины. Чувственному мужу не нравится это и онъ беретъ себѣ другую, болѣе свѣжую и молодую женщину или дѣвушку. Часто причиной двоеженства является также и бездѣтность. Многоженство не воспрещается горцамъ евреямъ религіей, поэтому часто можно встрѣтить и раввиновъ, имѣющихъ двухъ женъ. Число женъ неограничено адатомъ, но рѣдко встрѣчаешь такихъ, которые имѣли бы трехъ женъ. Женатыхъ на двухъ, бываетъ въ каждомъ аулѣ или городѣ около пяти, шести и приблизительно человѣкъ десять на сто дымовъ. Жены живутъ или вмѣстѣ, имѣя по особому помѣщенію, или порознь въ особыхъ сакляхъ, и мужъ посѣщаетъ ихъ поочередно. Находясь

постоянно подъ надзоромъ мужа и боясь, чтобы онъ не лишилъ которую нибудь изъ нихъ своего вниманія, онѣ повидимому живутъ мирно между собою, и вторая изъ нихъ, желая угодить мужу своимъ великодушіемъ, услуживаетъ первой и старается тѣмъ удержать мужа въ симпатіи къ себѣ. Но за то грызутся же онѣ въ отсутствіи мужа! Часто бывалъ я еще мальчикомъ свидѣтелемъ подобныхъ зрѣлищъ между женами двоюроднаго брата. Онѣ не стѣснялись меня, и я могъ слышать постоянно, чѣмъ и какъ укоряютъ онѣ другъ друга. Нерѣдко споры и драки ихъ доходили до побоевъ, при которыхъ били другъ друга до синяковъ, царапались до крови, — но какъ только появлялся мужъ, какъ будто ничего между ними не бывало: сидятъ рядышкомъ, разговариваютъ, смѣются, между тѣмъ какъ сейчасъ же по выходѣ мужа принимаются снова за руготню и драку. Часто, бывало, вижу я, какъ онѣ ропщутъ на судьбу, плача навзрыдъ или захлебываясь, рвутъ въ отчаяніи волосы, дерутъ нѣжныя, блѣдныя щеки до крови, бьютъ себя въ лобъ и грудь кулаками, кусаютъ себѣ руки... и мнѣ становилось ужасно ихъ жалко и жутко: я бывало тоже плачу, бросаюсь, разнимаю ихъ руки и прошу, умоляю не плакать. Тогда, конечно, я не понималъ причины ихъ споровъ и раздоровъ и плакалъ вмѣстѣ съ ними, утѣшая то ту, то другую своими дѣтскими словами.

Дѣти разныхъ женъ, находясь въ постоянномъ страхѣ быть наказанными отцомъ, не смотря на то, что «мамы» ругаются и дерутся между собою, живутъ почти вмѣстѣ, вмѣстѣ воспитываются, играютъ и принуждены видѣть и слышать всѣ мерзости, происходящія между соперницами!

Жилища евреевъ горцевъ, живущихъ въ аулахъ, представляютъ каменныя постройки—сакли, а городскихъ—дома въ европейскомъ вкусѣ и съ азіатскимъ убранствомъ. Нѣкоторые же богатые горцы имѣютъ и европейскія комнаты съ порядочной мягкой мебелью, которыя служатъ пріемными для гостей русскихъ, и въ другое время не бываютъ почти обитаемы. Сакли выстраиваются или самими хозяевами, или ка-

меньщиками. Наружныя стѣны ихъ большею частью голыя, за исключеніемъ передней стороны, которая, какъ и внутреннія стѣны, смазываются глиной, смѣшанной съ саманомъ (соломой). Онѣ бѣлятся известью, добываемой горцами евреями изъ мѣстнаго камня въ доменныхъ печахъ, или мѣломъ, смѣшаннымъ съ глиной (бѣлая глина), встрѣчающимся въ горахъ повсемѣстно. Нижняя часть выбѣленныхъ стѣнъ выкрашивается красной или сѣрой глиной, также мѣстной.

Потолокъ состоитъ изъ балокъ, расположенныхъ параллельно по ширинѣ комнаты и лежащихъ одними концами на передней и задней стѣнахъ, другими на средней широкой балкѣ, идущей въ длину сакли и подпертой посрединѣ сакли толстой дубовой подставкой, украшенной вырѣзанными фигурами и цвѣтами. Рѣдко въ какой саклѣ отсутствуетъ эта подставка. Сверху балокъ кладется камышъ, потомъ солома, которая смазывается глиной. Такимъ образомъ составляется плотная крыша. Концы переднихъ балокъ выходятъ наружу аршина на два и, будучи смазаны вмѣстѣ съ крышей, образуютъ навѣсъ, служащій для прикрытія отъ дождя или жары въ лѣтнее время и называемый балкономъ. Сакли состоятъ обыкновенно изъ двухъ или трехъ комнатъ, имѣющихъ каждое особое назначеніе. Одна изъ нихъ отводится для женщинъ, другая для мужчинъ, третья для гостей. Самую грязную часть сакли составляетъ женская половина, самую опрятную и прибранную—кунацкая комната. Въ женской комнатѣ помѣщается кухня, дѣтская, кладовая, мѣсто для бѣлья, для сушки мяса,—и все это въ одной комнатѣ. Около стѣнъ съ одной стороны находятся «хумы» (глиняные сосуды, громадной величины, часто до 2 аршинъ вышины), служащіе для вина, муки, моченыхъ и соленыхъ плодовъ, отрубей,—ковровые мѣшки, набитые пшеницей, и дрова, сложенныя аккуратно хозяйкой; съ другой стороны находятся три каменныя столба, на которые кладется доска и навѣшивается коврикъ. Это составляетъ полку для дѣтской и лишней постели и тряпокъ. За ковромъ подъ полкой находится лавка, на которой

ставятся въ рядъ горшки и сосуды, содержащіе молоко, сыръ, масло, крупу и пр. На третьей стѣнѣ, справа на лѣво, навѣшивается занавѣсь, составленная изъ пестрыхъ треугольныхъ кусочковъ разныхъ ситцевыхъ матерій. Надъ занавѣской, подъ потолкомъ въ стѣнѣ сдѣланы двѣ полки, на которыхъ красуются различная стеклянная посуда, бутылки и чашечки, по дальше отъ рукъ дѣтей. Подъ полками на колышкахъ, вбитыхъ въ эту стѣну во всю ея длину немного выше занавѣски, висятъ по бокамъ два зеркальца, бутылки и графинчики, привязанные веревочками за горлышки, большія и маленькія тарелки, служащія для горячей пищи и вмѣсто подносовъ. Въ четвертой стѣнѣ находятся: дверь, окна, каминъ и двѣ ниши. Каминъ устраивается обыкновенно изъ глины, въ стѣнѣ, и имѣетъ открытое отверстіе параболической формы. Помѣщается онъ какъ разъ посерединѣ стѣны и имѣетъ прямую трубу. По бокамъ камина, около почетнаго мѣста, сдѣланы въ стѣнѣ двѣ квадратныя ниши, въ которыхъ стоятъ кувшины съ водой, подсвѣчники, солонки и пр. мелкія вещи первой надобности. Эти ниши помѣщаются отъ пола на вышинѣ полуаршина. По бокамъ нишъ, немного выше ихъ или на одной высотѣ съ нижнимъ ихъ основаніемъ, находятся, смотря по размѣру комнаты, по одному или по два окна, которыя у богатыхъ— со стеклами въ рамахъ и толстыми дубовыми ставнями топорной работы, а у бѣдныхъ—безъ рамъ и стеколъ. На этой стѣнѣ сверху, на одной высотѣ съ прежними вещами, виситъ на колышкахъ или гвоздяхъ различная мѣдная посуда, употребляемая въ кухнѣ, какъ-то: различныя ложки, цѣдилки, чашки, тарелки, подносы и пр. Почти въ углу, въ мѣстѣ соединенія первой стѣны со второй, вдѣлывается дверь. Ставни и двери вращаются на круглыхъ наконечникахъ, помѣщенныхъ въ отверстіяхъ вверху и внизу, и не имѣетъ петель. Онѣ запираются изнутри посредствомъ деревянныхъ засововъ. Сверху двери на длинныхъ, вбитыхъ въ стѣну, колкахъ помѣщается корыто съ мукой и кускомъ кислаго

тѣста, служащаго вмѣсто дрожжей. Каждая хорошая и аккуратная хозяйка должна имѣть постоянно у себя дома кусокъ кислаго тѣста и тлѣющіе угли въ каминѣ, а не ходить просить къ сосѣдкамъ. Поэтому лѣтомъ, послѣ приготовленія пищи, зимою въ отсутствіи всѣхъ домашнихъ—хозяйка зарываетъ головни въ золу и тѣмъ пріобрѣтаетъ возможность имѣть постоянно огонь. Тоже дѣлаетъ она и каждую ночь. Въ этой комнатѣ, какъ сказалъ я, сушатся мясо и колбасы на зиму. Они вѣшаются на двухъ длинныхъ палкахъ, поддерживаемыхъ веревками, прикрѣпленными къ потолку, и оставляются нетронутыми до тѣхъ поръ, пока не почернѣютъ. Тогда, значитъ, мясо и колбасы готовы и могутъ быть употреблены въ пищу. Часто тутъ же виситъ громадный копченый курдюкъ *), который служитъ запасомъ для цѣлаго семейства. Когда хозяинъ остается безъ работы, и не предвидятся скоро деньги на покупку мяса, заботливая и расчетливая хозяйка отрѣзываетъ отъ этого курдюка каждый разъ миніатюрные кусочки, растапливаетъ ихъ и разливаетъ сало по поверхности хинкала **) или мучной кашицы. Глиняные полы комнатъ еженедѣльно смазываются, чтобы не водились въ нихъ подъ коврами и рогожами насѣкомыя. Зимою трудно войти непривычному человѣку въ женскую половину—такая тамъ вонь, грязь и нечистота. Остальныя двѣ комнаты сакли—мужская и кунацкая—отличаются большею опрятностью и лучшимъ убранствомъ. Кунацкая комната, даже у самыхъ бѣдныхъ горцевъ, бываетъ наполнена всевозможными хозяйственными вещами азіатскаго производства и оружіемъ. На верхнихъ полкахъ красуются различныя фаянсовыя и стекляныя чашки и тарелки по нѣскольку штукъ одна на другой, графины, старинныя бутылки, мѣдныя чашки съ таковыми же колпаками съ вырѣзанными на нихъ фигурами и цвѣтами, позолоченные кувшинчики, вазы и пр. На стѣнѣ,

*) Толстый бараній хвостъ.

**) Супъ съ кусочками тѣста, квадратной формы.

подъ этими же полками и надъ занавѣской изъ бархата или пестрой шелковой матеріи съ золотой бахромой внизу, висятъ большія мѣдныя тарелки, зеркала, подносы съ золочеными рисунками, шелковыя шали, сложенныя въ два-три раза, кинжалы, пистолеты, ружья, шашки и пр. Около другой стѣны, которая безъ занавѣски и бываетъ вся увѣшана въ нѣсколько рядовъ всевозможными цѣдилками, тарелками и различными мисками и мелкими чашами, ставятся сундуки съ платьемъ и драгоцѣнными вещами хозяевъ. Иногда ихъ бываетъ два, иногда нѣсколько; въ послѣднемъ случаѣ самый большой ставится внизу, а надъ нимъ остальные меньшаго размѣра. Всѣ эти вещи служатъ только украшеніемъ помѣщенія для пріѣзжающихъ гостей и не употребляются въ дѣло. Полы покрыты коврами.

Уваженіе и вниманіе къ гостю—черта общая всѣмъ горскимъ племенамъ—считается у евреевъ-горцевъ священною обязанностью. Каждый хозяинъ принимаетъ съ искреннимъ радушіемъ всякаго странника, оказываетъ ему всевозможныя услуги, даетъ деньги, если тотъ сильно нуждается въ нихъ, и отвѣчаетъ за него собственной головой, пока онъ считается его гостемъ и находится съ нимъ подъ одной кровлей. Бѣдный людъ имѣетъ большею частью по двѣ комнаты; потому удивляемся его самоотверженію, доходящему иногда до крайности: хозяинъ оставляетъ гостя въ кунацкой, если тотъ особенно настойчиво не будетъ требовать остаться съ нимъ и самъ идетъ ночевать въ грязную женскую половину. Онъ не имѣетъ по цѣлымъ мѣсяцамъ для дѣтей куска мяса, а какъ пріѣхалъ гость, идетъ, беретъ въ долгъ всякой всячины и угощаетъ его. Иногда гость остается цѣлые мѣсяцы и хозяинъ, не измѣняя своего радушія, нерѣдко разоряется и, послѣ отъѣзда гостя, чтобы поправиться, занимается усиленнымъ трудомъ. Каждый горецъ-еврей имѣетъ въ другихъ аулахъ своихъ кунаковъ, еврея или мусульманина, у которыхъ онъ останавливается; также и каждый мусульманинъ. По пріѣздѣ почетнаго гостя онъ останавливаетъ свои работы, рас-

поряжается на счетъ закуски, обѣда, ужина, приглашаетъ почетныхъ людей въ аулѣ, чтобы гостю не было скучно, а иногда пѣвцовъ, молодежь, музыку, состоящую изъ гармоніи и «тепъ-ä» (цилиндръ, обтянутый съ одной стороны животной перепонкой), на которыхъ играютъ извѣстныя въ аулѣ дѣвушки-мастерицы, или зурны и барабана. Всѣ приглашенные подходятъ къ гостю и, подавая ему руку, привѣтствуютъ его словами: «хошъ-омори, кепъ-тӳ-тӳ, хуне-жиге, ваілъ» (съ пріѣздомъ, какъ твое здоровье, домашнихъ, дѣтей); на что тотъ встаетъ съ почетнаго мѣста и, наклонивъ голову въ знакъ благодарности, отвѣчаетъ: «согъ-боши» (будь и ты здоровъ, благодарю). Дѣвушки привѣтствуютъ гостя только поклономъ, взглядомъ и улыбками, а родственницы подходятъ, подаютъ руки и цѣлуютъ его въ щеку или подставляютъ свои щеки, смотря по близости родства и своему возрасту. Взрослыя дѣвушки и женщины цѣлуютъ его, маленькія дѣвочки подставляютъ ему лобъ и щеки и обнимаютъ его. Мужчины-родственники цѣлуются съ гостемъ въ губы. За обѣдомъ или ужиномъ сидитъ гость на пуховой подушкѣ, а за нимъ кругомъ другіе односельцы по старшинству. Подаются кушанья изъ женской половины или самимъ хозяиномъ (тогда онъ вовсе не садится), или однимъ изъ меньшихъ членовъ семьи, или родственникомъ. Прежде всего одинъ прислужникъ со словами: «е-серъ-чӳмhой-иму-оморитъ» (рады и готовы принимать васъ головой) приноситъ въ рукахъ холстинку или большой круглый мѣдный подносъ, съ двумя или четырьмя чуреками, солью въ солонкѣ и зеленью, состоящею изъ лука, чеснока (зимою-луковицы), рѣдьки и разныхъ персидскихъ травъ, а другой прислужникъ— кувшины вина и графины водки. Это все принимается изъ рукъ прислужниковъ хозяиномъ и ставится среди круга, образуемаго на полу сидящими. Потомъ прислуга приноситъ тазъ и кувшинъ съ водой и подаетъ каждому умыться. Вытерши руки чистымъ полотенцемъ, которое по очереди подается каждому гостю, хозяинъ беретъ два чурека, произно-

ситъ молитву, состоящую въ благодареніи Бога за хлѣбъ и соль, разламываетъ одинъ изъ чурековъ на куски, число которыхъ больше числа присутствующихъ и женщинъ въ другой половинѣ, ибо онъ ждетъ и другихъ, которые, если случатся въ началѣ ѣды, непремѣнно должны садиться также ужинать. За тѣмъ приносится и ужинъ, состоящій изъ множества азіатскихъ блюдъ. Смотря по родству съ гостемъ или по дружбѣ его съ мужемъ, кушанья подаются хозяйкой дома. Изъ кушаньевъ, подающихся въ честь гостя или по праздникамъ, самыми лучшими и любимыми всѣми считаются: шашлыкъ, *хинкалъ*, приправленный уксусомъ и чеснокомъ, «*курзе*» (варепики изъ тѣста, содержащіе рубленное мясо, яйца съ курдючнымъ саломъ), «*тара*» (травяная каша съ кусочками мяса или сала), «*дурма*» (рубленое мясо, обвернутое листьями капусты или бураковъ), «*чуду*» (пирогъ съ мясомъ), *ягини* (супъ съ говядиной или бараниной съ кислыми ягодами), «*нермовъ*» (пшеничная каша съ кусками мяса или курицы) и проч. Самою же необходимою пищею считается при гостяхъ «ошъ», «пловъ» — каша изъ сорочинскаго пшена, приправленная яицами, изюмомъ и курдючьимъ саломъ или орѣховымъ масломъ, собственнаго производства. Для добыванія этого масла, горцы очищаютъ ядро орѣха отъ скорлупы, превращаютъ его въ молотильняхъ въ тѣстообразную массу, которую кладутъ въ плоскія чашки тонкимъ слоемъ и нагрѣваютъ, ставя ее предъ очагомъ. Когда масса дѣлается красной, ее снимаютъ кусочками и выжимаютъ изъ нея масло. Остатки, называемые «мўшде», употребляются домашними или вмѣсто мяса или ихъ кладутъ въ пирогъ, въ кашу и проч. Кушанья подаются всѣ одновременно въ чашкахъ и тарелкахъ, по одной на два, на три человѣка, чтобы дальше сидящимъ не приходилось далеко протягивать руку съ ложкой. Ложки и вилки деревянныя, бѣлыя, безъ краски, домашняго производства. Вилка имѣетъ видъ тонкаго заостреннаго колышка. Когда пища густая, то почти не употребляютъ ложекъ и вилокъ и ѣдятъ, захваты-

вая ее между кускомъ хлѣба, большимъ и указательнымъ пальцами. Мясо разрывается на куски руками и, въ обыкновенное время, кладется хозяиномъ по куску передъ каждымъ, а при гостяхъ въ серединѣ круга, въ тарелкѣ. При почетномъ гостѣ ужинъ происходитъ съ перерывами, во время которыхъ пѣвцы поютъ, молодежь танцуетъ, хлопаетъ въ ладоши и веселится, прислуга снова и снова подаетъ вина и закуски, пока не запоютъ пѣтухи и присутствующіе не вспомнятъ о томъ, что нужно дать покой гостю. При подобныхъ торжественныхъ вечерахъ всѣ бываютъ одѣты въ свои лучшія праздничныя платья. Кстати представимъ здѣсь описаніе одежды горскихъ евреевъ.

Костюмъ женщинъ составляютъ: широкіе шальвары изъ канауса, бурсы и другихъ шелковыхъ матерій или изъ цвѣтныхъ ситцевъ; архалукъ изъ атласа — зимою на ватѣ, который надѣвается сверхъ рубашки, «чуткў — мѣшокъ, покрывающій голову, открытый съ концевъ, и платокъ, который накидывается сверху *чуткў*. Платки бываютъ, по состоянію, или кисейные, обшитые кругомъ черной или бѣлой бахромой, или шелковые персидскіе (красные и бѣлые), или шелковые цвѣтные. Зимою же женщины носятъ теплую шерстяную шаль. Иногда шелковая бахрома кругомъ платковъ замѣняется золотыми кружевами и на чуткў—изъ гладкой шелковой или шерстяной матеріи—вышиваются золотомъ и серебромъ разные цвѣточки. Архалуки и рубашки отдѣлываются около груди на спинѣ, рукавахъ и подолѣ серебряными и золотыми галунами. На ноги женщины надѣваютъ бумажные чулки и сверху нихъ чувяки изъ краснаго или желтаго сафьяна. Для выхода изъ дому сверхъ чувяковъ употребляются башмаки, открытые у пятки и закрытые у пальцевъ. На ушахъ висятъ громадныя кольца—круглыя или плоскія—изъ серебра или золота. Кольца эти замѣняющія серьги, имѣютъ въ нижнемъ основаніи своемъ одинъ, два или три шарика съ отверстьями. Пальцы женщинъ, особенно дѣвушекъ, бываютъ украшены серебряными

и мѣдными или булатными кольцами и по нѣскольку штукъ на каждомъ, за исключеніемъ большого. Отличительнымъ внѣшнимъ признакомъ замужней женщины служитъ: отсутствіе на груди бусовъ, чубчика на лбу и длинныхъ пейсовъ на вискахъ. Бусы дѣлаются изъ различныхъ просверленныхъ горныхъ камешковъ, гвоздики, янтаря, коралловъ, серебряныхъ монетъ и другихъ вещицъ, которыя нанизываются съ особеннымъ стараніемъ и вкусомъ на крѣпкій снурокъ. Также въ большой модѣ у дѣвушекъ употребленіе «хны», желтаго персидскаго порошка или того же названія травы, которой онѣ окрашиваютъ себѣ волосы и погти. Для волосъ *хна* употребляется вмѣстѣ сортутью. Этою смѣсью онѣ вымазываютъ волосы на ночь и ложатся спать. Нерѣдко можно видѣть горскихъ женщинъ жующихъ что то съ усердіемъ. Это «сикизъ» (бѣлая смола съ гвоздикой), которую употребляютъ онѣ для чистки зубовъ и приданія рту пріятнаго запаха. Одежду мужчинъ составляютъ: ситцевый бешметъ, застегнутый на крючки, со стоячимъ отороченнымъ воротникомъ, черкеска изъ сукна или другихъ прочныхъ матерій, безъ воротника, съ крючками, застегивающимися у таліи и на груди и съ патронташами, заключающими газыри для пороха. Поверхъ черкески или бешмета опоясываются они поясомъ, шириною въ палецъ и шире, который украшается часто сверху серебрянымъ или золотымъ галуномъ, пряжками и пуговицами изъ эмальированнаго серебра или изъ мѣди. Около пряжки, спереди, къ ремню привѣшивается кинжалъ, въ серебряныхъ или покрытыхъ черной кожей ножнахъ. На ноги надѣваются «ишимы»—ногавицы, доходящія до колѣнъ, изъ чернаго сукна или кожи и украшенныя галунами. Обувью служатъ также чувяки, безъ подошвъ, горскіе сапоги съ подковами, имѣющими спереди два длинныхъ острія и сзади одно, для удобства ходить по горамъ зимою и въ грязную погоду. Поверхъ чувяковъ употребляются башмаки, также открытые сзади и покрывающіе только пальцы. Чувяки служатъ женщинамъ и мужчинамъ во время грязи и холода вмѣсто калошъ. Чувяки мужчинъ большею

частью черные и безъ украшеній. Крючки и петлицы для бешметовъ, черкесокъ и рубахъ дѣлаются изъ шелковыхъ или шерстяныхъ спурковъ домашняго издѣлія. На голову надѣвается шапка изъ курпея (бараньяго или овечьяго мѣха). Зимою мужчины подъ черкеску, а женщины поверхъ архалука, надѣваютъ шубы, которыя отличаются тѣмъ, что у первыхъ онѣ не бываютъ ничѣмъ покрыты, а у вторыхъ покрываются шелковыми и шерстяными матеріями и отдѣлываются галунами, подобно архалукамъ. Нѣкоторые изъ мужчинъ носятъ тулупы изъ волчьяго и лисьяго мѣховъ, которыхъ наружная поверхность тщательно очищается посредствомъ отрубей или муки. Въ послѣднее время вошли въ моду шубы изъ собольихъ мѣховъ, которыя привозятся купцами изъ Россіи, и ихъ особенно стали носить новобрачные.

Домашній бытъ горскихъ евреевъ основанъ на адатахъ (обычаяхъ), перешедшихъ къ нимъ отъ предковъ и на нѣкоторыхъ обычаяхъ, усвоенныхъ евреями отъ другихъ племенъ Кавказа. Помогать ближнему въ случаѣ нужды, если не матеріально—деньгами, то работою рукъ своихъ, считается священнымъ долгомъ у евреевъ горцевъ. Такихъ обязанностей очень много между горцами, но особенно заслуживаютъ вниманія различныя собранія, которыя ставятъ своею задачею помогать бѣднымъ и неуспѣвающимъ въ работѣ, помогать деньгами сиротамъ, ухаживать за больными и пр. Сборища, съ цѣлью помогать неуспѣвающимъ въ хозяйственныхъ работахъ, или тѣмъ, которые желали бы кончить поскорѣе свои дѣла въ ожиданіи какого либо торжества, называются «булка» и составляются молодежью — парнями и дѣвушками. Отцы, препятствуя дочерямъ видѣться съ молодыми людьми, сразу соглашаются на просьбу какой либо горской еврейки устроить булка, предоставляя, однакожъ, дочери свободу идти или нѣтъ. Еще бы! У дѣвушекъ и молодыхъ парней, съ появленіемъ слуха о какомъ либо булка или о свадьбѣ, вырастаютъ будто крылья,—съ такимъ нетерпѣніемъ они ждутъ ихъ. Къ такимъ *булка* относятся сборища для рубки мяса на зиму и вынима-

нія жилъ изъ него, для шитья одежды новобрачнымъ, для смазыванія и бѣленія новыхъ жилищъ, для очищенія лука, чесноку и кукурузы, для сбора плодовъ и пр. Каждый употребляетъ здѣсь для ближняго свои молодыя силы и работаетъ нѣсколько ночей съ истиннымъ рвеніемъ. Я остановлюсь только на вынманіи жилъ и рубкѣ мяса и смазываніи новыхъ жилищъ, такъ какъ всѣ остальныя сборища имѣютъ тотъ же характеръ. Какъ только наступила зима, между горскими евреями начинается тревога на счетъ «сугума» (зимняго запаса). На ряду съ обезпеченіемъ хлѣбомъ, заботятся они о приготовленіи копченаго или сушенаго мяса, колбасъ и вина. Вино приготовляется изъ винограда еще осенью и держится запечатаннымъ въ бочкахъ и большихъ глиняныхъ сосудахъ до первой ночи Маккавеевъ. Рѣдко можно найти семейство, которое не имѣло бы ведеръ тридцать, сорокъ вина на зиму. Горскіе евреи, смотря по состоянію, рѣжутъ не менѣе трехъ, четырехъ барановъ и одной коровы на 4 дыма, для чего собираются четыре, пять семействъ и, сдѣлавъ складчину, покупаютъ одну корову. Богатые рѣжутъ около двухъ, трехъ головъ рогатаго скота и штукъ десять, пятнадцать—мелкаго. Убравъ мясо домой и разложивъ его на полу, на рогожахъ, хозяинъ посылаетъ гонцовъ къ раввину, почетнымъ лицамъ и спеціалистамъ съ приглашеніемъ вынимать жилы изъ мяса. Тѣ немедленно являются и начинаютъ поздравлять хозяевъ съ запасомъ. При этомъ подаютъ гостямъ стакана по два, по три вина и ставятъ передъ ними тарелки съ шашлыкомъ изъ свѣжаго мяса. Послѣ закуски каждый изъ умѣющихъ вынимать жилы и негодное сало изъ различныхъ мѣстъ мяса, садится за свою работу, а не умѣющіе принимаются разсказывать различные анекдоты и сказки. Домашняя молодежь (постороннеи не бываетъ въ эту ночь) сидитъ въ это время около камина и готовитъ шашлыки, которые подаются работающимъ черезъ каждыя 10, 15 минутъ. Всюду слышится смѣхъ, веселый разговоръ, стукъ топора по костямъ, шипѣніе сала, падающаго каплями на огонь, и вмѣстѣ съ этимъ

тяжелый запахъ табаку. Дымъ стоитъ во всѣхъ комнатахъ сакли просто туманомъ и ничего нельзя разобрать. Даже не пивши вина, достаточно, кажется, пробыть полчаса въ этой атмосферѣ, чтобы совершенно опьянѣть: до того воздухъ, пропитанный дымомъ, парами сала и выдѣляемой присутствующими углекислотой, становится тяжелымъ. Но имъ это очевидно ни почемъ, потому что занятія ихъ, послѣ которыхъ имъ подается ужинъ, кончаются далеко за полночь и они почти мѣсяцъ проводятъ, то въ томъ, то въ другомъ домѣ, пока весь аулъ не запасется *сугуломъ*. Послѣ ужина всѣ благодарятъ хозяевъ и собираются уйти. Но въ это время раввинъ благословляетъ хозяевъ и дѣтей его; за это тотъ даетъ ему копѣекъ пятьдесятъ, шестьдесятъ. Иногда раввинъ ухитряется благословить всѣхъ присутствующихъ за ужиномъ, пока тѣ встаютъ, за что и они даютъ ему по состоянію. Кромѣ этого при рѣзаньѣ раввину даютъ голову скотины и грудобрюшную преграду съ мякотью фунта въ три. Эти обычаи доставляютъ раввину хорошія доньги, почему каждая мать, убаюкивая сынка, проситъ у Бога, чтобы малютка ея приносилъ ей побольше «серъ-сугу» (головъ и грудобрюшныхъ преградъ). На слѣдующій день идетъ промываніе и соленіе мяса. Въ этомъ помогаютъ хозяевамъ родственницы и это считается только дѣломъ женщинъ. Интересна также совершаемая при этомъ церемонія. Хозяйка раскладываетъ нѣсколько кучъ мяса и внутренностей (печени, требухи, легкихъ, сердца и пр.), которыя въ большихъ тарелкахъ посылаются съ дочерьми или другими дѣвушками, приглашенными для этой цѣли, родственницамъ или бѣднымъ вдовамъ. Разсыльныя несутъ эти дары на головѣ на подносахъ чрезъ весь аулъ и получаютъ отъ тѣхъ, кому посылается даръ, по яйцу, по нѣскольку головокъ чесноку, по нѣскольку луковицъ и др. мелочей, которыя передаются хозяйкѣ. Послѣ рѣзки *сугла* горскіе евреи рѣдко когда покупаютъ свѣжаго мяса, развѣ иногда купятъ на шашлыкъ или по случаю большого праздника. Но они снабжаютъ другъ друга свѣжимъ мясомъ и

внутренностями послѣ *своего* сугума. Такая же взаимная раздача происходитъ между ними во время сбора плодовъ, хлѣба и отеленія коровы или буйволицы: тогда посылаютъ они молоко кипяченое и яйца. Но тутъ вмѣсто яицъ получившіе наливаютъ воды въ чашку или тарелку, въ которой былъ принесенъ даръ. Это для того, чтобы корова дала хорошее молоко и не была суха, какъ чашка, которую возвратили безъ воды. Вечеромъ этого дня, т. е., послѣ солепія мяса, приглашается молодежь для рубки мяса, изъ котораго изготовляются колбасы. Почти изъ каждаго дома приходятъ парни и дѣвушки, изъ которыхъ одни рубятъ мясо, другіе чистятъ лукъ, третьи дѣлаютъ шашлыки, четвертые готовятъ закуски, пятые поютъ веселыя пѣсни, разсказываютъ сказки... У каждаго своя работа и никто не сидитъ безъ дѣла. Нельзя не любоваться, смотря на сіяющихъ отъ радости, счастливыхъ молодыхъ людей, которые сидятъ кругомъ на коврахъ попарно, ведутъ бесѣды—каждый со своей возлюбленной, которая улыбается ему, даритъ его любезными словами, и наконецъ, какъ бы въ тактъ, всѣ поднимаютъ и опускаютъ тяжелые топоры. Каждая пара занята собою, дѣлаетъ свое дѣло и не замѣчаетъ, о чемъ говорятъ сидящія по бокамъ ея пары. Весело смотрѣть на сидящихъ передъ очагомъ разрумяненныхъ парней, которые съ усердіемъ вертятъ шомпора надъ огнемъ и пускаютъ остроты въ пѣсняхъ на счетъ той или другой пары, которая отвѣчаетъ имъ тѣмъ же безъ стѣсненія. Часто слышатся при этомъ сальности и нецензурныя слова, которыя во все горло произноситъ какой-либо парень, послѣ чего краснѣютъ дѣвушки, хохочутъ женщины, и опять все идетъ своимъ порядкомъ. Тамъ звонкій смѣхъ сливается съ остротами и веселымъ разговоромъ, тамъ раздается стукъ топоровъ рубящихъ мясо и звонъ мѣдной посуды, тамъ горитъ сало на огнѣ отъ шашлыковъ, поднимается дымъ, тушится огонь, который разгорается съ новой силой,—но атмосфера все таки чище, чѣмъ въ предъидущую ночь въ мужской половинѣ, потому что гораздо меньше или вовсе нѣтъ табачнаго дыма и винныхъ па-

ровъ. Дѣвушки почти совсѣмъ не пьютъ ни водки, ни вина, и парни при нихъ тоже воздерживаются. Парни, окончивъ свои шашлыки, становятся среди комнаты, произносятъ «э шори бирору и хахару» (за радость братьевъ и сестеръ) и приглашаютъ другихъ перестать работать. Тѣ бросаютъ топоры и занимаются закуской, которая подается каждой парѣ или нѣсколькимъ отдѣльно на доскѣ, гдѣ рубится мясо. При этомъ парень или дѣвушка становится передъ всѣми и начинаетъ пѣть, а остальные подпѣвать за нимъ. Антракты и хоровыя пѣсни продолжаются около получаса и раза четыре впродолженіе всей работы. Смотря по количеству *сугума*, *булка* продолжается иногда нѣсколько ночей сряду. По окончаніи работы всѣ садятся ужинать и къ утру возвращаются домой съ хоровыми пѣснями. Послѣ рубки мяса хозяйка приглашаетъ знакомыхъ женщинъ, которыя помогаютъ ей въ изготовленіи колбасъ и развѣшиваніи отдѣльныхъ кусковъ мяса для просушки на поперечныхъ палкахъ, находящихся въ женской половинѣ. При этой работѣ женщины также гуляютъ, болтаютъ между собою и мало уступаютъ мужчинамъ въ употребленіи горячихъ напитковъ. Подобное же участіе принимаютъ женщины, дѣвушки и парни при построеніи сакли какимъ-либо изъ горскихъ евреевъ. Одни изъ нихъ дѣлаютъ грязь, смѣшиваютъ ее съ саманомъ (соломой) и топчутъ ногами, чтобы она была липкой, другіе несутъ ее на крышу, которую вымазываютъ женщины, третьи мажутъ стѣны и полы, четвертые убираютъ дворъ и проч. Черезъ нѣсколько времени хозяинъ поселяется въ новопостроенной саклѣ и приглашаетъ своихъ односельцевъ на ужинъ. На ряду съ стариками занимаютъ почетное мѣсто участвовавшіе въ постройкѣ сакли. Мущины собираются въ особой комнатѣ, а женщины въ женской половинѣ. Иногда на такое торжество приглашаютъ *зурну* и барабанъ и устраиваютъ свадьбу, гдѣ женихомъ и невѣстой служатъ мужъ и жена, которые во второй разъ послѣ брака или свадьбы дѣтей танцуютъ вмѣстѣ при обществѣ. Всѣ хлопаютъ въ ладоши, привѣтствуютъ ихъ радост-

ными улыбками и высказываютъ имъ пожеланіе быть счастливыми въ новомъ домѣ и устроить также счастіе дѣтей.

Изъ домашней жизни горскихъ евреевъ заслуживаютъ также вниманія обычаи носить родственникамъ кушанья по субботамъ, затѣмъ обряды при родахъ и обрѣзаніи и печеніе хлѣба въ чужихъ печахъ.

Только что вышли евреи въ субботу или въ день праздника изъ синагоги и сѣли за праздничный обѣдъ, видишь—по всѣмъ улицамъ и переулкамъ ауловъ тянутся мальчики и дѣвушки съ двумя, тремя тарелками въ рукахъ, покрытыми чистенькими платками. Любопытство задѣваетъ васъ и вы спрашиваете: «что это такое?» «Тара, пермовъ, курзе, ошъ», (названія кушаньевъ) отвѣчаютъ вамъ наивно дѣти, продолжая идти своей дорогой и боясь, чтобы не отняли у нихъ тарелокъ или не толкнули ихъ. Вы все таки ничего не понимаете изъ этихъ отвѣтовъ и начинаете разспрашивать объ этомъ перваго встрѣчнаго. Тотъ отвѣчаетъ вамъ слѣдующее: «видите ли, я человѣкъ бѣдный, и жена моя приготовила только одно кушанье на сегодня. Смотрю, сестра моя посылаетъ мнѣ другое лакомое блюдо, а жена ей изъ своего кушанья; братъ—второе, она изъ своего; сватъ—третье, она опять изъ своего... Такимъ образомъ, на три, четыре тарелки своего простенькаго кушанья, котораго жена изготовила въ изобиліи, мы получили три, четыре другихъ сытныхъ праздничныхъ блюда: вотъ и мы, бѣдняки, пообѣдали по праздничному, не обижая и себя и другихъ, потому что и мы послали имъ изъ своего кушанья!» А что такое несутъ женщины на головѣ въ большихъ деревянныхъ чашкахъ, пріятомъ подъ мышками или въ рукахъ ихъ нѣсколько хворосту или два-три полѣна дровъ?» —спрашиваете вы. «А вотъ что»,—говоритъ онъ: «у насъ каждый порядочный хозяинъ имѣетъ свою печь для печенія хлѣба. Бѣднымъ людямъ имѣть печь—значитъ разориться при теперешней дороговизнѣ дровъ, такъ какъ чтобы вытопить печь—да еще каждую недѣлю, да иногда по два, по три раза въ недѣлю, когда пріѣзжаютъ гости,—нужно на мѣсяцъ по

крайней мѣрѣ три-четыре арбы дровъ. Здѣсь же хозяева топятъ поочередно и, испекши свой хлѣбъ, предоставляютъ свою печку на пользованіе другимъ. Каждая хозяйка, даже и богатая, такъ какъ другой разъ и она вытопитъ свою печь, приходитъ сюда, приноситъ съ собою готовое тѣсто, которое несетъ она на головѣ, въ чашкѣ, и ждетъ своей очереди. Одна кончаетъ, другая бросаетъ сейчасъ свои полѣнья въ печь, чтобы лучше подтопить ее, и начинаетъ дѣлать *чуреки*, которые сейчасъ уже готовы».—Печки бываютъ двухъ родовъ: «курукъ» (въ родѣ русской печи) и «топу». Эта послѣдняя есть яма въ землѣ, имѣющая видъ усѣченнаго конуса, смазанная внутри глиной, съ углубленіями на внутренней сторонѣ и глубиною около одного или полутора арш. Въ *курукъ* кладутся чуреки при помощи деревянныхъ круглыхъ лопатокъ, а въ *топу* прилѣпливаются руками ко внутреннимъ стѣнкамъ ямы. Возлѣ этихъ печей собирается масса женщинъ, которыя занимаются печеніемъ хлѣба иногда до глубокой ночи, каждая ожидая очереди. Между тѣмъ, одна изъ нихъ начинаетъ говорить о новостяхъ, другая разсказываетъ сказки, третья сплетничаетъ на другихъ, четвертая хохочетъ съ знакомкой, пятыя шепчутся и осуждаютъ другихъ, сидящихъ здѣсь, франтихъ... словомъ, вы видите здѣсь пекарню, слышите всѣ аульныя новости, суды и пересуды, смотрите на горскихъ красавицъ, франтихъ... чего же еще? а польза бѣднымъ людямъ все таки есть.

Тутъ же разскажу я объ одномъ обычаѣ горцевъ-евреевъ, основанномъ по общинномъ устройствѣ ихъ жизни. Раньше было сказано, что во время отеленія коровы или буйволицы между горскими евреями происходитъ раздача перваго молока. Для этого изъ молока вмѣстѣ съ яйцами варятъ они предварительно нѣчто въ родѣ сыворотки или простокваши. Сказано было также, что родственники, въ замѣнъ присланной имъ простокваши «хўршово», наливаютъ въ эту посуду воды, для того чтобы отелившаяся корова была молочна. Хозяйка, какъ только ея корова стала давать правильно молоко, входитъ

съ сосѣдками въ «вейре» и носитъ къ одной изъ нихъ по утрамъ нѣсколько кувшиновъ молока. Дѣло въ томъ, что каждая женщина, желая запастись на будущее время бо́льшимъ количествомъ сыра и молока, входитъ въ компанію съ другими сосѣдками и обмѣнивается съ ними поочереди своимъ молокомъ; такъ что около мѣсяца всѣ хозяйки приносятъ одной ежедневно по кувшину молока, затѣмъ другой, третьей и т. д., пока всѣ не будутъ имѣть у себя «вейре». Въ это время эти послѣднія, т. е., имѣющія очередь, одинъ день дѣлаютъ сыръ, другой—сливочное масло, которое послѣ растапливаютъ онѣ въ желтое коровье масло. Для того, чтобы изготовить масло, онѣ наполняютъ сначала кувшины молокомъ и заквашиваютъ его, наливъ въ каждый кувшинъ по ложкѣ кислаго молока. На слѣдующій день созываются на «булка» знакомыя женщины и дѣвицы и садятся за приготовленіе сливочнаго масла, которое производится слѣдующимъ образомъ: въ большіе кувшины съ двумя боковыми ушками наливается до половины кислое молоко, кладется туда по деревянной ложкѣ, затѣмъ кувшины затыкаются сверху крѣпко пробками изъ дерева, которыя обертываются тряпкой, и содержимое подвергается взбалтыванію. Черезъ нѣкоторое время въ кувшинахъ образуется бѣлое сливочное масло, которое снимается и кладется въ чашки съ холодной водой. До окончанія очереди черезъ день происходитъ тоже самое и въ концѣ растапливается все собранное за это время масло. Въ этотъ день собираются участвующія въ «вейре» сосѣдки, пируютъ, гуляютъ вмѣстѣ съ хозяйкой и приводятъ хозяйство ея въ порядокъ. Затѣмъ отправляется къ родственникамъ по немногу сыра и масла и «вейре» переходитъ къ другой хозяйкѣ.

Не менѣе интересны обряды горцевъ-евреевъ при рожденіи дѣтей и при обрѣзаніи. Какъ только женщина чувствуетъ время разрѣшенія отъ бремени, домашніе сейчасъ приглашаютъ «момой» (бабку). Родитъ горская еврейка или стоя или на колѣняхъ и поддерживаясь посредствомъ веревки, переки-

нутой черезъ брусья въ потолкѣ, или лежа на землѣ, гдѣ приготовляется ей соломенная постель. Комната при родахъ наполняется постепенно изъ всего аула женщинами, которыя идутъ къ родильницѣ, принося съ собою въ большихъ чашкахъ и тарелкахъ, покрытыхъ платками, муку, крупу, яйца, чеснокъ и проч. Все это собирается для бабки.

Послѣ того, какъ всѣ женщины собрались, одна изъ родственницъ родильницы беретъ кусокъ бѣлаго полотна, бязи или другой бѣлой матеріи, аршиновъ въ 5 — 6, и перевѣшиваетъ ее черезъ дверь такъ, чтобы одинаково ровно была видна она снаружи и внутри. Этотъ кусокъ остается до тѣхъ поръ, пока родильница не встанетъ совсѣмъ здоровой, и потомъ опъ дарится «момой». Для чего это дѣлается, достовѣрно никто не знаетъ; но полагаютъ, что бѣлый цвѣтъ матеріи служитъ для удаленія нечистаго духа.

При сильныхъ боляхъ посылаютъ кого-нибудь на кладбище, чтобы принести горсть земли изъ могилы такого-то покойника. Посланный выкапыстъ изъ глубины могилы немного земли, которую, смѣшавъ съ водою, и даютъ страдающей. Если и это средство не помогаетъ, то мужъ приглашаетъ учениковъ раввина, изъ которыхъ одни трубятъ въ трубы, употребляемыя евреями въ Судный день и на Новый годъ при общественной молитвѣ, а другіе читаютъ псалмы. Всѣ начинаютъ молиться: «је Худо, тӯ шоръ хилосъ-сохошъ! (Единый Боже! дай ей радостно разрѣшиться). Наконецъ всѣ успокоиваются и начинаютъ разспрашивать бабку: «сынъ или дочь». Если сынъ, то бабка сейчасъ говоритъ и проситъ у отца за «бешереи» (радостную вѣсть) подарка. Отецъ съ удовольствіемъ исполняетъ ея просьбу и, пригласивъ присутствовавшихъ и утѣшавшихъ его въ купацкую комнату, начинаетъ угощать ихъ виномъ и закусками. Всюду раздаются радостныя рѣчи, слышатся смѣхъ и говоръ, вездѣ встрѣчаешь сіяющія лица. Особенно радуется мать при этомъ радостномъ извѣстіи, такъ какъ за это всѣ начинаютъ питать къ ней особое уваженіе. Отецъ новорожденнаго посылаетъ сейчасъ кого либо изъ маль-

чиковъ на женскую половину, чтобы онъ прибилъ къ стѣнамъ, надъ окнами и дверьми, различныя бумажки, на которыхъ написаны имена ангеловъ-хранителей. Это дѣлается для того, чтобы злые духи не причинили новорожденному и матери вреда. Первое время «момой» кормитъ мать однимъ жидкимъ мучнымъ супомъ безъ мяса и приправъ. Къ родильницѣ воспрещается входъ мужу и всякому мужчинѣ, также и женщинѣ, имѣющей при себѣ какую либо плотную вещь, пока при родильницѣ не будетъ золота. Въ противномъ случаѣ съ новорожденнымъ дѣлается «чӳле»—болѣзнь 40-ка, которая задерживаетъ ростъ ребенка. Въ эти дни мать безпрестанно посѣщаютъ женщины, а отца новорожденнаго мужчины. Тѣхъ и другихъ хозяева угощаютъ алвою, шашлыками и виномъ. Родственники-же и родственницы дарятъ бабку деньгами, каждый по 20—30 коп., и дѣлаютъ ей подарки. Наконецъ приходитъ восьмой день, въ который совершаютъ обрядъ обрѣзанія надъ ребенкомъ, по установленію закона Моисея. Операцію обрѣзанія дѣлаетъ раввинъ или рѣзникъ и почти всегда очень искусно. Рану обмываютъ ртомъ, набирая въ него уксусу, и посыпаютъ обожженною шерстью и порошкомъ изъ особой обожженной глины. Черезъ три-четыре дня рана заживаетъ, и ребенокъ дѣлается здоровымъ. Имена, даваемыя новорожденнымъ, большею частью бываютъ наслѣдственныя, т. е., умершихъ отцовъ, дядей, братьевъ и т. п. и взятыя изъ пятикнижія Моисеева и изъ книгъ пророковъ или составленныя самими родителями по отношенію къ какимъ либо предметамъ, какъ напр.: «Татли» (сладкій), Шеребетъ (питье) и друг. Часто встрѣчаются также имена сильныхъ животныхъ и драгоцѣнныхъ металловъ. Эти послѣднія даются большею частью женщинамъ. Къ именамъ мужчинъ относятся: «Асланъ (левъ), Коплонъ (тигръ), Ождоho (чудовище, змѣя) и пр. Церемонія обрѣзанія происходитъ большею частью въ синагогѣ и очень рѣдко дома и состоитъ въ слѣдующемъ: новорожденнаго приносятъ на большей подушкѣ въ синагогу, гдѣ передается онъ «отцу по обрѣзанію»

(какъ у русскихъ—крестному), который сидитъ на креслѣ, назначенномъ для обрѣзанія и называемомъ «кресло Ильи Пророка». На рукахъ этого отца производитъ рабби свою операцію, а настоящій отецъ произноситъ въ это время извѣстную молитву и даетъ ребенку имя. Затѣмъ наливаетъ въ стаканъ вино, надъ которымъ раввинъ служитъ молебствіе, наливая затѣмъ мизинцемъ новорожденному въ ротъ нѣсколько капель со словами: «да проживешь ты съ этою кровью». Послѣ совершенія обряда тутъ же въ синагогѣ дается присутствующимъ закуска, состоящая изъ водки, вина, куръ и гусей. Каждый подходитъ къ столу, отламываетъ руками кусокъ хлѣба, отрываетъ кусокъ мяса, наливаетъ себѣ рюмку водки или стаканъ вина и уходитъ. Богатые же устраиваютъ настоящій «обѣдъ обрѣзанія» и приглашаютъ всѣхъ въ аулѣ или городѣ.

Совсѣмъ не такъ встрѣчаютъ евреи-горцы новорожденную дѣвочку. Мужъ, родственники и даже «момой» оставляютъ мать безъ всякаго вниманія и не прислуживаютъ ей. Такимъ образомъ дочь съ самого рожденія приноситъ бѣдной матери горе, и на нее смотрятъ только, какъ на будущую рабочую силу.

Женщина лежитъ въ постели послѣ родовъ обыкновенно дней девять-десять и не больше двухъ недѣль. Послѣ рожденія мальчика она идетъ на омовеніе черезъ 40 дней, а послѣ дѣвочки черезъ 60. Ребенокъ 40 дней не выносится изъ дому, чтобы съ нимъ не сдѣлалась «чӯле» — «болѣзнь 40-ка».

ГЛАВА III.

Женитьба.—Положеніе женщины какъ причины различныхъ несчастій.—Обряды горцевъ-евреевъ при помолвкѣ дѣтей и обрученіи.—Женихъ и невѣста.—Приглашеніе жениха родителями невѣсты. „Гечелей“ (ночныя свиданія). — О разводѣ. — Взглядъ общества на гечелеи. — „Табагъ“. — Пресѣченіе пути жениху и невѣстѣ.—Повѣрія.—Свадьба.

Женитьба сопряжена для еврея-горца съ большими трудностями и многолѣтними стараніями о скопленіи нѣкоторой

суммы, для того чтобы купить себѣ невѣсту. Обычай требуетъ, чтобы еврей-горецъ, вздумавшій жениться, заплатилъ родителямъ невѣсты деньги, которыя называются «калынъ». Калынъ рѣдко доходитъ до суммы менѣе 150 р. сер., а если къ этому прибавить, что свадьба продолжается обыкновенно около четырехъ сутокъ, справляется также на счетъ жениха и что подвѣнечныя одежды, по обычаю горцевъ богато обшитыя серебряными и золотыми галунами, должны быть сдѣланы имъ же, то въ итогѣ выходитъ, что горецъ, чтобы жениться, долженъ имѣть minimum 300, 400 руб. сер.—сумму, по ихъ средствамъ, совсѣмъ не малую, почему у евреевъ-горцевъ старые холостяки далеко не рѣдкое явленіе. Но такъ или иначе еврей-горецъ, считающійся порядочнымъ человѣкомъ, долженъ жениться и слѣдовательно стараться скопить денегъ; иначе на него смотрятъ всюду, какъ на неблагороднаго горца, не достойнаго носить папаху (шапку) и кинжалъ. Конечно, пристроить дѣтей, братьевъ, сестеръ и прочихъ родныхъ представляется евреямъ старикамъ дѣломъ и труднымъ и несомнѣнно радостнымъ, такъ какъ молодые, обвѣнчавшись, какъ говорятъ они, не будутъ заниматься баловствомъ и привыкнутъ къ семейному очагу. Однакожъ, между этими преждевременно пристроенными молодыми людьми мы находимъ массу несчастныхъ. Это объясняется двумя причинами, именно: во 1-хъ распространеніемъ чахотки, которая въ послѣдніе годы съ большей и большей силой стала надрывать преимущественно молодое поколѣніе и всего чаще мужчинъ отъ 15-ти до 30 ти, 35-ти лѣтъ, и, во 2-хъ, способами лѣченія взрослыхъ и дѣтей мѣстными врачами. Нѣтъ сомнѣнія, какъ это подтверждаютъ многіе старожилы кавказскихъ племенъ, что двадцать, тридцать лѣтъ тому назадъ гораздо было меньше умирающей молодежи, и никогда чахотка не косила ея такъ, какъ въ послѣдніе годы. Это относится не къ однимъ горцамъ евреямъ, но и къ горцамъ мусульманамъ. Причину пагубнаго распространенія чахотки, какъ объясняютъ многіе, слѣдуетъ искать, во 1-хъ, въ самомъ образѣ жизни горцевъ и, во 2-хъ, въ рас-

пространеніи русскаго владычества на Кавказѣ. Обычай всѣхъ горцевъ требуетъ, чтобы молодые люди—парни и дѣвушки—не видали другъ друга, и дѣвушкѣ показываться мужчинамъ или назначать имъ свиданія воспрещается безусловно и строжайше. Поэтому дѣвушки до замужества ведутъ почти замкнутую жизнь и никуда не показываются, исключая тѣхъ случаевъ, когда онѣ посѣщаютъ другъ друга, присутствуютъ на свадьбахъ и бываютъ на «булка», ночныхъ собраніяхъ, о которыхъ было сказано выше. Вслѣдствіе этого дѣвушки горскихъ евреевъ отличаются тѣми же свойствами, какъ и всѣ женщины востока: онѣ стыдливы, робки и крайне невѣжественны, но вмѣстѣ съ тѣмъ строго цѣломудренны и трудолюбивы. Жизнь замужнихъ женщинъ не на много лучше жизни дѣвушекъ. Выходя изъ дому на работу, она должна наклонить голову, окутаться кругомъ шалью или бѣлымъ платкомъ, чтобы видны были одни глаза, не должна оглядываться по сторонамъ и говорить съ чужимъ мужчиной, даже и съ родственникомъ, ни слова, иначе быть бѣдѣ: или мужъ замѣтитъ это и исколотитъ ее, или же другіе распустятъ о ней по аулу Богъ вѣдаетъ какіе слухи: тогда не показывайся въ свѣтъ, не смотри мужу въ глаза и добровольно дѣлайся «езитомъ», т. е. личностью, презираемою всѣми и на которую можетъ плевать всякій безъ суда и расправы. Точно также и дома женщина должна скрывать себя отъ взоровъ посѣтителей или гостей и жить вмѣстѣ съ дѣтьми въ особой комнатѣ или кухнѣ. Замѣчательно то, что этотъ строгій наказъ, передающійся изъ поколѣнія въ поколѣніе, «не смѣй безъ особенной нужды выйти за порогъ», ничуть не возбуждаетъ ропота среди женщинъ, какъ думаютъ просвѣщенные народы; натура ихъ, какъ видно, привыкла вѣками сидѣть дома и даже до того, что ихъ никакія блага міра, никакія удовольствія не тянутъ никуда, и онѣ сами готовы дѣлать все дома и копаться вѣчно въ своей стряпнѣ, шитьѣ и хозяйствѣ, не думая больше ни о чемъ, лишь бы не выходить изъ дому куда нибудь, гдѣ противные мужчины будутъ глазѣть на нихъ. Вообще поло-

женіе дѣвушки до замужества и женщины ничѣмъ не отличается у горскихъ евреевъ отъ такого же тяжелаго положенія ихъ у другихъ восточныхъ народовъ. Когда еврей-горецъ случайно увидитъ дѣвушку, памѣтитъ ее для себя и вздумаетъ на ней жениться, не зная совершенно ни ея натуры, ни ея характера, то онъ увѣдомляетъ чрезъ кого либо изъ близкихъ товарищей объ этомъ своего отца, который посылаетъ къ отцу дѣвушки сватовъ, обыкновенно родственниковъ, или идетъ и самъ съ ними. Женихъ не можетъ сказать отцу о своемъ намѣреніи лично, ибо, по обычаю, «совѣстно» говорить дѣтямъ со своими родителями о бракѣ, а дѣвушка не принимаетъ даже и такого участія: о согласіи ея на бракъ большею частью не освѣдомляются, и если спрашиваютъ,—то лишь для очистки совѣсти тоже чрезъ ея подругу. Дѣвушка, не разбирая, хорошъ ли женихъ или нѣтъ, — должна какъ «благовоспитанная дѣвушка» отвѣтить, что «согласна на все, что они (тутъ подразумѣваются родители, братья и родственники) ни сдѣлаютъ съ ней». Женщины, даже матери, также вовсе не вмѣшиваются въ вопросъ о бракѣ. Такимъ образомъ переговоры ведутся отцами и родственниками и преимущественно касаются размѣра калыма. Подобные переговоры съ сыновьями при сватовствѣ ведутся только такими родителями, которые боятся своихъ «капризныхъ дѣтей», чтобы тѣ послѣ не пеняли на нихъ и чтобы родители могли заставить сыновей отказаться отъ развода, въ случаѣ если послѣдніе захотятъ развестись съ женами, сказавъ, что бракъ былъ заключенъ противъ ихъ желанія. Большею же частью отцы сходятся другъ съ другомъ гдѣ нибудь въ гостяхъ и, подъ вліяніемъ горячихъ напитковъ, даютъ другъ другу руки, произносятъ слова клятвы—быть вѣчными друзьями—и соглашаются ради этого при свидѣтеляхъ соединить своихъ дѣтей. Такіе случаи, которые, какъ сказано, бываютъ очень часто, происходятъ и при возрастѣ дѣтей, и при младенчествѣ ихъ, такъ что многіе изъ сговоренныхъ или помолвленныхъ дѣтей въ глаза не видятъ другъ друга, живя въ разныхъ городахъ или

аулахъ, до самаго дня свадьбы. Какъ сказалъ я, дѣвушки мирятся со своимъ положеніемъ; онѣ привыкли къ такому порядку вещей, но молодые люди не могутъ вынести жизни съ часто злыми и сварливыми женами и не рѣшаются объ этомъ сказать родителямъ, которые все равно не послушаются ихъ, тѣмъ болѣе, если жены сумѣютъ себя какъ слѣдуетъ поставить и угодить родственникамъ. Вслѣдствіе этого въ концѣ концовъ молодые люди впадаютъ въ неодолимую тоску и наконецъ въ чахотку: Какъ фактъ—разскажу несчастную исторію одного изъ моихъ аульныхъ товарищей Р., который умеръ, такъ сказать, во цвѣтѣ лѣтъ отъ подобной женитьбы. Ему было 21 годъ. Невѣста была засватана за него еще ребенкомъ и онъ не зналъ и не видѣлъ ея, живя отъ нея за 300, 400 верстъ (онъ былъ въ Тарки, а она съ Дербентѣ). Она не понравилась ему послѣ перваго же свиданія и стала ему противна. Не смотря на слово «совѣстно», онъ упрашивалъ отца отпустить ее, дать ей разводъ и все приданое, которое привезла она съ собою. Отецъ упорно не соглашался, говоря, что у него нѣтъ денегъ, которыя нужно дать въ этомъ случаѣ невѣстѣ наличными за привезенное ею приданое, какъ требуется это по «адату». По истеченіи 4-хъ мѣсяцевъ послѣ свадьбы молодой человѣкъ слегъ въ постель и сильно заболѣлъ. Я былъ въ это время въ VI кл. реальнагоу чилища гор. Т. Х. Ш. и, услышавъ объ опасной болѣзни любимаго товарища дѣтства, отправился провѣдать больнаго. Онъ жилъ въ аулѣ Тарки. Не могу вспомнить о немъ и по настоящее время безъ слезъ: такъ онъ былъ несчастенъ и жалокъ.—«Товарищъ», сказалъ онъ мнѣ, взявъ мою руку своею, пылающею отъ жара — «посмотри на нее (жена убирала комнату)—она точила какъ червь вотъ эти шесть мѣсяцевъ мою душу и совсѣмъ заѣла меня. Я просилъ, умолялъ ее взять разводъ, сжалиться надъ моею молодостью и потребовать этого отъ батюшки... она и до сихъ поръ, когда я уже на смертномъ одрѣ, торчитъ у меня предъ глазами... Смотри же, товарищъ, будь остороженъ: знаю, что и ты не любишь своей невѣсты, но они настаиваютъ,

чтобы ты женился теперь; лучше умри или пускай убьютъ тебя до женитьбы, чѣмъ вотъ этакъ!..» (Онъ кашлянулъ кровью!) Чрезъ мѣсяцъ, когда я пріѣхалъ въ аулъ на каникулы, его уже не было, и родные его, въ томъ числѣ и жена, были въ глубокомъ траурѣ. Слѣдуя обычаямъ, родители умершаго черезъ годъ выдали вдову покойника за 2-го своего сына, меньшаго, 18-ти-лѣтняго брата покойнаго. Ни онъ, ни она, не соглашались сначала на этотъ несчастный бракъ, но, подавленные всеобщимъ требованіемъ, должны были уступить. Спустя полтора года у нихъ родился отъ этого брака мальчикъ, названный именемъ моего умершаго товарища. Въ послѣднее мое путешествіе я встрѣтилъ ее въ Дербентѣ, больную также чахоткой, и недавно увѣдомили меня о ея смерти. Такихъ случаевъ много между несчастными въ этомъ отношеніи кавказцами. Но мнѣ не разъ приходилось по этому поводу слышать горькую правду изъ устъ нашихъ стариковъ: «Отчего, молъ, всего этого не бывало прежде! мы, молъ, всѣ и наши дѣды, прадѣды женились такимъ образомъ...» «Нѣтъ», продолжали они, «въ этомъ виноваты русскіе города, гдѣ царствуетъ развратъ, гдѣ дѣвушки ходятъ по улицамъ, садамъ и кабакамъ и чуть ли не зовутъ молодежь къ себѣ среди бѣлаго дня и при всѣхъ, потерявъ всякую женскую стыдливость; теперь молодежь предается разврату и перестаетъ питать уваженіе и любовь къ своимъ женамъ». Все это можетъ быть отчасти правда, но мнѣ кажется, что главную причину зла нужно искать въ обычаѣ, заставляющемъ дѣвушку «не показываться молодежи нигдѣ и ни подъ какимъ видомъ».

Находясь подъ вліяніемъ палящихъ лучей южнаго солнца, молодежь развивается необыкновенно быстро и начинаетъ искать различныхъ невинныхъ развлеченій, которыхъ она не можетъ найти въ своихъ родныхъ аулахъ. Дѣвочкамъ, подъ страхомъ жестокаго наказанія, воспрещаютъ имѣть съ мальчиками сношеніе или затѣвать съ ними какую-либо игру. Но онѣ привыкли съ дѣтства никуда не выходить и, не имѣя понятія объ удовольствіяхъ, могутъ заглушить въ себѣ раз-

личныя желанія, свойственныя ихъ возрасту. Съ мальчиками же происходитъ совсѣмъ иное. Бывая въ городахъ, они соблазняются сперва холодными напитками, потомъ горячими и горькими, а тамъ и развратомъ. Послѣдствіемъ всего этого выходитъ то, что мальчикъ 13—14 лѣтъ обираетъ отца и несетъ все, что попадается ему въ руки, считая тутъ и свои заработки, въ притонъ разврата, отъ которыхъ не далеко и до чахотки.

Раньше уже было сказано, что горскіе евреи совершаютъ помолвку своихъ дѣтей или еще во младенчествѣ ихъ, или уже въ ихъ возрастѣ, но что дѣти не принимаютъ никакого участія въ этой помолвкѣ, и переговоры, касающіеся лишь размѣра «калына», ведутся отцами или другими родственниками. Теперь разскажу о нѣкоторыхъ обычаяхъ горскихъ евреевъ, совершающихся при обрядѣ обрученія и свадьбы; кромѣ того укажу еще на нѣсколько своеобразныхъ церемоній, совершающихся между женихомъ и родителями невѣсты, между женихомъ и невѣстой въ періодѣ между обрученіемъ и свадьбой.

Когда переговоры обѣихъ брачущихся сторонъ прійдутъ къ благопріятному результату и день обрученія извѣстенъ, родители жениха начинаютъ готовиться къ покупкѣ подарковъ, требуемыхъ при обрученіи, и доставкѣ задатка, состоящаго изъ 40—50 руб., что, конечно, трудно сразу раздобыть бѣдному человѣку. Вечеромъ, въ назначенный день обрученія, сакли родителей жениха постепенно начинаютъ наполняться гостями, и каждый приходящій занимаетъ свое, приготовленное ему, мѣсто на полу, или стоитъ около стѣны и ждетъ прихода раби и почетныхъ лицъ. Въ это время въ женской половинѣ происходятъ споры и раздоры между матерью жениха, замужними дочерьми ея или невѣстками, если есть таковыя, изъ за подарковъ, которые должны даваться теперь новобрачной. Дѣло въ томъ, что каждая мать старается тайкомъ отъ мужа и домашнихъ приготовить для будущей жены одного изъ любимыхъ сыновей какую либо драгоцѣнную

вещь или спрятать ей самую лучшую изъ своихъ вещицъ, полученныхъ ею отъ мужа, будучи еще невѣстой, или отъ отца. Этимъ, конечно, она думаетъ пріобрѣсти впослѣдствіи особое расположеніе будущей невѣстки и ожидаетъ отъ нея покорности и почитанія. Теперь, когда всѣ вещи ея должны выйти на показъ и поступить на общій семейный совѣтъ, она подвергается со всѣхъ сторонъ нападеніямъ. Дочери укоряютъ ее въ холодности и пристрастіи, а невѣстки въ ехидности, коварствѣ и лицемѣріи. Иногда и мужъ, если онъ имѣетъ въ виду женить другаго своего сына на своей племянницѣ, что очень часто бываетъ у евреевъ-горцевъ, также пристаетъ къ женѣ, чтобы она оставила такую то вещь дома (тѣмъ болѣе, если она родовая) и отправила невѣстѣ болѣе дешевую, отчего жена въ свою очередь приходитъ въ негодованіе и наотрѣзъ говоритъ мужу, что вещи принадлежатъ ей, и она въ правѣ дарить ихъ кому угодно. Уступчивый мужъ соглашается, и домашній споръ кончается, а болѣе упорный требуетъ исполненія своего приказанія, какъ главы дома. Слово за слово—всѣ бросаются на бѣдную мать и начинаютъ терзать ее со всѣхъ сторонъ... и это за два, за три часа до тѣхъ счастливыхъ минутъ, въ которыя родители плачутъ отъ радости и приговариваютъ: «слава Тебѣ, Господи, что ты помогъ мнѣ видѣть счастіе моего дорогого малютки». Варварство мужа доходитъ до того, что онъ вырываетъ изъ рукъ жены вещи, колотитъ ее и оставляетъ ее рыдающей дома, строго приказавъ, чтобы она не смѣла выходить изъ женской комнаты, а самъ идетъ въ мужскую половину, откуда, наконецъ, когда всѣ соберутся, родители съ гостями и дочерьми, несущими на головахъ подносы, отправляются съ пѣснями къ невѣстѣ. На подносахъ лежатъ главные подарки, состоящіе изъ шелковаго платка, золотого или серебрянаго кольца, привязаннаго къ уголку перваго, иногда изъ серегъ и «hейкела» (талисмана), имѣющаго видъ пустой трубки, закрытой въ концахъ, и съ колечками по бокамъ и снизу, гдѣ привѣшиваются серебряныя монеты. Онъ прикрѣпляется

подъ мышкой свадебнаго архалука и считается лучшимъ украшеніемъ наряда дѣвушки. Когда она поднимаетъ руки во время танцевъ, то талисманъ качается и монеты, ударяясь одна о другую, производятъ звукъ, заставляющій обратить на нее вниманіе присутствующихъ и вызывающій хлопанье въ ладоши, чтобы она танцовала живѣе и веселѣе. Мать, любящая дѣтей и мужа, терпѣливо переноситъ побои и униженія, скрываетъ свои страданія, подавляетъ слезы, чтобы не дѣлать шума, не обратить на себя вниманія мужчинъ, сидящихъ въ другой комнатѣ. Но не всѣ матери такъ сильны и нечувствительны къ униженіямъ; часто въ этихъ случаяхъ доносятся въ мужскую половину вопли и рыданія, раздирающія душу, требованіе развода и пр. Тогда мужчины бѣгутъ туда и стараются примирить супруговъ. Иногда невѣстамъ дарятся такія вещи, которыя должны переходить изъ рода въ родъ и, слѣдовательно, даваться только женамъ сыновей. Такія старинныя вещи бываютъ почти у каждой женщины, но онѣ ихъ почти не носятъ и держатъ въ сундукахъ, пока не придетъ время выпуть ихъ по случаю обрученія дѣтей. Вообще надо замѣтить, что горскія женщины не любятъ одѣваться щеголевато и надѣвать на себя золото и серебро. Одежды ихъ большею частью простенькія ситцевыя, но съ соблюденіемъ чистоты и изящества. Свадебныя шелковыя платья ихъ, отдѣланныя кругомъ золотыми галунами, лежатъ постоянно въ сундукахъ, теряютъ тамъ цвѣтъ свой и нерѣдко превращаются въ лохмотья.

Подарки для невѣсты, какъ сказано, несутся на подносѣ одною изъ сестеръ или родственницъ жениха; но кромѣ дочерей выступаютъ впереди шествія еще двѣ-три дѣвушки, которыя несутъ на головѣ, на такихъ же мѣдныхъ подносахъ, подарки для родителей невѣсты. Эти подарки, по обычаю, состоятъ изъ риса фунтовъ 10—15, большого куска копченаго мяса, двухъ-трехъ колбасъ и куска курдючьяго сала. Наконецъ къ нимъ присоединяются нѣсколько юношей, которые несутъ на рукахъ большіе кувшины и графины, на-

полненные виномъ и водкой. Вся процессія, имѣя во главѣ этихъ представительницъ и представителей, которые громко распѣваютъ «ḥоло-лой» и «анай-десемъ-ананай», двигается къ невѣстѣ.

Женихъ въ этотъ вечеръ скрывается отъ родителей, такъ какъ, по адату, ему совѣстно быть теперь дома, гдѣ ежеминутно произносятъ имя его невѣсты, и ночуетъ у одного изъ своихъ товарищей. Здѣсь, сидя съ поникшей головой и не замѣчая окружающихъ, старающихся доставить ему развлеченіе своими анекдотами и веселыми разсказами, онъ все думаетъ о будущей невѣстѣ,—кто она и что она, будущая жена его. Съ замираніемъ сердца, представляя въ своемъ воображеніи всю происходящую теперь у невѣсты картину, ждетъ онъ появленія зари и начатія работы, которая избавила бы его отъ этихъ тяжелыхъ сомнѣній и глубокаго раздумья. Товарищъ разсказываетъ ему веселые анекдоты, наливаетъ вина, доставляетъ изъ другой комнаты тарелку за тарелкой, наполненныя шашлыкомъ, пловомъ и разными кушаньями, но онъ ничего не замѣчаетъ. Передъ нимъ безпрестанно проносятся однѣ картины за другими, и онъ все думаетъ объ одномъ: «что дѣлаютъ теперь у невѣсты? Ахъ, какъ бы мнѣ хотѣлось побыть тамъ», думается ему: «посмотрѣть на невѣсту!..» Вотъ вошли всѣ въ комнату, «чудится ему: «вотъ невѣста побѣжала въ другую половину, братъ его или родственникъ накрываетъ шалью ея голову, на палецъ надѣваетъ кольцо, на уши—серги, а она краснѣетъ, закрываетъ лицо рукавомъ и отвертывается къ стѣнѣ; вотъ *раббu* пишетъ «тоной» (условіе обрученія) и пр. и пр.

По заключеніи «тоноя» раввиномъ и назначеніи родителями условій (когда уплатить оставшіяся выкупныя деньги и сколько паръ платья и обуви женихъ долженъ сдѣлать невѣстѣ), гости садятся ужинать, а молодежь, собравшись въ комнатѣ невѣсты, проводитъ время въ танцахъ и пѣсняхъ. Невѣста, закутанная атрибутомъ обрученія — платкомъ и окруженная подругами, закрываетъ лицо широкимъ рукавомъ и стоитъ неподвижно, обернувшись къ стѣнѣ, пока не разойдутся всѣ гости. Послѣ ужина постороннiе уходятъ,

а родственники думоръ—а (жениха), остаются для совершенія обряда «еришермъ арӱсъ-а́ вокурде» («открытія лица невѣсты и благодаренія ея за оказанное уваженіе», такъ какъ она со стыда закрываетъ отъ нихъ лице свое). Въ комнатѣ невѣсты отводится кругъ для танцевъ. Каждый изъ присутствующихъ, начиная съ родителей жениха, а если новообрученные связаны близкимъ родствомъ, то также и невѣсты, подходитъ къ дѣвушкамъ, во главѣ которыхъ стоитъ одна родственница-распорядительница, и проситъ пустить невѣсту съ нимъ танцовать. Невѣста выходитъ, продолжая закрывать лицо рукавомъ, и идетъ тихо по кругу, спотыкаясь по мѣстамъ, такъ какъ не видитъ пола. Сдѣлавъ два три круга и обнявъ лѣвой рукой танцующаго съ ней, она идетъ обратно на свое мѣсто. Въ это время танцовавшій снимаетъ шапку въ знакъ благодарности и даетъ распорядительницѣ какую либо серебряную или золотую монету, послѣ чего подруги поютъ протяжно «hей шобошъ». Положимъ танцовавшаго зовутъ «Бинеми» (Веніаминъ), и онъ отдалъ монету—рубль. Тогда онѣ поютъ: «hей шобошъ, hей шобошъ, Бинеми-ре шобошъ-hей-шобошъ; je моноте шобошъ, hей-шобошъ. (Да будетъ здоровъ Бинеми, да веселимся мы; веселимся за того, который отдалъ рубль). Затѣмъ подходятъ по очереди прочіе, танцуютъ также съ нею подъ аккомпаниментъ гармоніи или зурны съ барабаномъ и дарятъ невѣсту деньгами по состоянію. Съ этого вечера невѣста перестаетъ закрывать лицо свое отъ сказавшихъ ей, «согъ боши» (поблагодарившихъ) и, если тѣ приходятъ въ ея семью, то она сейчасъ же встаетъ, кладетъ имъ на полъ подушки, чтобы они сѣли, и стоитъ около стѣны, опустивъ скромно руки и ни слова не говоря, пока они не уйдутъ. При малѣйшемъ движеніи гостя, она моментально бросаетъ на него свой вопросительный взглядъ и ждетъ приказанія. Услыша какую либо просьбу гостя, она бѣжитъ туда-сюда и сейчасъ же все готово. Усердіе и почтеніе нѣко-

---

*) Франц. j.

торыхъ невѣстъ къ гостямъ доходятъ до того, что онѣ несутъ на ладони или между пальцами тлѣющій уголь и держатъ его, не смотря на обжегъ, пока тѣ не закурятъ своей трубки или папироски, которыя въ послѣднее время вошли въ моду. Чѣмъ болѣе невѣста оказываетъ такихъ услугъ, которыя сопровождаются для нея болью и страданіями, тѣмъ болѣе родственники остаются довольны ею и считаютъ ее за *настоящую* горскую дѣвушку. Они часто приглашаютъ невѣсту садиться, чтобы испытать ее, и просиживаютъ иногда цѣлый день, въ теченіе котораго она должна стоять на ногахъ и не выказывать ни малѣйшаго неудовольствія. Замѣчательно то, что она чувствуетъ впродолженіе всего этого дня наслажденіе, а не тягость и особенно уважаетъ тѣхъ, которые требуютъ отъ нея разныхъ услугъ. Кромѣ этого невѣста выказываетъ свое уваженіе къ гостямъ тѣмъ, что не говоритъ съ ними словами, а пантомимой—киваніемъ и качаніемъ головы—и перемѣняетъ настоящія имена ихъ на болѣе нѣжныя и громкія. Всякій изъ близкихъ родственниковъ интересуется и разспрашиваетъ другихъ, какимъ именемъ называетъ его невѣста, обижается, если она не перемѣнила и его имени. При разговорѣ съ ними, она слушаетъ ихъ со вниманіемъ, улыбается чуть замѣтно, когда они разсказываютъ смѣшное или смѣются. Но Боже упаси, чтобы былъ слышенъ ея голосъ, или чтобы она зѣвнула: сейчасъ начнутъ всюду говорить объ этомъ и осуждать ее. Молчаніе невѣсты продолжается съ каждымъ изъ родственниковъ до тѣхъ поръ, пока ему не вздумается заставить ее говорить и услышать ея голосъ. Невѣста же долго не соглашается заговорить съ нимъ и продолжаетъ отвѣчать ему киваніемъ или качаніемъ головы. Тогда родственникъ пристаетъ къ ней, говоря, что онъ не понимаетъ пантомимы и не слышитъ ничего, и послѣ этого невѣста чуть слышно и внятно произноситъ отвѣтъ. Конечно, такія шутки сопровождаются громкимъ смѣхомъ присутствующихъ тутъ же родителей ея и порицаніями, что она не сумѣла воздержаться и помучить долго родственника. Для того, чтобы заговорить

съ невѣстой и услышать ся голосъ, каждый родственникъ приноситъ ей какую либо монету, кольцо, шелковый платокъ, башмаки съ отдѣлкой, матерію для платья и т. п. Послѣ этого невѣста, не стѣсняясь, начинаетъ говорить съ ними, бесѣдуетъ по цѣлымъ часамъ и смѣется, но не ѣстъ и не пьетъ при нихъ. Если случается, что входитъ къ нимъ гость во время обѣда или ужина, то она сейчасъ встаетъ съ мѣста и стоитъ въ сторонѣ, какъ ни въ чемъ не бывало. Любимая услуга отъ невѣсты, считающаяся наслажденіемъ для родственниковъ, состоитъ въ томъ, что они приходятъ къ ней по субботамъ или большимъ праздникамъ и заставляютъ ее искать у нихъ въ головѣ. Родственникъ, растянувшійся во всю длину на кровати или мягкомъ одѣялѣ и положившій свою голову на ея колѣни, засыпаетъ подъ вліяніемъ этого наслажденія,—и невѣста, не смѣя нарушить его блаженный сонъ, сидитъ въ прежнемъ положеніи и продолжаетъ трещать ногтями, если въ комнатѣ нѣтъ другого гостя. Какъ только пришелъ другой, она тихонько подкладываетъ подъ голову спящаго мягкую подушку и предлагаетъ пришедшему свои услуги. Самое большое уваженіе оказываетъ невѣста избранному другу жениха, который исполняетъ роль посредника между молодыми и передаетъ жениху всѣ впечатлѣнія, произведенныя на него невѣстой, но только съ хорошей стороны. Женихъ самъ не видитъ невѣсты и не имѣетъ возможности говорить съ нею, пока родители ея не поблагодарятъ его за оказанныя имъ почтеніе и покорность и не пригласятъ его къ себѣ вмѣстѣ съ друзьями. (Объ этомъ будетъ сказано ниже). Видя достоинство свое въ скромности, молчаніи, въ оказываніи различныхъ услугъ родственникамъ и друзьямъ жениха, невѣста дольше всего не говоритъ съ другомъ жениха и дѣлаетъ ему кисеты, чехлы для часовъ и оружія и ермолки, отдѣланныя бисеромъ, галунами и мишурными украшеніями. Рѣдко кто не имѣетъ подарка отъ невѣсты, и въ свою очередь тѣ также дарятъ ее серебряными вещами и матеріями. Другъ жениха часто приноситъ невѣстѣ также подарки отъ

себя и жениха. Подарки жениха не показываются невѣстой, такъ какъ ей стыдно имѣть вещь, напоминающую объ имени жениха, и кладутся въ такое мѣсто, чтобы родители ея могли видѣть, какъ женихъ цѣнитъ ее и радовались. Увидя вещь и встрѣтивъ молчаніе дочери относительно ея, они догадываются и разспрашиваютъ, послѣ чего невѣста надѣваетъ ее на себя и носитъ постоянно. Для того, чтобы сдѣлать жениху подарокъ, она сидитъ по цѣлымъ днямъ и ночамъ въ особой комнатѣ и прячетъ изготовляемый подарокъ при входѣ каждаго, взявъ сейчасъ же въ руки другую работу. Кромѣ того, родители жениха и невѣсты посылаютъ по праздникамъ другъ другу также подарки, состоящіе изъ хорошихъ кушаньевъ и различныхъ фруктовъ, отъ которыхъ женихъ и невѣста непремѣнно должны попробовать, такъ какъ между ними иначе не будетъ «ширини» (сладости). Приносящіе подарки жениху и невѣстѣ получаютъ отъ нихъ по мѣдной или серебряной монетѣ.

Переименованіе невѣстой родственниковъ простирается только на родителей, самыхъ близкихъ родственниковъ и друзей жениха. Имена эти даются ею или по личному усмотрѣнію, или по совѣту подругъ и молодыхъ женщинъ, которыя знаютъ эти порядки; но родители ея не вмѣшиваются вовсе въ это дѣло. Большею частью отца и мать жениха называетъ она «бебе» (папаша) и «деде» (мамаша), сестеръ—«сійлӱ кӱзъ» (дочь или дѣвушка, достойная славы), и «эрке кӱзъ (выросшая въ баловствѣ и дорогая), «алтунъ кӱзъ» (золотая дѣвица) и, наконецъ, братьевъ, родственниковъ и друзей — «сійлӱ уланъ» (сынъ или юноша, достойный славы), «эрке уланъ» (выросшій въ баловствѣ и любимый), «исбои» (стройный), «сійлӱ» (славный), «инчке-белъ» (съ тонкой таліей), «сӱйдӱмъ» (симпатія) и проч. Часто эти имена даются безъ различія пола мужчинамъ и женщинамъ, но съ прибавленіемъ «кӱзъ» (дѣвушка) и «уланъ» (юноша). О женихѣ она никогда не говоритъ ни слова и закрываетъ отъ стыда лицо, когда другіе при ней печально заговорятъ о немъ. Если же при-

ходится говорить о немъ при близкихъ подругахъ или съ другомъ жениха, то она называетъ его «у» (онъ). Женихъ же называетъ всѣхъ по именамъ, а невѣсту также «у» (она).

Промежутокъ между обрученіемъ и свадьбой продолжается иногда нѣсколько лѣтъ, и въ теченіе всего этого времени невѣста, идя куда нибудь и встрѣтивъ жениха, должна бѣжать, закрывъ лицо платкомъ, если она впереди, и вернуться назадъ, если онъ впереди. Когда же случается, что она сталкивается лицемъ къ лицу съ кѣмъ либо изъ родственниковъ, показавшимся изъ за угла, то она оборачивается къ нему спиной, закрываетъ лицо и стоитъ или присѣдаетъ на землю, пока тотъ не пройдетъ. Отъ посторонних односельцевъ своихъ, не связанныхъ ни родствомъ, ни дружбой съ женихомъ и родителями его, она дома вовсе не закрываетъ лица. Если случается свадьба, и женихъ съ невѣстой приглашены, то они прячутся попеременно отъ народа и танцуютъ, т. е. когда танцуетъ женихъ, то не видно невѣсты,—когда она—жениха. Маленькія невѣсты, такъ какъ помолвки совершаются часто между дѣтьми, начинаютъ практиковаться и изучать эти порядки съ 7—8 лѣтъ. Уваженіе жениха къ родителямъ невѣсты и покорность его выражаются тѣмъ, что онъ бѣжитъ отъ нихъ, не присутствуетъ тамъ, гдѣ они, и не говоритъ. Даже и въ синагогахъ, гдѣ каждый имѣетъ мѣсто, назначенное обществомъ или перешедшее къ нему по смерти отца, онъ перемѣняетъ прежнее мѣсто на новое, гдѣ отецъ невѣсты не видѣлъ бы его. Избѣганіе женихомъ родителей невѣсты продолжается до тѣхъ поръ, пока они не примутъ его въ гости съ молодежью и тѣмъ не откроютъ «шермъ думоре» (лицо жениха). Когда они изъявляютъ на это свое согласіе, то родители жениха приглашаютъ по юношѣ изъ каждаго дома и даютъ имъ знать заранѣе о числѣ сопровождающихъ жениха. Это для того, чтобы невѣста могла приготовить каждому изъ молодыхъ людей по подарку — шелковые кисеты и платки, шелковыя ермолки и пр. вещи, отдѣланныя галунами и вышивкой. Въ назначенный вечеръ всѣ приглашенные являются къ жениху и

отсюда въ сопровожденіи зурны, съ пѣснями отправляются къ невѣстѣ. Здѣсь встрѣчаютъ гостей родители невѣсты и, поцѣловавъ жениха въ лобъ и щеки, приглашаютъ всѣхъ въ кунацкую, гдѣ приготовлены для нихъ мѣста на подушкахъ. Женихъ садится на первое мѣсто, другъ его—справа, одинъ изъ родственниковъ невѣсты—слѣва, а всѣ остальные кругомъ, раздѣлившись по четыре, по пяти на «ху» (партіи). Тутъ имъ подаются водка, вина, куры (по одной каждой «ху»), пловъ, голубцы, шашлыки, вареники и пр. восточныя блюда. Весь полъ уставляется всевозможныхъ цвѣтовъ и красокъ тарелками и деревянными ложками и вилками, которыя занимаются по случаю торжества, у сосѣдей. Послѣ ужина приносятся мѣдные подносы, на которыхъ красуются одежды для жениха, подарки для гостей, красныя яйца, яблоки и другіе плоды. Затѣмъ одинъ подносъ бываетъ наполненъ блюдцами, въ которыхъ лежатъ папиросы, и пустыми тарелками, которыя назначаются для сбора денегъ отъ жениха и присутствующихъ. Родственникъ невѣсты, сидящій съ правой стороны жениха, снимаетъ съ подноса одежды и, торжественно произнося, изъ чего онѣ состоятъ, кладетъ ихъ передъ женихомъ. Тотъ киваетъ головой своему другу и показываетъ знаками, чтобы онъ надѣлъ ихъ на себя. Его товарищъ встаетъ и при общихъ любопытныхъ взглядахъ, жаждущихъ видѣть платья, раздѣвается тутъ же и облачается въ нихъ. Сразу устремляются на него взоры присутствующихъ, и со всѣхъ сторонъ слышатся слова удовлетворенія или осужденія, смотря по достоинству одежды. Послѣ этого женихъ кладетъ въ тарелку нѣкоторую сумму, не превышающую, однакожъ, десяти, пятнадцати рублей. Затѣмъ тарелки ставятся передъ другими гостями, которые приглашаются послѣдовать примѣру жениха. Тѣ кладутъ по желанію и состоянію отъ 30 коп. до 3-хъ руб. и получаютъ изъ рукъ родственника подарокъ. стоимость котораго соотвѣтственна уплаченной ими суммѣ. Послѣ этого всѣ закуриваютъ по папироскѣ, берутъ нѣсколько фруктовъ въ карманъ и спѣшатъ домой, чтобы дать свободу жениху, ко-

торый въ эту же ночь съ своими двумя друзьями долженъ идти провѣдать невѣсту. Родители невѣсты приглашаютъ двухъ, знающихъ церемоніи, совершающіяся при этомъ, молодыхъ женщинъ и вмѣстѣ съ тѣмъ такихъ изъ подругъ дочери, которыхъ она не стѣснялась бы. Приказавъ имъ смотрѣть во всѣ глаза за помолвленными, они преспокойно уходятъ спать въ другую комнату. При этомъ мать беретъ съ дочери слово —остаться честной и стараться угодить желаніямъ жениха,— на что та, краснѣя до ушей, киваетъ головой въ знакъ согласія и идетъ въ купацкую комнату, гдѣ ожидаютъ гостей. Подруги невѣсты называются «согдуши» или «ендуши»(«согъ» —здоровье, «енъ»— бокъ, «душъ» — плечи) т. е. дѣвушки, присутствующія постоянно при невѣстѣ, — а обычай допускать жениха на ночное свиданіе съ невѣстой — «гечелей» (ночное посѣщеніе). Подруги и невѣста приготовляютъ для пріема жениха различныя кушанья и фрукты, также и подарки и ждутъ ихъ у окна. Около 12 часовъ ночи друзья жениха стучатся въ окно условленными знаками и просятъ отворить его, чтобы войти въ комнату. «Согдуши» просятъ показать прежде подарки, принесенные ими за то, что онѣ исполняютъ роль привратницъ. Тѣ показываютъ издали; эти просятъ развернуть платокъ и показать все хорошенько; тѣ боятся, чтобы онѣ не требовали вторично, вырвавъ эти подарки, что онѣ и дѣлаютъ часто, потому и показываютъ, держа ихъ крѣпко въ рукахъ; эти не довольствуются подарками и просятъ еще; тѣ обѣщаютъ, а эти не вѣрятъ и торгуются. Наконецъ, уладивъ дѣло, друзья и женихъ прыгаютъ въ окно. Тутъ они видятъ невѣсту, стоящую въ углу лицемъ къ стѣнѣ, и всевозможныя блюда на полу. Друзья жениха подходятъ здороваться къ невѣстѣ, а она, закрывая лицо лѣвой рукой и чуть держась отъ стыда, такъ какъ въ первый разъ стоитъ подъ одною кровлею съ женихомъ и при другихъ, подаетъ имъ правую руку и дѣлаетъ различныя движенія, чтобы убѣжать. Женихъ въ это время здоровается съ «согдушами» и садится на почетное мѣсто.

Разъ мнѣ пришлось провожать товарища на «гечелей», и невѣста, увидѣвъ насъ, бросилась вонъ изъ комнаты и побѣжала въ другую комнату, гдѣ спала мать. Мы раза три посылали къ ней «согдушъ», а она все не шла и не соглашалась. Наконецъ женихъ началъ капризничать и просить, чтобы его отпустили отсюда, гдѣ его нога не будетъ больше. Объ этомъ было передано матери «согдушами», и она насильно вытолкала невѣсту изъ комнаты и приказала сію минуту отправиться къ гостямъ, если она не желаетъ, чтобы отецъ или братья проснулись. А что будетъ тогда, она слышала отъ подругъ!... Друзья и подруги садятся къ жениху и начинаютъ говорить о разныхъ разностяхъ. Женихъ слушаетъ мрачно, говоритъ тихо, чтобы невѣста не подумала о немъ худо, и улыбается повременамъ съ нѣкоторою принужденностью. Имъ подаютъ напитки и закуски. Друзья, повеселѣвъ немножко, встаютъ съ своихъ мѣстъ, подходятъ къ невѣстѣ и, поблагодаривъ ее за почтеніе, начинаютъ просить, чтобы она приняла участіе въ ихъ веселіи. Послѣ долгихъ просьбъ, къ которымъ присоединяетъ свои также и женихъ, она подходитъ къ друзьямъ и стоитъ около стѣны, не смѣя взглянуть на жениха и отвѣчая на вопросы и смѣхъ мужчинъ киваніями и скромной улыбкой. Послѣ ужина и чая, въ которыхъ невѣста не принимаетъ участія, подруги снимаютъ съ полокъ подушки и одѣяла и приготовляютъ на полу мѣста для желающихъ отдыхать. Конечно, женихъ и невѣста прекрасно знаютъ, что значитъ это «отдыхать» и слышали, что бываетъ тогда. На лицахъ ихъ, выражающихъ нѣкоторое безпокойство и страхъ, выступаетъ замѣтная краска стыда, яркій румянецъ невинности. Невѣста безпрестанно бросаетъ на своихъ подругъ огненный, укоряющій ихъ взглядъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ выражаетъ страданіе, мольбу — оставить ее въ покоѣ. Замѣтно, какъ она дрожитъ и блѣднѣетъ, какъ тяжело дышитъ . . . и, Господи, чего не происходитъ въ душѣ ея въ эти минуты! Я имѣлъ друзей супруговъ которые передавали всѣ впечатлѣнія, пережитыя ими во время

гечелей. «Вотъ, вотъ уйдутъ всѣ эти друзья и подруги,» представляется ей: «вотъ останется она одна съ женихомъ, который потушитъ свѣчку, возьметъ ее за руку и потащитъ съ собой отдыхать; ею овладѣваетъ непонятная тоска и мучительный страхъ. «Уя худо!» (Боже), какъ все это безобразно, жестоко и невыносимо,» думаетъ она: «меня караулятъ и не пускаютъ бѣжать. Хоть бы заснули всѣ, а то вѣдь знаю, что они нарочно храпятъ, притворяясь спящими, и будутъ слышать все, что мы будемъ говорить, замѣчать каждое наше движеніе . . . какъ это не стыдно!» Также размышляетъ и женихъ, смотря изъ-подъ-лобья на невѣсту и на эти маневры; но его занимаютъ кромѣ этого еще нѣкоторые вопросы, которыхъ рѣшенія надѣется онъ найти сегодня у невѣсты. Онъ не знаетъ, любитъ ли его невѣста и какова она—зла ли или добра, умна или глупа, капризна, горда или проста, . . . но онъ рѣшилъ разспросить ее, разузнать обо всемъ . . . «А! думаетъ онъ: вѣдь они слѣдятъ за нами во всѣ глаза, чтобы между нами не было грѣха, и я ни за что не буду говорить во всеуслышаніе». Въ это время послѣдній изъ сидѣвшихъ съ нимъ прежде и не заснувшій еще подходитъ къ невѣстѣ и начинаетъ уговаривать ее, чтобы она сѣла, такъ какъ она вѣроятно устала. Дѣйствительно, она едва держится на ногахъ и, видно, что давно ей хочется присѣсть, хотя бы на минутку,—но чтобы она дала замѣтить жениху и другу его свое утомленіе или нездоровье,—Боже упаси! Она качаетъ головой и даетъ этимъ знать, чтобы не безпокоились о ней. Тотъ проситъ опять, говоря, что этимъ премного обяжетъ его она и доставитъ ему удовольствіе. Странно, что друзья жениха имѣютъ больше вѣса и значенія передъ невѣстой, чѣмъ самъ женихъ, и она ужасно боится не угодить ихъ желанію. Она уступаетъ просьбамъ и, двигаясь нѣсколько разъ то впередъ, то назадъ и дрожа всѣмъ тѣломъ, садится рядомъ съ другомъ жениха и такъ, чтобы ей не былъ виденъ женихъ. Въ ней начинаетъ происходить сильная душевная борьба—«остаться или идти?» Этотъ моментъ считаст-

ся самымъ критическимъ. Горскія дѣвушки, какъ сказалъ я выше, до того стыдливы, робки и цѣломудренны, что большинство изъ нихъ готовы лучше идти на вѣрную смерть, чѣмъ позволить себѣ оставаться наединѣ съ мужчинами, которыхъ онѣ видятъ впервые. По этому друзьями принимаются предосторожности и запираются крѣпко на крѣпко двери и окна. Но не всегда бываетъ такъ легко покорить горскую дѣвушку. Иныя изъ нихъ оказываются болѣе находчивыми и смѣлыми на всякій шагъ, чѣмъ мужчины, и, воспользовавшись какъ нибудь случаемъ, выбѣгаютъ изъ комнаты. А тогда пщи невѣсту, сколько хочешь, кричи во все горло «Аллахъ,» вызывай мать ея изъ ея опочивальни,—ничѣмъ нельзя пособить горю! Невѣста забирается въ глухой уголъ и тамъ проводитъ ночь до утра въ отчаянныхъ рыданіяхъ. Если же невѣста сѣла, то побѣда значитъ на сторонѣ друзей, и она навѣрно не убѣжитъ, потому что это будетъ считаться смертельной обидой для друзей. Какъ только невѣста садится, другъ жениха встаетъ за чѣмъ нибудь и, потушивъ свѣчку, будто нечаянно, отправляется также спать на приготовленное мѣсто. Въ это же время женихъ приближается къ невѣстѣ, ловитъ ее за руку и начинаетъ говорить прерывисто и шепотомъ. Но сколько стоитъ ему усилія, чтобы сдѣлать этотъ первый шагъ! Я слышалъ отъ товарищей, которые разсказывали, что они дрожали въ эту минуту, какъ листъ, и не находили, что говорить и какъ приступить къ обезоруженной, беззащитной и тоже дрожащей дѣвушкѣ. Но иные обрученные, знавшіе прежде другъ друга или чувствовавшіе взаимную симпатію, бесѣдуютъ безъ стѣсненія до утра, не обращая вниманія на сторожей, которые и въ самомъ дѣлѣ засыпаютъ одинъ за другимъ. Оставшись вполнѣ наединѣ и въ темнотѣ, молодые дѣлаются развязными, смѣются, ласкаютъ другъ друга и проводятъ въ разговорахъ время, пока на зарѣ не проснутся подруги и не поторопятъ жениха уйти поскорѣе, чтобы его не замѣтилъ народъ и не осуждалъ его за долгое препровожденіе времени съ невѣстой.

Но при всемъ этомъ надо замѣтить, что наши дѣвушки-невѣсты остаются строго цѣломудренными и невинными, и ни одинъ изъ молодыхъ не можетъ дерзнуть «дойти до грѣха», зная строгость законовъ и обычая, которымъ должны они подвергнуться оба. Горе молодымъ людямъ, не сумѣвшимъ воздержаться на *гечелеяхъ* и вообще сохранить цѣломудріе! Каждый указываетъ на нихъ пальцемъ, смотритъ съ препебреженіемъ, плюетъ при видѣ ихъ, называетъ самыми грязными именами . . . и они не могутъ всю жизнь избавиться отъ осужденія общества. Тѣмъ болѣе несчастными дѣлаются дѣти, имѣющія таковыхъ родителей, и тѣмъ презрительнѣе относится общество къ нимъ, называя ихъ «пичъ» или «мемзиръ» (незаконнорожденные). Послѣ перваго приглашенія родителями невѣсты женихъ свободно посѣщаетъ домъ ихъ, но не видитъ невѣсты. Если же появится у него желаніе видѣть ее, то друзья устраиваютъ ему «гечелен», которые имѣютъ такой же характеръ и стоятъ такихъ же денегъ. Но частые «гечелен» осуждаются обществомъ, считающимъ ихъ за волокитство, легкомысліе и бездѣльничанье, и родители невѣсты смотрятъ тогда на жениха съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ.

Отцы жениха и невѣсты заключаютъ между собою, кромѣ договоровъ о выкупныхъ деньгахъ, еще одно условіе, по которому женихъ долженъ сдѣлать невѣстѣ, если промежутокъ отъ обрученія до вѣнца продолжается не менѣе двухъ лѣтъ, различные шелковые наряды. День, въ который представляются невѣстѣ наряды, считается однимъ изъ торжественныхъ и называется «табагъ» (поднось), ибо такъ-же, какъ при обрученіи, подарки несутъ родственницы на подносахъ, и шествіе сопровождается зурною и пѣснями.

За два, три мѣсяца до свадьбы совершается для помолвленныхъ «Рахъ-бура» (пресѣченіе пути). Такъ названа эта церемонія потому, что въ этотъ день женихъ отдаетъ отцу невѣсты послѣднія выкупныя деньги, и обѣ стороны начинаютъ дѣятельно готовиться къ свадьбѣ. Съ этого дня жениху и невѣстѣ

очень опасно, по повѣрію, отправляться куда нибудь въ путь, тѣмъ болѣе въ темную ночь. Поэтому помолвленныхъ оберегаютъ родители и не пускаютъ ихъ никуда безъ провожатыхъ. Повѣріе же основано на томъ, что за ними слѣдятъ «шаһаду» (злые духи) и, завидуя счастью людей, стараются разъединить ихъ, увесть и сдѣлать ихъ сумасшедшими. Также постановлено обычаемъ, чтобы, во первыхъ, послѣ этого дня женихъ не бывалъ на *гечелеяхъ* и не видѣлъ невѣсты, а,—во вторыхъ, невѣста закрывалась-бы вновь ото всѣхъ и не показывала лица никому изъ родственниковъ до ночи, слѣдующей сейчасъ послѣ вѣнца, а постороннимъ черезъ двѣ, черезъ три недѣли послѣ свадьбы и то тогда только, если они сдѣлаютъ «согъ-боши» (благодарность), дадутъ ей за это подарки.

За недѣлю до свадьбы родители жениха приглашаютъ своихъ родственницъ, чтобы онѣ скропли жениху и невѣстѣ подвѣнечныя платья, дарили бы по своему усмотрѣнію другихъ близкихъ родственниковъ и бѣдныхъ вдовъ и сиротъ платьями изъ готовыхъ тутъ же матерій. Кромѣ того, въ теченіе этой же недѣли, женщины приготовляютъ пловъ изъ куръ, для отсылки старухамъ и старикамъ, у которыхъ въ этомъ году умерли дѣти или родственники, и вообще всѣмъ носящимъ трауръ. Своими дарами и вниманіемъ онѣ хотятъ испросить у нихъ позволенія сыграть свадьбу, такъ какъ изъ уваженія къ памяти умершихъ не желаютъ своей музыкой и плясками оскорбить чувства носящихъ трауръ. Послѣ этого послѣдніе посылаютъ помолвленнымъ свои заочныя благословленія и пожеланія счастія и просятъ родителей не откладывать Богомъ сужденной радости дѣтей, такъ какъ никто не знаетъ, что будетъ завтра съ нами. Получивъ отовсюду такіе отвѣты, мужчины пишутъ въ каждый городъ и аулъ, гдѣ только есть родственники, и просятъ ихъ пріѣхать отпраздновать вмѣстѣ торжественные дни, а женщины шьютъ наряды жениху и невѣстѣ. Точно также готовятся и въ домѣ невѣсты къ брачнымъ пиршествамъ. Въ началѣ этой недѣли невѣста также проситъ къ себѣ нѣсколькихъ подругъ и родственницъ, которыя занимают-

ся приготовленіемъ ея приданаго. Среди подругъ выбираетъ она двухъ дѣвушекъ, которыя дѣлаются ея «согдушами,» помогаютъ ей въ шитьѣ платьевъ и находятся при ней до самаго бракосочетанія.

Брачныя пиршества, по соглашенію родственниковъ молодыхъ и когда обѣ стороны готовы, начинаются въ пятницу вечеромъ и происходятъ одновременно у жениха и у невѣсты. Свадьба происходитъ зимою, такъ какъ въ это время накопляется много свѣжаго вина. Отъ жениха идутъ въ пятницу вечеромъ ко всѣмъ односельцамъ двое изъ молодыхъ родственниковъ его и приглашаютъ мужчинъ вмѣстѣ съ ихъ гостями на «шевъ бироръ-думоръ» (ночь брата жениха). Въ эту ночь къ жениху просятъ родители одного или двухъ изъ его друзей или близкихъ родственниковъ, которые называются «бироръ-думоръ» (братъ жениха), и обязанность которыхъ сопровождать жениха во все время свадьбы. Кромѣ того еще шесть дней послѣ свадьбы братъ жениха всюду слѣдуетъ за нимъ и, если оставляетъ его на нѣсколько минутъ, то передаетъ свое мѣсто кому нибудь другому или второму «бироръ-думору». Далѣе родители просятъ общество утвердить въ пятницу вечеромъ еще въ должности двухъ «серъ-коло-ли» (распорядителей, въ рукахъ которыхъ находятся ключи отъ погребовъ, гдѣ хранятся вина и съѣстные припасы) и нѣсколькихъ женщинъ для приготовленія свадебныхъ кушаньевъ. Они должны находиться на свадьбѣ, каждый при своей должности, въ теченіе двухъ недѣль. *Серъ-коло-ли* выбираются изъ болѣе извѣстныхъ своею практичностью и строгостью съ молодежью, которая, не жалѣя женихова добра, тащитъ тайкомъ изъ погребовъ вина, мясо, колбасы и пр. и пируетъ особо отъ свадьбы.

Приглашенные гости и должностныя лица являются къ жениху послѣ вечерней молитвы и пируютъ у него далеко за полночь. Отъ невѣсты *согдуши* идутъ приглашать дѣвушекъ «спать и веселиться съ невѣстой до выхода ея замужъ». Здѣсь онѣ поютъ пѣсни, танцуютъ и увеселяютъ невѣсту, плачущую

и говорящую своимъ подружкамъ, что ей всего остается быть подъ кровомъ родныхъ пять-шесть дней.

Въ эти дни онѣ окружаютъ невѣсту и гуляютъ съ нею въ садахъ, поютъ пѣсни и затѣваютъ различныя игры.

Если кто либо приходитъ къ нимъ изъ дома жениха, онѣ бросаются на него, срываютъ съ него шапку и требуютъ денегъ за посѣщеніе. Такимъ образомъ дѣвушки собираютъ отъ гостей и большею частью молодежи, приходящей танцовать, пѣть и смотрѣть на дѣвушекъ, около тридцати-сорока руб., на которые приглашаютъ народныхъ пѣвцовъ и зурну. Въ субботу послѣ молитвы въ домъ жениха опять приходятъ старики и взрослые мужчины, которые, попросивъ принести себѣ обѣдъ, остаются тутъ веселиться. Послѣ обѣда мужчинъ смѣняютъ женщины, которыя приносятъ съ собою фрукты въ платкахъ и проводятъ время до вечера въ пѣсняхъ и бесѣдахъ. Къ невѣстѣ въ этотъ день являются молодыя женщины, вышедшія недавно замужъ, и парни, которые также веселятся до ночи, распѣвая хоровыя пѣсни и танцуя подъ звуки гармоніи, на которой играетъ какая нибудь мастерица-красавица изъ горскихъ дѣвушекъ. Въ воскресенье всѣ заняты приготовленіемъ ужина для «пой-пою» (стоящей на погахъ свиты), которую посылаютъ приглашать сейчасъ же послѣ обѣда. Настоящая свадьба начинается съ этого или слѣдующаго вечера, т. е. съ понедѣльника. Въ приготовленіи начальнаго ужина для «пой-пою» помогаютъ всѣ родственники и родственницы и даже мало-мальски знакомые, если имѣютъ свободное время. Тотъ рубитъ дрова, тотъ ѣдетъ въ городъ за свадебными надобностями, тотъ въ лѣсъ за дровами и т. п.

Какъ семья жениха, такъ и невѣсты приглашаетъ вообще изъ каждаго дома по одному юношѣ и по одной дѣвушкѣ, такъ что число приглашенныхъ юношей у жениха доходитъ до 60-ти —70-ти паръ, а у невѣсты до 20-ти—30-ти. Всѣ эти юноши составляютъ свиту жениха, а дѣвушки свиту невѣсты. Зурначи и барабанщикъ приглашаются часа за три, за четыре до начала ужина; они начинаютъ играть «ерденкуи» (въ ро-

дѣ марша), а собирающаяся молодежь, дѣвушки и женщины привѣтствуютъ ихъ, прыгая, хлопая въ ладоши и затягивая хоровыя татарскія пѣсни «hо-ло-лой, hо-ло-лой!». Наконецъ подается ужинъ—отдѣльно юношамъ, женщинамъ и дѣвушкамъ. Послѣ ужина провѣряется число явившихся гостей и отдается приказаніе распорядителямъ приготовить завтра обѣдъ не меньше, чѣмъ на столько то человѣкъ.

Зурна играетъ до 2-хъ—3-хъ часовъ почи, и танцы идутъ во всемъ разгарѣ. На слѣдующій день, въ попедѣльникъ или во вторникъ, смотря потому, когда началась свадьба, юноши, являясь утромъ въ домъ жениха, отправляются къ «серъ-кололи» (распорядителю) требовать «сепеелей-пой-пои-ре», т. е., три стакана вина, полагающіеся каждому члену свиты. Желающимъ изъ нихъ вмѣсто трехъ стакановъ вина подается рюмка водки съ закуской. Послѣ этого всѣ собираются на свои мѣста, на кругъ, отведенный для танцевъ, и выбираютъ изъ своей среды «шаха», обязанность котораго смотрѣть за свадебными церемоніями. Свадебныя пиршества, какъ мы упомянули, продолжаются дня четыре и происходятъ одновременно у жениха и невѣсты. Главное торжество происходитъ въ домѣ жениха, а у невѣсты собираются только ея подруги и близкіе родственники. Впрочемъ, гости переѣзжаютъ постоянно изъ одного дома въ другой, и сношенія между ними не прерываются. Въ домѣ жениха, днемъ на дворѣ, а ночью или во время дурной погоды въ комнатахъ, происходитъ главное торжество. Кругъ на полу, отведенный для танцевъ, посыпается пескомъ или самапомъ для удобства танцующихъ. Вокругъ него разставлены деревянныя скамейки, на которыхъ помѣщается *шахъ* со своей свитой. Передъ *шахомъ* стоитъ столъ съ винами и закусками, по правую руку сидитъ его *визирь*, а по лѣвую—женихъ со своимъ нареченнымъ братомъ. Всѣ они хлопаютъ въ тактъ танцующимъ подъ звуки зурны и барабана.

Надъ дѣвушками также есть одна старшая, которая и назначаетъ очередь, когда какой выйти танцовать. Нѣсколько

юношей *«човучи»* (полицейскіе) вооружаются кнутами и состоятъ подъ распоряженіемъ *шаха*. Назначеніе ихъ кромѣ поощренія хлопающихъ въ ладоши еще имѣетъ, такъ сказать, полицейскую цѣль. Дѣло въ томъ, что *шахъ* старается собрать у присутствующихъ на свадьбѣ родственниковъ жениха какъ можно больше денегъ въ пользу послѣдняго. Для этого онъ пользуется каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы наложить на нихъ штрафъ въ размѣрѣ отъ 50 коп. до 3-хъ—4-хъ руб. Если же кто заупрямится и по первому призыву шаха не отдастъ наложеннаго на него штрафа, то шахъ отдаетъ приказаніе упомянутымъ членамъ свиты, вооруженнымъ кнутами, и виновный привязывается къ нарочно съ этою цѣлью поставленному деревянному столбу и не отвязывается до тѣхъ поръ, пока не уплатитъ положеннаго штрафа. Болѣе тяжкихъ преступниковъ, напримѣръ, ругавшихъ шаха или его правленіе, кромѣ штрафа сажаютъ на пять, на шесть часовъ въ конюшню и никакія просьбы отпустить ихъ—не принимаются. Конечно, такой казусъ сопровождается громкимъ смѣхомъ и шутками присутствующихъ, и танцы продолжаются своимъ чередомъ. По временамъ ихъ замѣняютъ хоровыя пѣсни мужчинъ и женщинъ. Такъ продолжается двое—трое сутокъ.

На первый или второй день свадьбы и когда шахъ, братъ жениха и другія лица выбраны, все общество подъ предводительствомъ шаха отправляется встрѣчать невѣсту, если она ѣдетъ изъ другого аула, и встрѣча происходитъ за двѣ—три версты отъ мѣста отправленія. Свита жениха запасается виномъ и закусками, не забывая притомъ и музыку. Часть свиты, разузнавъ о скоромъ приближеніи поѣзда невѣсты, пускается вскачь впередъ, чтобы поздравить провожающихъ ее, а затѣмъ также вскачь возвращается назадъ, и при этомъ тотъ, чья лошадь будетъ впереди, получаетъ изъ рукъ шаха въ награду шелковый платокъ, который тутъ же и повязывается на шею лошади. Иногда вмѣсто шелковаго платка даютъ кусокъ хорошаго сукна—аршинъ шесть—для черкески или бархатъ на занавѣску стѣны. Эти подарки приготовляют-

ся джигитующимъ въ награду отцемъ жениха. Во вторникъ въ домъ невѣсты приглашаются изъ каждаго дома по одному взрослому мужчинѣ. Здѣсь послѣ роскошнаго обѣда всѣ гости дарятъ невѣсту деньгами, а родственники деньгами и вещами, которыя ставятся на полъ и записываются раввиномъ. Это называется «Ноторъ-Хадіjо». При полученіи денегъ невѣста подноситъ подателю стаканъ съ виномъ, который выпивается имъ съ ужимками и кривляніями, чтобъ развеселить дѣвушку, которая смотритъ на него изъ-подъ-лобья и тоже улыбается. Въ это время подруги ея, стоящія въ углу комнаты, поютъ хоромъ въ честь подателя и невѣсты «Ћей-шобошъ! Ћей-шобошъ!» На этотъ или слѣдующій день семья жениха приглашаетъ женщинъ, въ числѣ которыхъ должны быть и молодыя женщины, вышедшія въ тотъ годъ замужъ и не открывшія еще для свѣта своего лица. (Передъ своими молодая открывается совсѣмъ черезъ три—четыре мѣсяца.) Каждая женщина, вступая на порогъ дома, произноситъ: «Приносимъ свое поздравленіе; да будутъ счастливы молодые, да будетъ счастливъ часъ, въ который они соединятся», и пр., на что́ мать, сестры и родственницы жениха отвѣчаютъ: «да будетъ и твоему (сыну, брату) такое вѣнчаніе, да и тѣмъ всѣмъ родственникамъ и знакомымъ, кто не былъ еще вѣнчанъ; милости просимъ, войдите!» Женщина-гостья, входя въ комнату, даетъ матери или сестрѣ жениха, поставленнымъ принимать гостей, серебряную монету. Деньги, собранныя такимъ образомъ, идутъ частью для бѣдныхъ, частью на покупку фруктовъ и сластей для женщинъ и мужчинъ. Такъ какъ молодыя женщины почти около полугода послѣ своей свадьбы стыдятся выходить на улицу, говорить съ посторонними и даже являться на свадьбы съ закрытымъ лицомъ, то для того, чтобы сдѣлать ихъ развязными, молодежь выдумываетъ различныя мимическія представленія и шуточныя игры. Одна изъ извѣстнѣйшихъ повсемѣстно игръ называется «пећливопъ» (акробатическое представленіе на канатѣ). Она состоитъ въ томъ, что на дворѣ рядомъ съ кругомъ, отведеннымъ для

танцевъ, натягивается канатъ посредствомъ четырехъ бревенъ, наклоненныхъ попарно, вышиною около четырехъ—пяти аршинъ и на разстояніи двадцати или болѣе шаговъ одно отъ другого. На этомъ канатѣ съ большимъ балансомъ въ рукахъ танцуетъ одинъ опытный акробатъ лезгинку и даетъ представленія. Акробатъ одѣвается въ пестрое платье изъ игральныхъ картъ или цвѣтныхъ бумагъ съ металлическими блестками. Внизу подъ канатомъ бѣгаютъ туда и сюда два одѣтыхъ въ шубы наизнанку и также въ папаху «думбой» (комики), которыхъ лица бываютъ закрыты шкурою съ отверстіями для глазъ, рта и съ усами и бородой. Прежде всего представленіе дается въ честь родителей жениха, отъ которыхъ почти ничего не берутъ за это или берутъ очень мало, если они не жалѣютъ припасовъ и ничего не скрываютъ отъ свиты жениха; въ противномъ же случаѣ ихъ—мужа и жену—привязываютъ къ одному и тому же столбу и не отпускаютъ, пока они или сами, или кто нибудь за нихъ, не уплотятъ трехъ-четырехъ рублей. Представленія даются подъ надзоромъ шаха и слѣдующимъ образомъ. Завидя кого либо изъ аульныхъ гостей или пріѣзжихъ, чоучи (полицейскіе) передаютъ объ этомъ черезъ визиря шаху. Тотъ приказываетъ чоучамъ, чтобы они схватили гостя и велѣли музыкѣ играть. «Думбои», услышавъ сигналъ музыки, которая останавливается минутъ на пять, пока опять не получитъ приказанія играть, идутъ подъ канатъ, начинаютъ тамъ прыгать, кривляться и кричать разными звѣриными голосами. «Пеһливонъ-чи» (актеръ), сидящій на перекрестныхъ концахъ пары бревенъ, встаетъ и готовится представлять. Въ это время одинъ изъ «думбоевъ» произноситъ громко, подпявъ голову вверхъ: «Пеһливонъ, кардашъ!» (другъ, акробатъ!) Тотъ отвѣчаетъ: «һеплей, жонъ-кардашъ!» (къ услугамъ твоимъ, дорогой другъ!). Думбой начинаетъ: «һўнеръ-һўнеръ учўнъ, һўнеръ яхши игитъ (имя такого то или такой то), т. е., если сказать тебѣ, въ честь кого мы должны показать свой талантъ и искусство, то въ честь такого то храбраго, добраго красавца и краса-

вицы (имя).» Пѣливончи, повторивъ то же, что говоритъ думбой, начинаетъ танцовать на канатѣ подъ звуки зурны, а думбои скачутъ внизу, смотря по временамъ на верхъ чтобы подать помощь акробату въ случаѣ его паденія. Окончивъ свой танецъ, акробатъ садится на другомъ концѣ, а думбои бѣгутъ за деньгами къ лицу, въ честь котораго играли, прыгаютъ, кувыркаются и требуютъ бо́льшаго и бо́льшаго количества денегъ, которыя затѣмъ кладутся на столъ передъ шахомъ. Смотря потому, много-ли дастъ гость, даются представленія, различныя по степени опасности. Изъ нихъ извѣстны нѣсколько: напримѣръ, танцы съ привязанными къ пяткамъ горизонтально кинжалами, съ прикрѣпленными къ подошвамъ саблями по лезвіямъ или плоскостямъ, съ обутыми въ маленькіе котелки ногами, съ завязанными глазами и пр. Представленія эти оживляютъ думбои своими остротами, пискливыми голосами и циничными движеніями, при которыхъ всѣ поднимаютъ дикій смѣхъ, бьютъ въ ладоши и кричатъ «ура, ура!» Больше всего издѣваются думбои надъ молодыми женщинами.

Въ ночь со вторника на среду невѣсту ведутъ на омовеніе въ рѣку, купальню или баню, смотря потому, гдѣ происходитъ свадьба — въ городѣ или аулѣ. Провожаютъ невѣсту только ея подруги и одна молодая женщина, выбранная уже для невѣсты въ должность «куда-катунъ» (посаженая мать). Вернувшись домой, подруги расплетаютъ мокрые волосы невѣсты, чешутъ ихъ гребнями и, раздѣливъ ихъ на нѣсколько прядей, заплетаютъ въ косы. Въ это время одна начинаетъ распѣвать «је шевле муһмунъ деде», а другія затягивать «је дӱкле русмунъ деде» (еще одна ночь ты гостья у матери, еще остается тебѣ только одно веретенце выпрясти для матери). Послѣ уборки волосъ подруги принимаются за одѣваніе невѣсты въ чистое бѣлье, приготовленіе ея вещей по порядку и ждутъ принесенія отъ жениха подвѣнечныхъ нарядовъ. Каждая дѣвушка отъ души помогаетъ своей подружкѣ — невѣстѣ и, зная, какъ тяжело ей разстаться навсегда съ родными, утѣшаетъ ее, веселитъ и танцуется съ ней. На третій или

четвертый (послѣдній) день свадьбы происходитъ самый обрядъ вѣнчанія. До вѣнца, утромъ, относятъ невѣстѣ наряды и подарки, приготовленные женихомъ. Все общество, сопровождаемое музыкой, отправляется къ невѣстѣ. Мужчины, держа въ рукахъ сосуды, наполненные виномъ и водкой, поютъ «а-на-най, а-най!» Женщины и дѣвушки, неся на головѣ подносы, на которыхъ лежатъ наряды невѣсты, сорочинское пшено, куры, индюки, гуси, чуреки и пр., затягиваютъ «hо--ло-лой»; зурначи деретъ во все горло свое «ерденъ-куи», весь аулъ приходитъ въ движеніе. Вручивъ всѣ наряды и подарки родителямъ невѣсты, общество возвращается на прежнее мѣсто и занимается женихомъ. Часа за три до отправленія жениха въ баню или на рѣку, на кругу, гдѣ бываютъ танцы, происходитъ нѣчто въ родѣ аукціоннаго торга. Здѣсь продаются подвѣнечныя одежды жениха, каждая порознь и притомъ только на то время, когда женихъ моется. Кромѣ того продается право обуть жениха по выходѣ его изъ бани въ носки и чулки, право надѣть на него бешметъ, право обрить ему голову, право поцѣловать его первымъ въ бритую голову, что считается большою честью.—Наконецъ, часовъ въ 12 утра, женихъ, въ сопровожденіи шаха, визиря, названнаго брата и всей свиты, отправляется въ баню или «hавузъ» (купальню). Процессію сопровождаетъ музыка и пока женихъ и братъ его, нигдѣ его не оставляющій, моются, вся остальная свита пляшетъ, и никакой морозъ, ни вѣтеръ, ни гроза не могутъ помѣшать этимъ танцамъ. Между тѣмъ въ предбанникѣ стоятъ женщины и торопятъ умывающихся своими пѣснями: «и чӱ диръ омо думоръ иму, гаи диръ омо думоръ иму», т. е. «какъ это долго возится женихъ, какъ это поздно не выходитъ онъ!» Когда женихъ кончитъ омовеніе, въ предбанникѣ и между народомъ раздаются выстрѣлы, и его встрѣчаетъ купившій право поцѣловать его въ обритую голову, въ знакъ большого къ нему уваженія. Затѣмъ, одѣвшись, женихъ становится у дверей, поникши головой и уткнувъ лицо отъ стыда въ рукавъ шубы или черкески, а со-

провождавшіе его всѣ подходятъ поочередно и цѣлуютъ его въ голову. Женщины же въ это время осыпаютъ его сорочинскимъ пшеномъ и мукою, символомъ благосостоянія, плодородія и чистоты семейнаго счастія, а всѣ остальные члены свиты поютъ или татарскія пѣсни, или гимны на древнееврейскомъ языкѣ. Въ недавнія времена послѣ бритья головы женихъ садился на лошадь и выѣзжалъ джигитовать въ полесо своими товарищами и свитой. Теперь это выходитъ изъ обычая. Изъ бани вся компанія отправляется за невѣстой. Здѣсь родители ея или другіе родственники ожидаютъ ихъ у дверей дома. Женихъ падаетъ передъ ними на колѣни и цѣлуетъ ихъ руки и ноги въ знакъ полной покорности. Потомъ родители выводятъ невѣсту и отдаютъ ее жениху, провожая со слезами свою «помощницу матери» и благословляя ее на счастливую жизнь съ мужемъ. Приэтомъ мать цѣлуетъ жениха и даритъ его серебрянымъ или шелковымъ поясомъ, шелковымъ платкомъ и кисетомъ. Опоясавъ его, она вѣшаетъ ему свои подарки къ поясу и, еще разъ благословивъ его и дочь, слѣдуетъ за ними. Лицо невѣсты покрыто шелковымъ платкомъ, окруженнымъ двойнымъ или тройнымъ рядомъ крупныхъ золотыхъ и серебряныхъ монетъ. Отсюда женихъ и невѣста отправляются, каждый отдѣльно и со своей свитой, къ родителямъ жениха. Затѣмъ, если свадьба происходитъ въ городѣ, гдѣ можно достать приличные экипажи, женихъ со своимъ нареченнымъ братомъ и «енгой» (прислужница изъ сестеръ), держащей въ рукахъ восковыя свѣчи, и невѣста съ посаженною матерью и какою нибудь дѣвочкою родственницей садятся въ экипажи, и процессія направляется въ синагогу. Въ рукахъ у посаженной матери и дѣвочки горятъ также восковыя четырехъ-угольныя свѣчи, окрашенныя разноцвѣтными красками; экипажи окружаетъ свита жениха и духовая музыка.—Если свадьба происходитъ въ аулѣ, то женихъ и невѣста идутъ пѣшкомъ, каждый отдѣльно, окруженные своей свитой, которая въ это время распѣваетъ хоромъ пѣсни и гимны. Къ процессіи присоединяются съ обѣихъ сторонъ родственники и друзья съ на-

полненными виномъ стаканами въ одной рукѣ и графиномъ въ другой. Крики, шумъ, пѣсни, неумолкающее ура, хохотъ все это сливается вмѣстѣ, и встрѣчные прохожіе, выразивъ четѣ пожеланія счастія, тоже присоединяются къ ликующимъ. Между тѣмъ изъ дома невѣсты въ домъ жениха перевозится ея имущество, наряды, хозяйственныя принадлежности и т. п. Все это обыкновенно справляется на *калынъ*, полученный отъ жениха. Когда процессія достигаетъ синагоги, музыка останавливается и играетъ лезгинку или другое что нибудь веселое въ этомъ родѣ. Женихъ выходитъ изъ экипажа и идетъ во дворъ синагоги, а невѣсту несетъ, какъ ребенка, на рукахъ одинъ изъ родственниковъ ея или жениха. Нельзя не сказать здѣсь объ одномъ суевѣріи, сильно вкоренившемся между евреями-горцами и имѣющемъ громадное вліяніе, во-первыхъ, на всю слѣдующую двухъ-трехлѣтнюю жизнь вступающихъ въ бракъ, и, во-вторыхъ, на поднятіе значенія и популярности знахарокъ и колдуновъ.

Горскіе евреи глубоко вѣрятъ въ то, что въ брачныя дѣла вмѣшиваются нечистые духи и колдуны, находящіеся подъ вліяніемъ первыхъ. По ихъ мнѣнію, въ то время, какъ раввинъ соединяетъ молодыхъ словами св. Писанія, дьяволъ старается разстроить бракъ и, вселившись въ душу какого либо злого человѣка, является на свадьбу и «связываетъ узелъ», который имѣетъ такую силу, что молодые во вѣки не соединятся, пока онъ не будетъ развязанъ. Но узелъ дьявола не такъ опасенъ, какъ узлы людей, враговъ жениха или невѣсты, ибо узелъ перваго можно развязать посредствомъ молитвы къ Богу, который принудитъ дьявола къ этому, а узелъ вторыхъ развязать невозможно, потому что они могутъ спрятать его гдѣ нибудь и позабыть. Бросить же связанные во время вѣнчанія узлы боится всякій, потому что послѣ этого скоро наступаетъ смерть бросившаго ихъ. Изъ узловъ же, связанныхъ во время вѣнчанія, имѣютъ тѣ только силу, которые сдѣланы какъ разъ въ то время, когда женихъ надѣваетъ невѣстѣ на палецъ кольцо и произноситъ девять словъ изъ свя-

щеннаго Писанія, соединяющія законнымъ бракомъ; а въ продолженіе произнесенія ихъ можно связать не больше десяти-двѣнадцати узловъ, что также боятся дѣлать, ибо тогда Богъ уменьшаетъ число годовъ жизни связывающихъ узлы въ два раза столько, сколько узловъ. Самый злой врагъ дѣлаетъ поэтому не больше трехъ-четырехъ и тѣмъ не даетъ соединиться молодымъ три-четыре года. Странно то, что это суевѣріе было провѣряемо стариками нѣсколько разъ, и результаты еще болѣе подкрѣпляли суевѣріе. Связывали безъ вѣдома жениха узлы, пускали молодыхъ на брачное ложе, и женихъ со стыдомъ выходилъ изъ комнаты невѣсты; развязывали черезъ нѣсколько дней или мѣсяцевъ, и наваждение проходило. Узлы можно связать не только ремнемъ, шнуркомъ, веревкой, но и металлическими вещами, какъ напримѣръ — кольцомъ, кинжаломъ, саблей и т. п. Для этого нужно только перевернуть предметъ и надѣть на изнанку. Можно избавиться и отъ такихъ узловъ; для этого нужно близкимъ родственникамъ жениха и невѣсты быть предусмотрительными и самимъ постараться связать какъ можно больше узловъ, такъ какъ тѣ будутъ имѣть большую силу, которые начали завязывать узлы при первомъ же словѣ, произносимымъ женихомъ. Число же ихъ должно быть самое большое потому, что посторонніе побоятся сдѣлать много узловъ и не развязать во время, а родственники развяжутъ свои узлы сейчасъ же, какъ отпустили жениха къ невѣстѣ. Поэтому нерѣдко можно видѣть, во время вѣнчанія, какого либо родственника жениха, который, внимательно слушая жениха, начинающаго слова писанія, съ усердіемъ и какимъ то самодовольствомъ начинаетъ дѣлать нѣсколько узловъ и смотритъ по сторонамъ, чтобы узнать, нѣтъ ли еще кого.

На дворѣ синагоги стоитъ балдахинъ, подъ которымъ должны вѣнчаться новобрачные. Балдахинъ состоитъ изъ куска шелковой матеріи, натянутой на четыре жерди. Жерди эти держатся четырьмя родственниками невѣсты и жениха. Во время вѣнчанія раввинъ читаетъ молитвы, а женихъ со своимъ

нареченнымъ братомъ и невѣста съ посаженною матерью стоятъ поникши головами подъ балдахиномъ и слушаютъ раввина *). Балдахинъ окружаетъ народъ различныхъ вѣрованій и племенъ, такъ какъ горцы евреи не воспрещаютъ никому присутствовать при своемъ богослуженіи, тѣмъ болѣе на свадьбахъ. Потомъ раввинъ беретъ полный стаканъ вина, произноситъ молитву и передаетъ его жениху. Послѣдній, такъ же какъ и невѣста, постится съ восьми часовъ вечера предыдущаго дня и только теперь впервые отпиваетъ немного вина и подаетъ его невѣстѣ. Невѣста, сдѣлавъ тоже, подаетъ его раввину. Затѣмъ женихъ надѣваетъ невѣстѣ на палецъ кольцо или кладетъ ей въ руку серебряную монету и повторяетъ за раввиномъ слова священнаго Писанія. Послѣ этого раввинъ читаетъ вслухъ брачное условіе «кетибо», въ которомъ упоминается, какое приданое приноситъ съ собою невѣста и сколько, въ случаѣ развода, женихъ обязывается уплатить ей наличными деньгами. Послѣ чтенія раввинъ снова наполняетъ стаканъ виномъ, опять читаетъ надъ нимъ молитву, но на этотъ разъ подаетъ его не жениху, а невѣстѣ. Та отдаетъ его жениху, а послѣдній, отпивъ немного, со всей силы разбиваетъ стаканъ о камень, съ этою цѣлью лежащій здѣсь же подъ балдахиномъ. Наконецъ балдахинъ снимается, и раздается дружное «ура» присутствующихъ. Послѣ вѣнца женихъ и невѣста съ *сопутами* и *енгами* садятся въ экипажъ, который окружается поющею гимны молодежью и учениками съ одной, дѣвушками съ другой стороны, и ѣдутъ медленно въ домъ жениха, гдѣ для обоихъ новобрачныхъ приготовляютъ отдѣльныя комнаты, освѣщенныя какъ можно большимъ ко-

*) Въ прежнемъ описаніи моемъ („Разсвѣтъ“ 1881 года № 18) было сказано, что невѣста семь разъ обходитъ жениха. Эта ошибка вкралась тогда, во-первыхъ, по молодости моей и незнакомству съ нѣкоторыми обрядами нашего народа, такъ какъ маленькіе вовсе не допускаются на такія торжества, гдѣ много народу; во-вторыхъ, живя между русскими евреями и видя обрядъ вѣнчанія у этихъ послѣднихъ, почти одинаковый съ обрядомъ горцевъ, я не обратилъ вниманія на это различіе.

личествомъ свѣчей. Дорогой со всѣхъ сторонъ на молодыхъ сыплются крупа, пшено и мука, которыя бросаютъ женщины, услыша шумъ проходящей мимо ихъ сакель процессіи и выбѣгая второпяхъ на встрѣчу молодымъ. Во многихъ мѣстахъ раздаются выстрѣлы изъ ружья и пистолета и слышится «ура» и музыка. Дома встрѣчаютъ молодыхъ родители мужа и, снова благословивъ ихъ и поцѣловавъ, отводятъ ихъ отдѣльно въ приготовленныя комнаты. На брачный ужинъ приглашаются всѣ въ городѣ или аулѣ: мужчины съ ихъ гостями, женщины и дѣти. Мужчины собираются въ комнатѣ молодого, который сидитъ на низенькомъ татарскомъ стуликѣ и поднимается съ мѣста при входѣ каждаго изъ гостей, ласково отвѣчая на пожеланія счастія. Передъ молодымъ на полу ставится большой мѣдный подносъ, на которомъ лежатъ три чурека съ узорами сверху и съ яблоками и красными яйцами по три на каждомъ чуркѣ. Въ чуректъ втыкаются на одинаковомъ разстояніи три четыре маленькихъ восковыхъ свѣчки. Каждый приходящій гость усаживается на полу, покрытомъ разноцвѣтными коврами, наиболѣе же почетные садятся на мягкія подушки. Молодой сидитъ на первомъ почетномъ мѣстѣ, такъ какъ онъ теперь въ продолженіе восьми дней считается выше всѣхъ въ обществѣ. Послѣ жениха сидитъ раввинъ, передъ которымъ ставятъ тарелку или разстилаютъ большой платокъ, куда каждый кладетъ свое посильное пожертвованіе въ пользу молодыхъ, называемое «Ноторъ-хадіо». Жертвованія начинаются родителями жениха и невѣсты. Братъ жениха подаетъ жертвователю стаканъ съ виномъ и, громко произнося: «hей-шобошъ, hей-шобошъ», говоритъ его имя и сумму пожертвованнаго. Кромѣ этого пожертвованіямъ ведется подробная запись, которая хранится у новобрачнаго для того, чтобы и онъ могъ пожертвовать такую же сумму, если не больше, на свадьбѣ каждаго изъ жертвователей или его дѣтей. Жертвованія доходятъ отъ 50 р. до 300, 400, смотря потому, бѣденъ ли женихъ, или богатъ. Въ первомъ случаѣ сборъ бываетъ маленькій, а во второмъ большой, такъ какъ на свадьбу бо-

гатаго, кромѣ односельцевъ, пріѣзжаетъ изъ другихъ городовъ и ауловъ масса родственниковъ и родственницъ.

По окончаніи этой церемоніи подается ужинъ, послѣ котораго рабби служитъ молебствіе, за что и ему гости платятъ по состоянію и желанію. Затѣмъ общество расходится по домамъ. Почти тоже происходитъ и на половинѣ молодой, куда собираются женщины, но съ тою только разницею, что для нея не собираются деньги, и если кто либо изъ женщинъ даритъ ее подарками за «открываніе лица», то только однѣ родственницы. Съ молодой сидятъ *согдуши* и *енга* за занавѣской, чтобы не всѣ женщины видѣли, какъ ѣстъ невѣста, и ужинаютъ.

Когда старики уходятъ, молодежь садится ужинать съ новобрачнымъ, а дѣвушки съ молодой. Нестѣсняемая присутствіемъ старшихъ, молодежь предается неудержимому веселью. Шутки, пѣсни и шумный говоръ не умолкаютъ. Къ полуночи новообвѣнчанные оставляютъ шумное общество, а дѣвушки, собравшись въ комнатѣ молодого, поютъ веселыя свадебныя пѣсни. Покой новобрачныхъ охраняетъ названный братъ жениха. Часа черезъ три женихъ возвращается къ своей свитѣ, а «согдуши, куда-катунъ и енга» входятъ въ комнату молодой и, узнавъ о благополучномъ исходѣ дѣла и прыгая радостно, скорѣе убираютъ ложе новобрачныхъ. Въ это время друзья жениха стрѣляютъ изъ ружей, что извѣщаетъ о благополучномъ совершеніи брачнаго акта. Тогда шахъ со своей свитой отправляется смотрѣть, что дѣлаетъ молодая. Прійдя къ невѣстѣ, онъ со свитой садится на полу, и каждому изъ нихъ молодая подаетъ стаканъ съ виномъ, въ который они, опорожнивъ его, кладутъ какую нибудь монету. *Согдуши* и *енга* поютъ «hей-шобошъ!», а посаженная мать невѣсты собираетъ эти деньги и даетъ юношамъ отъ имени молодой разные подарки: кисеты, обшитые золотомъ и серебромъ, шелковые, шерстяные платки и пр. Затѣмъ всѣ расходятся и сакля пустѣетъ. Согдуши, енга и посаженная мать остаются съ молодой девять дней, прислуживаютъ ей въ это время и утѣша-

ютъ, такъ какъ она постоянно плачетъ объ оставленіи родительскаго дома. Тѣмъ болѣе скучаетъ она и горюетъ, если вышла замужъ въ другой аулъ или городъ, и съ ней нѣтъ никого изъ родныхъ, кромѣ брата, провожающаго ее. Послѣ свадьбы новобрачная три-четыре мѣсяца не выходитъ изъ дому и не снимаетъ покрова. По истеченіи этого времени, выходя изъ дому на свадьбы или обрученія, она продолжаетъ носить покрывало около года, а дома снимаетъ его и занимается хозяйствомъ. На 10-ый день послѣ свадьбы дѣлается «родственный обѣдъ», на которомъ присутствуютъ только родственники молодыхъ и рабби, а вечеромъ провожаютъ нареченнаго брата молодого домой, давъ ему приличные подарки отъ имени молодыхъ. Послѣ этого молодымъ супругамъ дается свобода и они занимаются дома хозяйственными дѣлами.

Нужно замѣтить, что горскія дѣвушки выходятъ очень рано замужъ, такъ что 15-ти лѣтъ онѣ по большой части имѣютъ уже и ребенка.

ГЛАВА IV.

Сидѣлки у больного еврея горца. Господствующія болѣзни и способы ихъ лѣченія. Мѣстные врачи и отношеніе горцевъ-евресвъ къ медицинѣ. Причины заразительныхъ болѣзней. Похороны. Женщины плакальщицы. Трауръ по умершимъ молодымъ и старикамъ. Дѣвушка-невѣста по смерти жениха. Повѣрья относительно явленія смерти, относительно носилокъ, могилъ и воя собакъ. Кровная месть. Суды и управленія у городскихъ и сельскихъ жителей. Случай убійства. Справленіе поминокъ. Повѣрья о безсмертіи души и о загробной жизни. Высшій верховный судъ. Троны Бога. Гелгелъ (вращеніе). Адъ. Рай.

Еще за долго до кончины еврея-горца сакля его безпрестанно посѣщается стариками и старухами одного съ нимъ аула, которые заботливо ухаживаютъ за нимъ, исполняютъ малѣйшее его желаніе и даже остаются ночевать у него, такъ что у больного еврея-горца никогда, ни днемъ, ни ночью, не бываетъ менѣе двухъ-трехъ сидѣлокъ. Разсказывая объ обы-

чаяхъ евреевъ горцевъ покупать жену, дѣлать помолвку дѣтей въ ихъ младенчествѣ, о затворничествѣ женщинъ, о знахаряхъ и колдунахъ и пр., я коснулся между прочимъ и вопроса о господствующихъ болѣзняхъ между горскимъ населеніемъ. Изъ нихъ я обратилъ вниманіе на чахотку и на болѣзни дѣтей и показалъ причины, отъ которыхъ проистекаютъ такія гибельныя послѣдствія. Теперь же сообщу о нѣкоторыхъ болѣзняхъ, которыя могутъ быть излѣчимы при правильномъ лѣченіи, но благодаря невѣжеству евреевъ-горцевъ, все таки имѣютъ оченъ дурныя послѣдствія для больныхъ. Къ такимъ болѣзнямъ относятся: припадки (дӱлъ гӱрдеи), которые, повторясь чаще и чаще, переходятъ въ сумасшествіе (шаһадуни),—золотуха (кечель), лихорадка (лерзъ), горячка (кизмишъ), желтуха (савзи), оспа (овле), бугорчатка (зӱве, дӱмбель), ревматизмъ (воръ) и многія другія, различныя по мѣстностямъ и густотѣ населенія. Причиной припадковъ, сумасшествія, ревматизма и дѣтскихъ болѣзней, по мнѣнію, горскихъ-евреевъ, какъ было сказано, непремѣнно является злой духъ или дьяволъ. Какъ показываютъ самыя названія этихъ болѣзней—«дӱлъ-гӱрдеи» (хватаніе за сердце и сжиманіе его), «шаһадуни» (схваченный дьяволомъ), «нумъ пегиръ гӱрдей» (держаніе въ рукахъ дьяволомъ), «воръ» (вѣтеръ или духъ дьявола),—онѣ зависятъ главнымъ образомъ отъ злыхъ духовъ, которыхъ должно умилостивлять, уговаривать отпустить на свободу свои жертвы. Нѣтъ человѣка, который убѣдилъ бы евреевъ, что всѣ эти названія пустяки, что исходъ болѣзней не зависитъ отъ этихъ названій, которыя созданы народной фантазіей. Они призываютъ персидскихъ цирульниковъ, знахарей и другихъ проходимцевъ съ массою травъ въ мѣшечкахъ, ввѣряютъ имъ больного, который, узнавъ названіе своей болѣзни, еще болѣе пугается и становится чѣмъ дальше, тѣмъ хуже, пока не наступитъ смерть, или болѣзнь не превратитъ его въ щепку. Зная изъ практики кое какія врачебныя средства и не имѣя никакого понятія о медицинѣ, эти персидскіе цирульники называютъ

себя «хаким-ами (медиками, докторами), открываютъ лавочку въ аулѣ или городѣ и занимаются продажей травъ, которыя держатся въ висящихъ на гвоздяхъ по всему потолку и стѣнамъ мѣшечкахъ и грязныхъ тряпкахъ. Дѣлаясь купцами, они въ тоже время исполняютъ роль врачей и разъѣзжаютъ на практику по ауламъ. Чуть что случилось съ человѣкомъ, они сейчасъ пускаютъ кровь и прописываютъ ему какую нибудь траву, изъ которой дѣлаютъ для него настой съ водкой или чай. Не смотря на явное шарлатанство, медики цирульники пользуются между евреями горцами большимъ уваженіемъ и полнымъ довѣріемъ, а доктора ученые, которыхъ, впрочемъ, не заманишь въ аулъ, вовсе ими не почитаются. Во-первыхъ, ученый докторъ, по ихъ мнѣнію, очень мало говоритъ съ больнымъ, ни о чемъ обстоятельно не разспрашиваетъ его, а только пощупаетъ ему пульсъ, попроситъ показать языкъ и посмотритъ на лицо, «будто тамъ написано, что дѣлается внутри», говоритъ горецъ, а, во-вторыхъ, прописавъ какія то трефныя лѣкарства (негодныя по закону Моисея), спѣшитъ уйти, чтобы больше не пріѣхать. А этотъ «хакимъ» говоритъ съ больнымъ безъ устали, разспрашиваетъ его обо всемъ и даетъ такія лѣкарства, которыя, какъ травы, не запрещены законами Моисея и не содержатъ свиного сала и свинины. Еще интереснѣе, какъ лѣчатъ знахари «желтуху», лихорадку и другія болѣзни, такъ называемыми, бабьими средствами. Однажды братъ мой заболѣлъ желтухой, и все тѣло его и глаза пожелтѣли. Мать потребовала аульнаго знахаря, который сперва опоясалъ голую поясницу больнаго желтымъ шнуркомъ, потомъ началъ давать ему порошекъ изъ толченаго янтаря въ водѣ и, наконецъ, живыхъ вшей, спрятавъ ихъ предварительно въ медѣ и не говоря объ этомъ брату, чтобы ему не было противно принимать. Братъ не умеръ и благо, что мы жили тогда въ городѣ, гдѣ можно было пригласить доктора, который и вылѣчилъ его. Желтуха происходитъ, по мнѣнію евреевъ, отъ досады. Если съ человѣкомъ происходитъ ударъ, обморокъ или нечаянная болѣзнь,

то это приписываютъ сглазу. Сглазить человѣка можно за его хорошія качества, и средствомъ къ лѣченію отъ этой болѣзни служитъ то, чтобы сглазившій плюнулъ или смазалъ бы своею слюною лицо больного. Для того, чтобы узнать, былъ ли сглазъ, или болѣзнь вызвана чѣмъ нибудь другимъ, бросаютъ на стѣну горсть муки, и если она пристала, то значитъ сглазъ, если же нѣтъ, то причина болѣзни другая. А чтобы узнать, кто именно сглазилъ, дѣлаютъ изъ тѣста шарики и бросаютъ въ огонь, произнося при этомъ имена всѣхъ односельцевъ мужскаго или женскаго пола, или тѣхъ, которыхъ видѣлъ больной въ послѣднее время. Если шарики горятъ при этомъ не трескаясь и не выскакивая изъ огня, то значитъ, никто изъ названныхъ не сглазилъ, если же шарикъ выскакиваетъ съ трескомъ при произнесеніи имени кого либо, то сейчасъ посылаютъ къ этому лицу и просятъ прислать въ блюдцѣ своей слюны, или же придти самому и смазать слюною лобъ больного, губы, щеки, подбородокъ и плечо. Шарикъ же, выскочившій изъ огня, превращаютъ въ порошокъ и даютъ больному съ водою. Отъ лихорадки лѣчатся также или травами, настоями и «hейкелями» (талисманъ), или же посредствомъ гаданья, которое происходитъ слѣдующимъ образомъ. Мальчикъ или дѣвочка изъ родственниковъ больного идетъ ночью подъ окна трехъ сосѣдей и, разбудивъ кого либо изъ ихъ домашнихъ, спрашиваетъ, измѣнивъ голосъ, чтобы не знали отъ кого: «какое нужно лѣкарство отъ лихорадки?» Тамъ просыпаются и, зная обычай, говорятъ сразу, что придетъ въ голову. Напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ назвали—кашу, въ другомъ шашлыкъ и въ третьемъ—хинкалъ. Три дня собираютъ тогда изъ этихъ трехъ домовъ по тарелкѣ этихъ кушаній и потомъ, смѣшавъ ихъ въ одно, кормятъ больного. Отъ ревматизма лѣчатъ или натираніемъ различными маслами и купаніемъ въ минеральныхъ водахъ и грязяхъ, которыя имѣетъ Кавказъ почти во всѣхъ уголкахъ своихъ, или же—привязкой бусъ изъ различныхъ горныхъ камней, рудъ и металловъ, на больное мѣсто. По мнѣнію евреевъ, эти

бусы имѣютъ свойство выгнать газъ, вселившійся по повелѣнію злого духа въ органы человѣка, и исцѣляютъ больного.

Причиной лихорадки, бугорчатки, сыпи, золотухи и пр. заразительныхъ болѣзней, отъ которыхъ страдаютъ большею частью молодые организмы, служатъ, конечно, узкія грязныя улицы, тѣснота и нечистота жилищъ, особенно женской половины, гдѣ преимущественно живутъ дѣти, и навозъ, разлагающійся или тлѣющій по временамъ около жилищъ. Интересенъ также у горскихъ евреевъ способъ лѣченія отъ испуга. Если кто кого испугалъ нечаянно или умышленно, и тотъ заболѣлъ отъ этого сильно, то виновникъ долженъ вымыть руку и дать эту воду пить больному. Этотъ способъ у насъ, т. е., въ восточномъ Дагестанѣ, уже выходитъ изъ употребленія и имѣетъ силу въ г. Кубѣ. Вмѣсто него у насъ испугавшемуся даютъ кусокъ земли, на которой онъ стоялъ во время полученія испуга, растворивъ ее въ водѣ.

Когда наступаетъ минута смерти еврея горца, весь аулъ приходитъ въ движеніе. Сакля покойника наполняется стариками и молодыми, мужчинами и женщинами, знакомыми и незнакомыми,—всѣ спѣшатъ отдать покойнику послѣдній долгъ. Никакая спѣшная работа не можетъ остановить ихъ въ этомъ. Торговцы на цѣлый день запираютъ лавки и, будь у нихъ въ это время какой угодно выгодный покупатель, они безъ всякихъ церемоній просятъ его придти въ другой день, такъ какъ теперь религіозныя обязанности не позволяютъ имъ медлить ни минуты. Ремесленники—кожевники, которыхъ особенно много между евреями на Кавказѣ, какъ сказалъ я выше, и другой работающій людъ бросаютъ свои дѣла и поступаютъ точно также. Женщины у трупа еврея горца играютъ первенствующую роль. Какъ только слухъ о смерти кого либо въ аулѣ дойдетъ до нихъ, онѣ бросаютъ всѣ свои домашнія работы и, поручивъ ихъ старшей дочери или дочери сосѣдки, которая никогда не откажетъ въ этой услугѣ при такихъ обстоятельствахъ, собираются всѣ вмѣстѣ, чтобы идти къ покойнику,

да кстати предварительно, по женскому обыкновенію, почесать языки о случившемся. Затѣмъ онѣ одѣваются въ бѣлые платки и желтые чувяки—знакъ глубокаго траура—и отправляются гурьбой въ домъ покойника. Мужчины уступаютъ имъ мѣсто въ комнатѣ умершаго и выходятъ во дворъ, причемъ старшіе и близкіе родственники располагаются ближе къ дверямъ сакли, а младшіе стоятъ у воротъ. Пятеро изъ молодыхъ людей идутъ на кладбище копать покойнику могилу; остальные стоятъ молча съ поникшими, въ знакъ печали, головами.

Между тѣмъ женщины толпятся у постели покойника и оглашаютъ его саклю раздирающими душу воплями, причемъ большинство изъ нихъ немилосердно царапаетъ себѣ лицо, рветъ на себѣ волосы, такъ что во время похоронъ едва ли можно увидѣть хоть одну женщину изъ родственницъ покойника, у которой щеки и грудь не были бы окровавлены. Покойника снимаютъ съ постели и кладутъ на землю, на которой онъ лежитъ до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ ушедшихъ копать могилу не сообщитъ, что она готова. Въ это время зажигаются свѣчи, а грамотные и рабби читаютъ псалмы Давида и нѣсколько главъ изъ толкованій «Мишне», чтобы успокоить, утѣшить душу, порхающую безпокойно надъ своимъ жилищемъ. Наконецъ возвращается одинъ изъ могильщиковъ съ извѣстіемъ объ изготовленіи могилы. Мужчины принимаются обмывать покойника, а женщины въ это время сшиваютъ покойнику изъ тонкаго холста его послѣднюю одежду: рубаху, штаны, чулки, ермолку и перчатки. Поверхъ всего этого на умершаго надѣваютъ саванъ и опоясываютъ его кушакомъ изъ того же холста. Такое одѣяніе получаютъ только умершіе естественною смертью, умершаго же насильственною не обмываютъ и не снимаютъ съ него ни одной части платья, въ которомъ онъ умеръ, а только завертываютъ его въ саванъ. Въ этомъ случаѣ съ нимъ хоронятъ и оружіе, которое онъ носилъ. Обмываютъ покойника, смотря по его полу, мужчины и женщины. Обмываніе происходитъ на дворѣ или подъ балкономъ въ палаткѣ, устроенной изъ нѣсколькихъ

бревенъ и покрытой одѣялами. Рубашка, штаны, чулки и прочія одежды покойника пришиваются одна къ другой и закрываютъ всѣ части его тѣла за исключеніемъ лица, для котораго тоже дѣлаютъ покрывало. Сверхъ этихъ одеждъ и подъ саваномъ покойника обертываютъ въ большой «сысытъ» (покрывало, которымъ покрываются евреи во время богослуженія). Когда покойникъ снаряженъ для погребенія, начинаются общіе вопли мужчинъ и женщинъ, сопровождающіеся ударами въ лобъ, въ лицо, и въ грудь, вырываніемъ волосъ на головѣ, царапаніемъ щекъ, кусаніемъ рукъ и тому подобными выраженіями печали и сочувствія. Обществомъ плакальщицъ управляетъ какая нибудь родственница покойника. Ее можно узнать по наиболѣе растрепаннымъ волосамъ и обезображенному лицу, и она громче всѣхъ завываетъ: «уя!-уя! вовъ!-вовъ!» Является шесть человѣкъ съ носилками, на которыя укладываютъ покойника. Носилки окружаютъ женщины въ два ряда, взявшись за руки, и снова начинаютъ оглашать дворъ воплями и страшными криками «уя!-уя! вовъ!-вовъ!» Наконецъ, проводивъ покойника со двора, онѣ возвращаются назадъ, а процессія трогается къ кладбищу, три раза останавливаясь на дорогѣ. Во время остановокъ носилки опускаются на землю, и раввинъ читаетъ надъ покойникомъ молитвы. Носильщики мѣняются каждые двадцать пять, тридцать шаговъ, пока процессію завидятъ копавшіе могилу. Тогда они направляются ей на встрѣчу, замѣняютъ послѣднихъ носильщиковъ и несутъ покойника до самой могилы. Въ могилу опускаются два, привычные къ этому дѣлу, человѣка и укладываютъ мертвеца головой къ востоку. Голова покойника лежитъ на набитой землею подушкѣ, а у ногъ его стоитъ выкрашенный яркими красками памятникъ, обращенный лицевою стороною также къ востоку. На памятникѣ описываютъ добрыя качества и благодѣянія покойника, гостепріимство его, заступничество за бѣдныхъ и пр. Кромѣ этого на немъ помѣщаются стихи изъ книгъ пророковъ и обозначается день, число и годъ, въ который покойникъ потребованъ къ Верховному Небесному Суду.

Въ стихѣ говорится слѣдующее: «Да пробудятся и встанутъ многіе изъ спящихъ къ жизни вѣчной». Тѣло кладется въ могилу безъ гроба, но могила устилается съ боковъ и сверху досками, которыя лежатъ въ вышину одного аршина, поддерживаясь тремя поперечными палками. Могила засыпается всѣми присутствующими, причемъ каждый старается бросить хотя бы одну горсть земли. Для того, чтобы могилу можно было, до постановки на ней памятника, отличить отъ другихъ, родители или родственники покойнаго ставятъ съ двухъ сторонъ ея камни, или вбиваютъ колья. Глубина вырытой могилы доходитъ обыкновенно до двухъ съ половиною или до трехъ аршинъ. Провожавшіе покойника, возвращаясь съ могилы, срываютъ траву на кладбищѣ и бросаютъ ее черезъ плечо, повторяя эту церемонію три раза со словами: «да не будетъ больше смерти, да прекратится она навѣки, аминь.» Вышедъ съ кладбища, они образуютъ кругъ, среди котораго становится отецъ, сынъ, братъ или близкій родственникъ покойнаго и читаетъ заупокойную молитву, послѣ чего вездѣ раздается «аминь!» Затѣмъ точно также поступаютъ и другіе, находящіеся въ траурѣ по умершимъ недавно, и всѣ начинаютъ утѣшать родственниковъ покойнаго, вымывъ руки и протягивая имъ правую. Цѣлую недѣлю послѣ похоронъ общество не оставляетъ сакли покойника. Недѣля эта называется у горцевъ «овилъ», а на древне-еврейскомъ языкѣ «шивой». Во все продолженіе ея родители усопшаго сидятъ дома: мужчины тамъ, гдѣ лежалъ покойникъ, а женщины—на женской половинѣ, и никуда не выходятъ; поэтому и всѣ знакомые не покидаютъ ихъ на это время, чтобы ихъ утѣшать и развлекать. По повѣрію горцевъ-евреевъ, въ продолженіе цѣлой недѣли душа не можетъ свыкнуться съ мыслью, что она лишилась своего жилища, и все это время посѣщаетъ тотъ домъ, въ которомъ жила при жизни. Вслѣдствіе этого въ углу той комнаты, гдѣ лежалъ мертвецъ, родственники цѣлую недѣлю ставятъ зажженную свѣчу, которая спереди закрывается мѣднымъ подносомъ. Мужчины каждое утро и вечеръ читаютъ

молитвы, псалмы Давида, книгу Іова и главы изъ Мишны и Талмуда объ упокоеніи души умершаго и не уходятъ домой даже для обѣда и ужина, которые приносятся имъ изъ дома въ саклю умершаго. Родители или родственники покойнаго съ своей стороны дѣлаютъ ежедневно для гостей завтракъ, который служитъ поминками по умершимъ. Женщины, оставшіяся на эту недѣлю въ саклѣ покойнаго изъ уваженія къ его родителямъ, сидятъ на полу, образуя собою нѣсколько группъ. Близкая родственница, о которой было сказано еще раньше, обращаетъ на себя теперь всеобщее вниманіе. Она стоитъ на почетномъ мѣстѣ на колѣняхъ и, обезображенная, окровавленная, только бьетъ себя въ безсиліи по бедрамъ и, произнося хриплымъ голосомъ «huja! huja!» или машинально повторяя какое либо слово другой плакальщицы, растрогавшей ее своими воплями, рыдаетъ въ изступленіи и падаетъ въ изнеможеніи. Съ боковъ ее поддерживаютъ постоянно двѣ женщины, которыя ей не позволяютъ вырывать волосъ и царапать лицо. И смѣшно, и горько, и жалко, и, наконецъ, страшно становится при видѣ этой женщины. Большею частью такимъ истязаніямъ предаются жены, сестры и мать покойнаго. Изъ каждой группы поочереди начинаетъ плакать одна женщина (обыкновенно или родственница покойнаго, или пріѣхавшая на похороны, или какая либо плакальщица мастерица), а остальныя подтягиваютъ ей жалобнымъ топомъ съ восклицаніями «во-о-о-о-й! во-о-о-о-й!» и оглашаютъ воздухъ протяжнымъ напѣвомъ, слышнымъ на далекомъ разстояніи отъ дома усопшаго. По временамъ, вмѣсто воплей, плакальщицы начинаютъ восхвалять доброту, благодѣянія, богобоязливость и вообще всякія хорошія качества покойника. Чѣмъ больше онѣ причитываютъ съ чувствомъ и толкомъ и умѣютъ затронуть душу краснорѣчивыми словами, тѣмъ больше имѣютъ передъ собою плачущихъ мужчинъ и тѣмъ бо́льшую пріобрѣтаютъ извѣстность. Мужчины все это время, когда идетъ «гире» (плачь), стоятъ у дверей сакли и поочередно входятъ въ нее, причемъ каждый изъ нихъ становится на колѣни передъ плакальщи-

щами, плачетъ и бьетъ себя кулаками по лбу, по груди съ восклицаніями: «о-о-о-й! ой! умираю!» Послѣ чего плакальщица говоритъ: «не дай Богъ, чтобы ты умеръ, сынъ мой! Да паду я жертвой за тебя и передъ тобою;—плачь за брата, за такого то»,—и вспоминаетъ при этомъ имя давно умершихъ отца, матери или близкаго родственника, отчего тотъ плачетъ еще громче и опять повторяетъ, ударяя себя еще сильнѣе по груди и по лбу. Иные простираютъ свое усердіе до того, что черезъ два-три дня у нихъ появляются синія шишки. Въ промежутки между этими шумными воспоминаніями общество спокойно разговариваетъ о совершенно постороннихъ предметахъ, а женщины входятъ, выходятъ гурьбою изъ сакли покойнаго и дорогою разсуждаютъ о тѣхъ женщинахъ, которыя отличались своими рѣчами и движеніями, и о мужчинахъ, которые или вовсе не входили къ плакальщицамъ, или же плакали безъ слезъ: «какъ это не совѣстно имъ!» говорятъ онѣ, расходясь по домамъ. Во время одного изъ этихъ промежутковъ, днемъ и ночью подаютъ мужчинамъ и женщинамъ обѣдать и ужинать, причемъ прежде ѣдятъ мужчины, а женщины въ это время занимаются пересудами и различной болтовней. Когда подаютъ женщинамъ кушать, то изъ разныхъ домовъ являются роскошныя кушанья, приготовленныя знакомками въ честь пріѣзжихъ женщинъ. Одинъ изъ траурныхъ дней назначается родственниками умершаго, если онъ былъ молодъ, для молочнаго обѣда, приготовляемаго ими обществу. Но не всегда сопровождаются похороны горца-еврея такими трагическими картинами. Иногда похороны превращаются чуть ли не въ свадьбу, и всѣ проводятъ траурные дни въ весельи, пированьи и даже въ танцахъ. Это въ томъ случаѣ, если умираетъ какой либо почетный старикъ или старуха, жившіе около ста лѣтъ и имѣющіе нѣсколько поколѣній потомковъ. Тогда, исполняя религіозные обряды «сидѣть на полу и предаваться печали», родственники разъ въ день просятъ плакальщицъ начинать свой плачъ, который продолжается около часа, и во время котораго входятъ къ плакальщицамъ только

дѣти усопшаго, а остальное время всѣ проводятъ въ ѣдѣ, въ чтеніи псалмовъ и въ молитвахъ за успокоеніе души усопшаго и въ играхъ, въ которыхъ принимаютъ участіе даже дѣти и внуки, не предаваясь особенной печали. При этомъ происходитъ слѣдующая смѣшная церемонія: если умираетъ старикъ, то одинъ изъ родственниковъ умершаго переодѣвается въ старческое платье и идетъ въ женскую половину, гдѣ одѣваютъ какую либо старуху невѣстой и ждутъ прибытія старика жениха. Вокругъ жениха собирается молодежь, которая распѣваетъ свадебныя пѣсни, и дѣвушки съ подносами на головѣ, на которыхъ лежатъ, какъ на свадьбѣ, чуреки съ воткнутыми восковыми свѣчами. Вездѣ слышится хохотъ и веселье, на всѣхъ лицахъ видна радостная улыбка. Когда является женихъ, сопровождаемый процессіей, на него сыплются со всѣхъ сторонъ остроты, и къ нему выводятъ на кругъ невѣсту-старуху. Женихъ обнимается и цѣлуется съ невѣстой. Раздается смѣхъ и «ура». Ихъ заставляютъ танцовать, хлопая въ ладоши. Наконецъ всѣ присутствующіе танцуютъ съ невѣстой, которая тоже старается подражать во всемъ дѣвушкамъ невѣстамъ, чѣмъ опять вызываетъ въ присутствующихъ веселый смѣхъ. На деньги, собранныя при этомъ, покупаются фрукты, которыми угощаютъ мужчинъ и женщинъ. Если же умираетъ старуха, то невѣста идетъ къ переодѣтому жениху въ мужскую половину, гдѣ происходятъ тѣ же шутки.

На седьмой день родители или родственники покойнаго устраиваютъ по немъ настоящія поминки, называемыя «хайратъ», и отпускаютъ своихъ гостей, поблагодаривъ ихъ за выраженное ими участіе. Трауръ носится родственниками покойнаго въ продолженіе года. Кромѣ того они не ходятъ купаться и не только не бываютъ на свадьбахъ и тому подобныхъ празднествахъ, но даже не входятъ въ домъ, гдѣ собралось какое нибудь веселое общество. Женщины же все это время собираются въ домъ покойника по понедѣльникамъ и четвергамъ и оглашаютъ саклю своимъ плачемъ. Наконецъ,

если пріѣзжаетъ какой нибудь знакомый гость въ аулъ или отсутствовавшій родственникъ умершаго, то онъ обязанъ идти, не заходя даже домой, сейчасъ же къ его родственникамъ, гдѣ уже собрались женщины и начали плачь. Войдя въ саклю, онъ оретъ во все горло, приговаривая: «охъ братъ мой! Зачѣмъ я не увидѣлъ тебя! Ой, ой . . . и пр.» и бьетъ себя по лбу и по груди. Когда онъ обезсиливаетъ отъ рыданій и ударовъ, плакальщица перестаетъ и проситъ его сѣсть на приготовленный для него низенькій татарскій стуликъ. Послѣ этого начинаются разспросы объ его здоровьѣ и дѣлахъ. Отсюда онъ идетъ въ дома другихъ носящихъ трауръ, у кого въ продолженіе года были покойники, и тѣ также встрѣчаютъ его съ плачемъ. Иногда гостю приходится плакать цѣлый день, не бывъ дома, не поѣвъ и не отдохнувъ съ дороги. Если же онъ позабылъ какое либо мѣсто или просто не пошелъ, то всѣ родственники того умершаго избѣгаютъ съ нимъ встрѣчи и вовсе не говорятъ съ нимъ.

Сверхъ всего этого родители за упокой души дѣтей, а дѣти—родителей—одиннадцать мѣсяцевъ ходятъ ежедневно утромъ и вечеромъ въ синагогу для чтенія заупокойной молитвы «кадышъ»; по прошествіи же одиннадцати мѣсяцевъ на могилѣ покойнаго ставится памятникъ. Затѣмъ ежегодно, въ день смерти, по немъ справляются поминки, и женщины собираются плакать. Дѣвушекъ вовсе не бываетъ на похоронахъ, за исключеніемъ невѣсты умершаго молодого человѣка, когда она играетъ первенствующую роль и доводитъ себя до экстаза. Такая невѣста становится по обычаю невѣстой младшаго брата умершаго, если тому даже два-три года, а ей пятнадцать-шестнадцать. Она должна ждать его, пока онъ выростетъ, и онъ обязательно женится на ней. Если умершій не имѣетъ братьевъ, то ей дается свобода безъ всякаго развода. Когда же покойникъ имѣлъ женатыхъ братьевъ и она, вдова его, не имѣетъ дѣтей, то одинъ изъ братьевъ, по соглашенію между собою, долженъ или жениться на ней и потомъ дать ей разводъ, или же отдать ей «халисо». (Такъ же поступаютъ женатые братья

относительно невѣсты покойнаго брата). «Халисо» сопряжено съ большими трудностями и состоитъ въ томъ, что одинъ изъ братьевъ долженъ обуться въ башмакъ, сдѣланный изъ пергамента и окрашенный сажей. Башмакъ прикрѣпляется къ голени до самаго колѣна поясами, переплетенными какъ то искусно, по требованіямъ обряда религіи, и застегивается кожаными пуговками, спрятанными тоже какъ то особо подъ ремнями. Этотъ башмакъ считается одной изъ священныхъ вещей, требуемыхъ обрядомъ при разводѣ, и дѣлается раввѝномъ рублей за двадцать-пять, тридцать. По указаніямъ раввина, при свидѣтеляхъ и народѣ, дѣвушка должна прикрѣплять башмакъ къ ногѣ выбраннаго изъ братьевъ, застегивать по правиламъ и потомъ снять ремни и растегнуть пуговки, не запутываясь. Если она сняла благополучно, то дѣлается свободной и можетъ выйти замужъ, а въ противномъ случаѣ, должна остаться вѣчной вдовой. Но въ послѣднемъ случаѣ боясь, чтобы женщина не оставалась безъ мужа и тѣмъ не вводила бы всѣхъ родственниковъ въ грѣхъ, ее вѣнчаютъ съ однимъ изъ нихъ и потомъ разводятъ обыкновеннымъ порядкомъ, если онъ не захочетъ жить съ двумя женами. Но до развода онъ обязанъ жить съ ней все таки не менѣе шести мѣсяцевъ.

Чрезвычайно интересны повѣрья нашихъ евреевъ-горцевъ, относящіяся къ смерти человѣка, — повѣрья, основанныя на талмудѣ и народной фантазіи. Такъ, по повѣрію, когда приближается минута смерти человѣка, съ неба спускается ангелъ и становится у изголовья умирающаго. Ангелъ этотъ имѣетъ ужасный видъ, и тѣло его сплошь покрыто глазами. Въ рукѣ онъ держитъ мечъ, на концѣ котораго висятъ три капли яда. Умирающій, при видѣ страшнаго ангела, отъ испуга широко раскрываетъ ротъ; тогда ангелъ смерти опускаетъ ему въ ротъ первую каплю яда, отъ которой человѣкъ желтѣетъ,—послѣ второй—являются предсмертныя судороги, а послѣ третьей — смерть. По другимъ сказаніямъ, ангелъ смерти рѣжетъ свою жертву мечемъ. Вслѣдствіе этого три

сосѣдніе дома должны вылить воду, находившуюся у нихъ во время смерти сосѣда, потому что ангелъ, не найдя у него воды, можетъ обмыть свой мечъ въ какомъ нибудь сосѣднемъ домѣ. Когда душа оставляетъ тѣло, она кричитъ страшнымъ голосомъ, раздающимся на весь міръ. Крикъ этотъ такъ ужасенъ, что человѣкъ, услыхавъ его, непремѣнно бы умеръ, но, къ счастію, никто этого услышать не можетъ кромѣ куръ. Второй точно такой же страшный крикъ издаетъ душа, когда тѣло умершаго снимаютъ съ постели и кладутъ на полъ. Эти минуты, по повѣрію самыя мучительныя для мертвеца. Съ одной стороны, тѣло мучится физическою болью, а съ другой—душа тоскуетъ, порхая надъ тѣломъ, подобно ласточкѣ надъ разореннымъ гнѣздомъ. Она все слышитъ, все видитъ, но не можетъ принять участія въ разговорѣ живыхъ людей. Когда мертвеца выносятъ изъ дома, то, смотря по его заслугамъ, если онъ былъ праведникъ, его встрѣчаютъ добрые духи и привѣтствуютъ его; если же грѣшникъ, — злые духи набрасываются на него и терзаютъ его. И тѣ, и другіе являются въ количествѣ, пропорціональномъ совершеннымъ покойнымъ при жизни поступкамъ, по словамъ Св. Писанія: «каждое доброе дѣло сотворяетъ добраго ангела, каждое злое—злого». Но евреи-горцы, думая задобрить серебромъ злыхъ духовъ, бросаютъ на воздухъ, подойдя къ кладбищу, серебряныя монеты, которыя потомъ собираютъ маленькіе сироты и бѣдные.—Когда покойникъ зарытъ въ могилу и живые оставили его, къ нему является ангелъ «Малахъ-hе-Дӯми́» съ длиннымъ огненнымъ кнутомъ и бьетъ имъ по могилѣ. Могила тотчасъ же открывается, ангелъ спускается туда и спрашиваетъ мертвеца: «ме-шемихо»? (Какъ твое имя). Мертвецъ кричитъ страшнымъ голосомъ, и крикъ этотъ разносится далеко по всему міру. Живой человѣкъ, услыхавъ этотъ крикъ, умеръ бы отъ ужаса; поэтому, закопавъ могилу и прослушавъ заупокойную молитву, читаемую сыномъ или родственникомъ умершаго, необходимо какъ можно скорѣе уйти отъ нея, не оглядываясь назадъ. Но какъ мертвецъ ни старается, онъ не можетъ

вспомнить своего имени. Тогда ангелъ три раза ударяетъ его кнутомъ, отчего животъ мертвеца трескается. Ангелъ вынимаетъ внутренности человѣка, бьетъ ими его по лицу и говоритъ съ насмѣшкой: «вотъ ради чего ты жилъ»! Эти посмертныя страданія называются «хиборъ-гоковеръ», и отъ нихъ, говорятъ, рѣдко кто избавляется, — даже праведникъ. Относительно носилокъ и вырытыхъ готовыхъ могилъ тоже существуютъ у евреевъ-горцевъ различныя повѣрья. Одни изъ ауловъ имѣютъ временныя носилки, а другіе—постоянныя. Это ведется у нихъ съ незапамятныхъ временъ, и замѣнить однѣ другими—считается тяжкимъ грѣхомъ, падающимъ на голову всего общества; поэтому тѣ аулы, которые имѣютъ постоянныя носилки, не дѣлаютъ вовсе временныхъ,—также и наоборотъ. Это основано на томъ, что ихъ отцы, чтобы остановить смерть и запугать ее тѣмъ, что они не боятся ея, сдѣлали постоянныя носилки, а нѣкоторые другіе, живя съ надеждой, что придетъ день, когда вовсе не будетъ смерти, и если имѣть готовыя носилки, то, значитъ, приготовить ихъ для кого нибудь изъ своихъ членовъ, воспретили имѣть таковыя. Современные же горцы-евреи идутъ по слѣдамъ своихъ отцовъ и придерживаются строго тѣхъ правилъ, которыя они установили. Если могила, назначенная для такого-то, не удалась сразу, то это значитъ, что умершій былъ тяжкій грѣшникъ, если же она будетъ стоять вырытою нѣсколько дней, то непремѣнно умретъ одинъ изъ общества. Временныя носилки представляютъ собою двѣ толстыя палки, переплетенныя поперечными палочками на подобіе лѣстницы,— а постоянныя — ящикъ въ видѣ корыта, имѣющій ножки и четыре ручки. Временныя ломаются сейчасъ же послѣ похоронъ и бросаются въ рѣку, чтобы больше не приходилось дѣлать ихъ, и вода унесла бы съ собою всякія воспоминанія о нихъ,—постоянныя же вмѣстѣ съ свадебнымъ балдахиномъ стоятъ въ притворахъ синагогъ.

У евреевъ, какъ у многихъ другихъ народовъ, есть повѣріе, что собака чуетъ мертвеца и показываетъ это своимъ воемъ.

Кавказскіе евреи, какъ только заслышатъ вой собакъ, тотчасъ же втыкаютъ въ землю около порога ножъ, ножницы или какое нибудь другое острое стальное орудіе. Это для того, чтобы злой духъ не переступилъ порога, такъ какъ онъ, какъ было сказано, очень боится стали. Не всегда, однако, похороны еврея горца обходятся такимъ образомъ. Иногда въ саклѣ его, среди воплей печали, раздаются гнѣвные возгласы, требованія крови и голосъ мести. Каждая капля крови, по мнѣнію еврея горца, должна быть отомщена, и покойникъ до тѣхъ поръ не успокоится, кровь его не перестанетъ кипѣть, и онъ не будетъ принятъ къ престолу Всевышняго, пока не будетъ взята кровь за кровь. Долгъ мести переходитъ отъ одного близкаго родственника къ другому, и мстить могутъ родственники убитаго не только убійцѣ, но и всякому, попавшемуся имъ на пути изъ его родственниковъ. Въ послѣднее время однако, благодаря увеличенію полицейскаго надзора въ селахъ и городахъ, убійцы находятъ защиту и избѣгаютъ мести, заплативъ за кровь убитаго назначенную «адатомъ» (обычнымъ правомъ) сумму. Послѣ смерти кого-либо отъ рукъ горца-еврея, родные послѣдняго разсылаютъ тайныхъ гонцовъ по всѣмъ мѣстамъ, ауламъ и городамъ съ печальнымъ извѣстіемъ и просятъ всѣхъ—даже самыхъ дальнихъ, родственниковъ—быть осторожными и каждому беречь свою голову. Тѣ вооружаются, собираются въ крѣпкой позиціи и ждутъ нападенія непріятеля три дня. Богатые нанимаютъ еще караулъ, который стоитъ эти три дня кругомъ позиціи и предупреждаетъ малѣйшее движеніе враговъ. Если въ эти три дня родственникъ убійцы попадется на пути родственника убитаго и лицемъ къ лицу, то первый долженъ сложить свое оружіе и сдаться въ руки второму, или убѣжать. Конечно, послѣдняго не долженъ сдѣлать, по понятію горца, мужчина, носящій папаху и опоясывающійся кинжаломъ. Въ противномъ случаѣ онъ не мужчина, а баба, и достоинъ носить только женскій платокъ. По истеченіи трехъ дней, если родные убитаго не сумѣли отомстить за его кровь, являются старшины

города или аула мирить кровныхъ враговъ. Передъ миромъ между обѣими сторонами идутъ переговоры объ извѣстной суммѣ денегъ, которую платитъ убійца семейству убитаго и такимъ образомъ выкупаетъ себя изъ опасности подвергнуться мщенію. Сумма эта доходитъ до 500 — 600 рублей, начиная со 100. Когда переговоры приходятъ къ благопріятному результату, то всѣ родственники убійцы, окруженные сельскимъ карауломъ, босые и безъ шапокъ, отправляются къ родителямъ убитаго, гдѣ также собираются всѣ родственники его, чтобы послѣ не вышло недоразумѣнія. Ихъ сопровождаютъ старшины и почетныя лица въ аулѣ. Прійдя въ домъ покойника, всѣ бросаются на колѣни и просятъ прощенія. Тѣ прощаютъ при свидѣтеляхъ и народѣ и цѣлуются. Этимъ устанавливается миръ, который не можетъ быть нарушенъ, подъ страхомъ жестокаго наказанія отъ общества, никакой стороной, и родственники убитаго съ родственниками убійцы становятся съ этого дня *кровными родными*. Между тѣмъ убійцу сажаютъ въ тюрьму и даютъ знать высшему Народному Суду, существующему въ главномъ городѣ области, о результатахъ мира и выкупныхъ денегъ. Тогда убійца выпускается изъ тюрьмы и отправляется въ дальній аулъ на годъ и полтора, чтобы родственники убитаго не убили его. По прошествіи этого срока убійца возвращается домой, мирится со всѣми родными убитаго и дѣлается ихъ родственникомъ (однимъ изъ ближайшихъ). Родители же и братья убитаго называютъ его сыномъ и братомъ, и если у покойника остались дѣти, то они называютъ его отцомъ. Словомъ, отношенія между ними становятся гораздо болѣе близкими, чѣмъ между настоящими родственниками, и они получаютъ законное право мстить другъ за друга. Такому суду подчиняются въ настоящее время только тѣ изъ евреевъ горцевъ, которые приписаны къ ауламъ и не принадлежатъ къ городскимъ сословіямъ. Послѣдніе подчиняются правительственнымъ судамъ, а первые имѣютъ общее судилище съ тѣми племенами, съ которыми живутъ они въ однихъ аулахъ. Мѣста судилища въ аулахъ называются «пра-

вленіями», а судьи старшинами. Судъ производится по адату (обычаю) и (у мусульманъ) по шаріату (законамъ Корана). Сельскіе суды рѣшаютъ тяжбы, не превышающія ста рублей, а болѣе крупныя дѣла отправляются въ областной Народный судъ, имѣющій значеніе равное окружнымъ судамъ. Старшины выбираются народомъ изъ туземцевъ—магометанъ и евреевъ—по числу дымовъ и утверждаются правительствомъ. Такъ, въ Таркахъ (Дагестанской области) приблизительно 50 дымовъ евреевъ горцевъ на 1000—1200 дымовъ мусульманъ и одинъ старшина изъ евреевъ на 6—7 изъ мусульманъ.

Горцы евреи, принадлежащіе къ городскимъ сословіямъ, какъ сказано, подчиняются только русскому суду и не имѣютъ права требовать суда въ Народныхъ судахъ. Если случаются убійства, то виновные не выкупаются и не отправляются въ другіе аулы, а ссылаются въ Сибирь. Поэтому городскіе горскіе евреи, мстившіе убійцѣ самовольно, подвергаются суду за самоуправство и тоже ссылаются, смотря по винѣ, или заключаются въ тюрьму. Но природѣ горца-еврея не такъ скоро, должно быть, суждено измѣниться. Не смотря на строгость законовъ, не смотря на то, что его за убійство сажаютъ на нѣсколько лѣтъ въ тюрьму, отправляютъ въ каторгу, онъ, какъ видно, ничуть не думаетъ объ этихъ наказаніяхъ и только поддается своему пылкому характеру и дикой натурѣ, когда того требуетъ священный долгъ кровомщенія. Помню я такой случай. Къ Шуринскому раввину пріѣхалъ родственникъ его, молодой человѣкъ, подававшій большія надежды. Черезъ годъ онъ долженъ былъ кончить свое ученіе, и готовились уже отпраздновать его свадьбу. Но вышло иначе: молодой человѣкъ палъ жертвою несчастнаго случая. Дѣло произошло такимъ образомъ. Въ день праздника Эсѳири и Мардохея «hомуну» (Пуримъ), который, какъ сказалъ я при описаніи праздниковъ, проводится у насъ всегда очень весело, сидѣлъ я съ нѣсколькими своими пріятелями. Входитъ названный родственникъ нашего раввина Мушаилова и проситъ меня поѣхать съ нимъ покататься. Хотя такія

прогулки въ этотъ день у насъ въ большемъ ходу и совершаются въ память ѣзды Мардохея на богато-убранной царской лошади, въ царскомъ одѣяніи и съ вѣнцомъ на головѣ, какое то необъяснимое предчувствіе заставило меня отказаться отъ прогулки за недосугомъ и невозможностью по случаю собравшихся у меня гостей. Ю. очень обидѣлся моимъ отказомъ и пошелъ искать себѣ другаго попутчика... Въ самомъ разгарѣ веселой бесѣды мы были поражены раздавшимся звукомъ ружейнаго выстрѣла. Мигомъ выбѣжали мы на улицу и увидѣли какого то молодого человѣка, въ страшномъ испугѣ выскочившаго изъ сосѣдняго дома. На нашъ вопросъ, «что случилось?», бѣжавшій отвѣчалъ только несвязными словами: «Ахъ!... несчастный, несчастный.... я... кажется, убилъ его»!... и убѣжалъ дальше. Я опрометью бросился въ домъ, но охваченный клубами порохового дыма, выходившими оттуда, остановился на порогѣ. Тогда я увидѣлъ на полу комнаты того самаго Ю., которому отказалъ я часъ тому назадъ на его приглашеніе кататься. Какъ узналъ я впослѣдствіи, Ю. не былъ жертвою злого умысла, а одинъ изъ его пріятелей въ видѣ шутки навелъ на него ружье, заряженное двумя пулями и, не подозрѣвая, что оно заряжено, спустилъ курокъ. Убійца поспѣшилъ отдаться въ руки полиціи, такъ какъ иначе ему грозила кровная месть отъ родственниковъ убитаго, и, хотя онъ убилъ его по печалности, ему не избѣжать бы вѣрной смерти.

И, дѣйствительно, не прошло и десяти минутъ послѣ происшествія, какъ въ домъ, гдѣ лежалъ убитый, явился старикъ лѣтъ 75-ти, вооруженный съ ногъ до головы и громко требовалъ выдачи убійцы. Когда же ему сказали, что убійца добровольно отдался въ руки правосудія и находится теперь подъ охраною полицейскихъ, старикъ вышелъ изъ себя. Какъ сумасшедшій бѣгалъ онъ туда и сюда съ обнаженнымъ кинжаломъ въ рукѣ, грозя полицейскимъ кинжаломъ, если они будутъ слѣдить за нимъ, и отыскивая кого нибудь изъ родственниковъ убійцы, чтобы отомстить хоть имъ за преступленіе

убійцы. За нимъ бѣжалъ другой родственникъ убитаго съ ружьемъ въ рукѣ и они оба разражались проклятіями убійцѣ и требованіями мести. Къ счастію всѣ родственники убійцы, узнавъ о случившемся, поспѣшили скрыться, иначе кровь неминуемо потекла бы по улицамъ нашего города, и горцамъ евреямъ пришлось-бы оплакивать не одну жертву...

Справленіе поминокъ горскими евреями кромѣ оплакиванія состоитъ въ томъ, что прежде всего зажигается вечеромъ въ синагогѣ одна стеариновая свѣча, которая поддерживается цѣлыя сутки, и потомъ во время молитвы этого дня читается сыномъ, отцемъ или братомъ умершаго заупокойная молитва «кадышъ». Въ день поминокъ раввинъ и ученики его читаютъ изъ «Мишны» нѣсколько главъ, число которыхъ, впрочемъ, бываетъ такое, сколько буквъ въ имени умершаго, и каждая глава должна начинаться этими буквами. Затѣмъ читается нѣсколько псалмовъ. Послѣ этого родственники умершаго приносятъ въ синагогу нѣсколько бутылокъ или графиновъ съ водкой и виномъ и два подноса, одинъ съ «тутуи» слоистыми хлѣбами печенными на маслѣ, а другой съ курами и гусями. Раввинъ подходитъ и, отслуживъ молебенъ надъ виномъ, поданнымъ ему въ стаканѣ родственникомъ умершаго, отрываетъ рукою кусокъ «тутуи» и курицы и отходитъ. Затѣмъ подходятъ другіе и слѣдуютъ его примѣру, пока на подносахъ не останется ничего. Дома же, кромѣ «тутуи», женщины приготовляютъ пловъ, который разсылается съ дѣвочками въ тарелкахъ родственникамъ и знакомымъ. Сверхъ всего этого родственники умершаго какъ въ первый годъ послѣ его смерти, такъ и въ слѣдующіе года, стараются достать новыхъ фруктовъ и плодовъ еще до появленія ихъ на базарѣ, и несутъ ихъ раввину и другимъ почетнымъ лицамъ аула, чтобы тѣ пожелали покойному «царства небеснаго».

Какъ показываютъ и самые обряды поминокъ, горскіе евреи имѣютъ странныя представленія о безсмертіи души и о загробной жизни. По мнѣнію нѣкоторыхъ, душа человѣка, оставивши мертвое тѣло, сейчасъ летитъ въ небеса, гдѣ

говорятъ ей, что ее будутъ судить по истеченіи семи дней. Записавъ ее въ число душъ, поступившихъ на верховный судъ, ангелы распорядители предоставляютъ эти семь дней, называемые «овилъ», на ея усмотрѣніе и позволяютъ ей сойти на землю для свиданія съ прежнимъ жилищемъ своимъ и мѣстомъ, гдѣ она находилась. Поэтому душа, въ ожиданіи суда, безпокойно посѣщаетъ въ эти дни то могилу умершаго, то мѣсто, гдѣ она оставила тѣло. По прошествіи же этого срока ее зовутъ на верховный судъ, который представляется огромной палатой, освѣщенной безчисленнымъ множествомъ восковыхъ свѣчъ и сіяніемъ Бога, сидящаго на престолѣ *) и скрытаго отъ взора огненной завѣсой. Въ палатѣ сидятъ праведники и сѣдые старики въ саванахъ на скамейкахъ, разставленныхъ вокругъ длинныхъ столовъ, покрытыхъ бѣлой шелковой матеріей съ огненными кисточками по угламъ. Съ правой стороны трона стоитъ ангелъ съ вѣсами въ рукахъ, а съ лѣвой — секретарь съ книгой, гдѣ записаны всѣ добрыя и злыя дѣла умершихъ. Кромѣ того въ палатѣ присутствуютъ нѣкоторые изъ праведныхъ предковъ умершихъ, которымъ предоставляется право ходатайствовать за явившихся въ судъ потомковъ относительно смягченія наказанія, если для этого они имѣютъ какое либо основаніе. По мнѣнію евреевъ горцевъ, Богъ всегда смягчаетъ наши наказанія и не взыскиваетъ съ насъ строго, соотвѣтственно грѣхамъ. По вызову ангела-секретаря, являются ангелы или духи, созданные добрыми и злыми дѣлами умершаго, и окружаютъ его. Ангель-секретарь приказываетъ имъ становиться на вѣсы. Если окажется при этомъ, что вѣсъ злыхъ духовъ больше вѣса добрыхъ, то душу отправляютъ въ адъ, если же наобо-

*) Онъ считается временнымъ, ибо Богъ сидитъ тамъ только во время суда: два дня „новаго года“, день „Судный“, день „hўшнано“ и „тишъ-о бе-овъ“. Новый годъ, Судный день, и „hўшнано“ (6-ой день праздниковъ Кущей) бываютъ въ Сентябрѣ, а „Тишъ-о бе-овъ“ (разрушеніе Іерусалима) въ Іюлѣ. Кромѣ этого есть еще нѣсколько неозначенныхъ дней, въ которые Господь судитъ и слушаетъ рѣшенія суда.

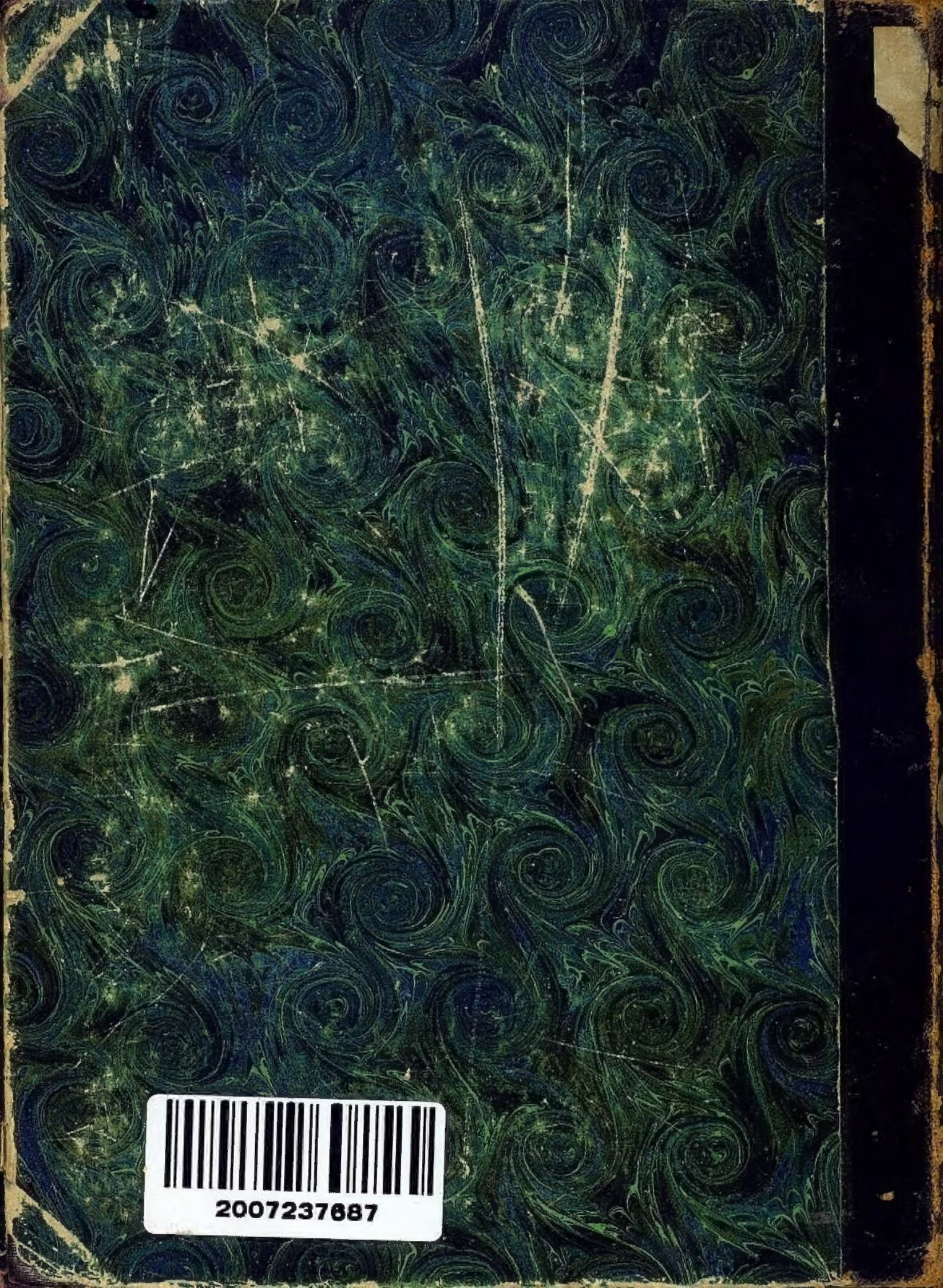
ротъ,—то въ рай. Но прямо въ рай никто не попадаетъ, и надо благодарить Бога, если прямо попадешь для очищенія отъ грѣховъ сперва въ адъ, ибо тяжкихъ грѣшниковъ гонятъ на «гелгелъ» (вращеніе). Тогда душа скитается изъ одного конца свѣта въ другой цѣлыя сотни и тысячи лѣтъ и не находитъ себѣ ни постояннаго мѣста, ни покоя. Въ это время ее переселяютъ въ тѣла различныхъ животныхъ, которыя переносятъ всевозможныя страданія. Вмѣстѣ съ ними страдаетъ и душа. Переселеніе души тоже различно. Смотря по количеству и по свойству грѣховъ, ее сперва селятъ въ траву, которая должна засыхать, не давать плодовъ, кромѣ колючекъ, и перерождаться ежегодно. Затѣмъ вселяютъ ее въ мелкихъ насѣкомыхъ и гадовъ, гдѣ она пребываетъ нѣсколько десятковъ и сотенъ лѣтъ. Наконецъ попадаетъ она въ высшія животныя и человѣка, откуда уже, тоже по истеченіи многихъ вѣковъ, прямо въ адъ. Здѣсь ее облекаютъ образомъ прежняго тѣла и даютъ въ распоряженіе ангеловъ палачей или злыхъ духовъ. Тѣ, радуясь своей жертвѣ, кидаютъ ее съ одного конца свѣта въ другой, пока ея тѣло не превращается въ массу, бросаютъ въ кипящіе котлы, въ огненныя печи, жарятъ на сковородахъ и терзаютъ всевозможными пытками, пока не придетъ приказаніе съ Неба подвергнуть ее послѣднему истязанію, послѣ котораго, очистившись совсѣмъ отъ грѣховъ, она попадаетъ въ рай. Послѣ каждаго наказанія тѣло души возобновляется и принимаетъ прежній видъ *). По повѣрію, адъ находится въ глубинѣ земли, а рай надъ седьмымъ небомъ *).

---

*) Нѣкоторые же изъ евреевъ думаютъ, что душа, послѣ оставленія ею тѣла, сейчасъ же переселяется въ какое нибудь животное и вовсе не является на верховный судъ, пока не получитъ оттуда приказанія отправляться въ адъ.

**) Небо представляется воздушной массой, состоящей изъ семи „табага“ (этажей). Каждый этажъ отдѣляется отъ другого плотной перегородкой „перде“ и назначенъ для звѣздъ, планетъ и ангеловъ. Надъ седьмымъ этажемъ стоитъ постоянный тронъ Всевышняго.

Между адомъ и раемъ находится толстая накаленная проволока, по которой должна идти душа, чтобы окончательно очиститься отъ грѣховъ и попасть въ рай. Она нѣсколько разъ пытается, доходитъ до средины длиннаго пути, спотыкается подъ тяжестью грѣховъ и падаетъ на проволоку, которая съ шипѣніемъ и свистомъ разрываетъ ея тѣло пополамъ, послѣ чего летитъ внизъ и попадаетъ въ огонь, гдѣ превращается въ пепелъ. Послѣ этого тѣло опять возобновляется, и душа продолжаетъ терзаться, пока на ней не останется ни одного грѣха. Послѣ очищенія она благополучно доходитъ до седьмого неба, гдѣ ее встрѣчаютъ добрые ангелы, показываютъ ей все величіе Бога и сопровождаютъ ее въ рай. Здѣсь для нея приготовляется мѣсто, смотря по количеству и достоинствамъ считающихся за нею добрыхъ дѣлъ. Входя въ рай, она ослѣпляется лучезарнымъ сіяніемъ Господа Бога и красотою всего окружающаго Его. Ангелы стоятъ передъ Нимъ и славятъ въ благоговѣніи Его имя. Кругомъ на золотыхъ креслахъ сидятъ праведники и наши праотцы, считая отъ престола и съ правой стороны его—Адамъ, Ной, Исаакъ, Яковъ и другіе, а съ лѣвой—Ева, Сара, Ревекка, Рахиль и другія. Всѣ сидятъ и слушаютъ рѣчи Ангеловъ, превозносящихъ имя «Еговы-Севоута».


2007237687